

В. Л. КОРОВИН

КНИГА ИОВА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ
XVIII -
ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЫ
XIX ВЕКА

В. Л. Коровин

КНИГА ИОВА

В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В. Л. Коровин

КНИГА ИОВА
В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XVIII –
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

ВОДОЛЕЙ
МОСКВА
2017

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
К89

Рекомендовано к печати Ученым советом филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Рецензенты: д.ф.н., профессор *Д.П. Ивинский* (филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова); д.ф.н., академик РАО *Н.И. Михайлова* (Государственный музей А.С. Пушкина).

ISBN 978-5-91763-373-2

© В. Л. Коровин, 2017

© Издательство «Водолей», оформление, 2017

ОТ АВТОРА

Предлагаемая вниманию читателей книга является частью более обширного исследования о библейских темах в русской поэзии XVIII – первой половины XIX в. Она посвящена переложениям из Книги Иова.

Первая часть посвящена «Оде, выбранной из Иова» М.В. Ломоносова, опубликованной в 1751 г. В ней заключено переложение речи Бога к Иову (главы 38–41)¹, за которым следуют сделанные поэтом «от себя» нравоучительные выводы (поэт оказался в роли толкователя библейской книги). В русской поэзии XVIII в. это был первый опыт свободного переложения из Священного Писания с элементами его толкования (в отличие от нескольких напечатанных ранее парафраз псалмов). Эта ода рассматривается нами как ключевое произведение в разделе «Оды духовные» в прижизненных изданиях сочинений Ломоносова (1751, 1757). Общий смысл и композиция раздела соотносятся с Книгой Иова.

Во второй части речь идет о менее известных стихотворениях Н.П. Николева (нач. 1750-х или 1758–1815), С.А. Ширинского-Шихматова (1783–1837) и Е.Л. Милькеева (1815–1845?), а также о заключительных главах поэмы Ф.Н. Глинки (1786–1880) «Иов» (1829–1834, изд. в 1859 г.).

Славянский перевод Книги Иова (и других книг Ветхого и Нового Заветов) ниже цитируется по тексту Елизаветинской Библии.² Он был сделан с древнего греческого перевода (Септуагинты) и местами по смыслу отличается от еврейского оригинала (масоретской редакции), с которого сделан русский синодальный перевод.³ Последний цитируется в случаях, когда нужно пояснить славянский текст или указать на отличающиеся от него чтения отдельных стихов по еврейскому варианту. Поэтам интересующего нас периода он был известен по переводам на современные европей-

---

¹ Речь Бога в Книге Иова состоит из двух частей (38:1–39:32 и 40:1–41:26), за каждой следует ответ Иова (39:33–35 и 42:1–6).

² Елизаветинская Библия (последняя редакция церковнославянского перевода) вышла в конце 1751 г., через несколько месяцев после первого собрания сочинений Ломоносова (куда вошла его «Ода, выбранная из Иова»).

³ Полностью русский синодальный перевод Библии вышел в 1876 г. О его истории см. в кн.: Чистович И.А. История перевода Библии на русский язык. – 2-е изд. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. – [6], 347 с.

ские языки (и по Вульгате – латинскому переводу). Федор Глинка в 1830-х гг., вероятно, располагал и неопубликованным русским переводом протоиерея Герасима Павского. Другие сделанные с еврейского текста русские переводы Книги Иова вышли уже во второй половине XIX в. – архимандрита Макария (Глухарева) (завершен в 1837 г., опубликован в 1861 г.¹), архиепископа Агафангела (Соловьева) (1860)² и М.А. Голубева (1869–1870)³, возглавлявшего группу переводчиков Санкт-Петербургской духовной академии, участвовавших в создании синодального перевода. Русский перевод П.А. Юнгера с греческого текста Книги Иова вышел в 1914 г.⁴ Новейшие ее русские переводы (с еврейского) сделаны М.И. Рижским (1991), С.С. Аверинцевым (1993) и А.С. Десницким (2001).⁵ Переводы основных святоотеческих комментариев на Книгу Иова см. в кн.: Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков. Ветхий Завет. – Т. VI: Книга Иова / Под ред. Манлио Симонэтти и Марко Конти; русское изд. под ред. Ю.Н. Варзониной; пер. с англ., греч., лат. и сир. – Тверь: Герменевтика, 2007. – 312 с.; Малков П.Ю. Возлюбивший Христа: Святоотеческие толкования на книгу Иова. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2014. – 880 с.

¹ Книга Иова. Опыт переложения на русский язык архимандрита Макария. – М.: Тип. Каткова и К°, 1861. – 102 с. (приложение к журналу «Православное обозрение»).

² <Агафангел (Соловьев), архиеп.>. Книга Иова в русском переводе с кратким объяснением. – Вятка: Тип. К. Блинова, 1860. – 319 с.; Изд. 2-е. – Вятка: Тип. К. Блинова, 1861. – 319 с.

³ Первая половина Книги Иова в переводе М.А. Голубева была напечатана в 1869–1870 гг. в приложениях к журналу «Христианское чтение» (1869. – Ч.1–2. – №4–12; 1870. – Ч.1. – №1–3).

⁴ Юнгеров П.А. Книга Иова в русском переводе с греческого текста LXX, с введением и примечаниями. – Казань: Центральная типография, 1914. – VIII, 92 с.

⁵ Рижский М.И. Книга Иова: Из истории библейского текста. – Новосибирск: Наука, 1991. – С.19–84 (текст), 84–146 (коммент.); Аверинцев С.С. Собр. сочинений. Переводы: Евангелия. Книга Иова. Псалмы. – Киев: Дух і літера, 2004. – С.312–378; Книга Иова / [Пер. А.С. Десницкого] // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические / Современный русский перевод. – М.: Российское Библейское общество, 2011. – С.558–593. Выше указаны даты первых публикаций этих переводов.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«ОДА, ВЫБРАННАЯ ИЗ ИОВА» В «ОДАХ ДУХОВНЫХ» М.В. ЛОМОНОСОВА И КНИГА ИОВА

* * *

1.1.

*«Ода, выбранная из Иова»:
датировка, источники; обзор литературы*

1.2.

«Оды духовные» в сочинениях Ломоносова и Книга Иова

1.3.

Строфы «от автора» в «Оде, выбранной из Иова» (1 и 14)

1.4.

*Библейская экзегеза в переложении Ломоносова. –
Строфы 2–8*

1.5.

Бегемот и Левиафан (строфы 9–12)

1.6.

*Строфа о творении человека (13). –
Некоторые итоги*

1.7.

*Ломоносов в полемике с поэмой Вольтера
«На разрушение Лиссабона» в 1757 г.
и И.Ф. Богданович как переводчик этой поэмы*

1.1. «Ода, выбранная из Иова»:

ДАТИРОВКА, ИСТОЧНИКИ; ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

«Ода, выбранная из Иова, глава 38, 39, 40 и 41» впервые была опубликована в вышедшем в июле 1751 г. «Собрании разных сочинений в стихах и в прозе Михайла Ломоносова» (в разделе «Оды духовные» как ода 8), а затем во втором (и последнем) прижизненном его издании 1757 г.¹ В рукописи первого собрания, датированной началом 1751 г.,² текст оды написан рукой Ломоносова, содержит исправления и немного иначе озаглавлен («Ода 8, избранная из Иова глава 38, и прочая»)³, т.е. в это время он еще работал над ней (по крайней мере, переписывал и исправлял). Точные сведения о времени ее создания на этом заканчиваются.

А.С. Будилович в «Хронологическом указателе» к сочинениям Ломоносова поместил «Оду, выбранную из Иова» среди произведений, «которые трудно приурочить к определенному времени», с вопросительной пометкой «после 1749 г.?». ⁴ В подготов-

¹ Ломоносов М. Собр. разных сочинений в стихах и в прозе. Книга первая. – [СПб.:] печ. при Имп. Акад. наук, 1751. – С.35–40; Ломоносов М. Собр. разных сочинений в стихах и в прозе. Книга первая. – 2-е изд. с прибавлениями. – [М.:] печ. при Имп. Моск. университете, 1757. – С.27–31. Ср.: Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.: [В 10 т.]. – Т.8. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – С.387–392 (текст оды по изд. 1757, варианты), 981–982 (коммент. В.Н. Макеевой). Далее ссылки на ПСС Ломоносова (т.1–10, 1950–1957; т.11 дополнительный, справочный, 1983) даются в тексте: римская цифра – том, арабская – страница.

² Доношение Ломоносова в Канцелярию АН о печатании его сочинений, написанное 25 января 1751 г. («Намерен я все мои оды и некоторые другие мои сочинения отдать в печать, для того что весьма много охотников, которые их спрашивают. Для того прилагаю при сем оных собрание и Канцелярию Академии Наук прошу, чтоб соблаговолено было оные напечатать» [X, 401]), было подано 9 февраля; положительное решение последовало 11 февраля, после чего началось печатание книги, вышедшей ранее 22 июля (Летопись жизни и творчества М.В. Ломоносова / Составители В.Л. Ченакал, Г.А. Андреева, Г.Е. Павлова, Н.В. Соколова. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – С.174, 175, 181).

³ В автографе 11 исправлений (в стихах 3, 14, 24, 35, 36, 39, 45, 84, 85, 89, 109); в первой публикации, кроме заглавия, исправлены еще шесть стихов (2, 39, 55, 59, 65, 68); во втором изд. (1757) изменены также стихи 46 и 63–64 (см.: VIII, 387–392).

⁴ Будилович А.С. Ломоносов как писатель: Сборник материалов для рассмотрения авторской деятельности Ломоносова. – СПб.: Имп. Акад.

ленном М.И. Сухомлиновым академическом издании она напечатана под 1750 г.¹ Л.В. Пумпянский отнес ее к циклу «богословских» од Ломоносова, созданных зимою 1742–1743 гг., и предположил, что написана она была тогда же² (его гипотеза не получила широкого признания). В академическом ПСС советского времени «Ода, выбранная из Иова» помещена под 1751 г. и датирована 1749–1751 гг. (VIII, 981, 1271). В.М. Жирмунский, исходя из статистики пропущенных в оде ударений в сильных метрических позициях (около 20% – больше, чем в ранних стихах Ломоносова), тоже указал 1749–1751 гг.³ Ю.М. Лотман выдвинул гипотезу, обосновывающую 1749 г. как нижнюю дату (по его мнению, «толчком, оформившим замысел "Оды, выбранной из Иова"», стало переиздание в 1749 г. «Камня веры» Стефана Яворского).⁴ Наконец,

---

наук, 1871. – С.96. Пометка «после 1749 г.?» дана со ссылкой на письмо Ломоносова к В.Н. Татищеву от 27 января 1749 г. (см. о нем ниже).

¹ Ломоносов М.В. Сочинения: [В 8 т.] / С объяснительными примеч. академика М.И. Сухомлинова. – Т.1. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1891. – С.XVII (содерж.), 310–314 (текст), 469–485, вторая пагинация (примеч.). Текст оды здесь напечатан по изд. 1751 (варианты в примеч. – с.469–470).

² Пумпянский Л.В. Очерки по литературе первой половины XVIII века. II. Ломоносов в 1742–1743 гг. // XVIII век. Сб. статей и материалов. – [Сб.1]. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. – С.102–110, здесь в особенности с.107–108. По версии ученого, этот цикл состоит из 4-х стихотворений: «Ода на прибытие <...> Елисаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1742 года по коронации» (некоторые строфы), «Вечернее размышление о Божием величестве...» (написано, по словам Ломоносова, в 1743 г. [III, 123]), «Утреннее размышление...» и «Ода, выбранная из Иова». Л.В. Пумпянский подчеркнул гипотетичность своей датировки, которая «...прямым образом недоказуема. Но ведь и традиционная датировка условна. *Hypothèse contre hypothèse*, наименьшая вероятность за датировкой акад. издания <М.И. Сухомлинова – В.К.>» (с.108).

³ Жирмунский В.М. Оды М.В. Ломоносова «Вечернее» и «Утреннее размышление о Божием величестве»: К вопросу о датировке // XVIII век. – Сб.10: Русская литература XVIII века и ее международные связи. – Л.: Наука, 1975. – С.27–30, здесь с.30. «Утреннее размышление...», которое А.С. Будилович, М.И. Сухомлинов, Л.В. Пумпянский и составители ПСС единодушно относили к 1743 г. (по аналогии с «Вечерним размышлением»), В.М. Жирмунский также датировал 1749–1751 гг.

⁴ Лотман Ю.М. Об «Оде, выбранной из Иова» Ломоносова <1983> // Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. – СПб.: Искусство–СПБ, 1996. – С.266–278, здесь с.274.

А.А. Морозов дал снимавшую разногласия датировку – «между 1743 и началом 1751».¹

В отличие от переложений псалмов Ломоносова² – близких к славянскому тексту полных парафраз (четыре были напечатаны до 1751 г.³), «Ода, выбранная из Иова» является свободным переложением выбранных поэтом по собственному усмотрению фрагментов библейской книги. В свое время это был пример смелого обращения со Священным Писанием, тем более что перелагалась речь самого Бога. С.П. Шевырев оценил это как «подвиг» одного из «первых создателей нашего собственно русского слова»: «Как велика и достойна Ломоносова сия отважная мысль – осмелиться вложить лепет языка-младенца в уста Богу, гремящему из тучи, – и этот лепет внезапно превратить в гром говорящий! Такими подвигами только создается Поэзия народов, призванных к великому».⁴

---

¹ Ломоносов М.В. Избр. произведения / Вступ. статья, сост. и примеч. А.А. Морозова; подг. текста М.П. Лепехина и А.А. Морозова. – Л.: Советский писатель, 1986. – С.203. – (Библиотека поэта, бс. Изд. 3-е).

² См. о них: Луцевич Л.Ф. Псалтырь в русской поэзии. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. – С.242–280 («Стихотворные переложения псалмов М.В. Ломоносова») (здесь же обзор литературы).

³ В 1744 г. Ломоносов, В.К. Тредиаковский и А.П. Сумароков совместно выпустили брошюру «Три оды парафрастические псалма 143...», представив в ней результаты своего поэтического состязания (см.: Луцевич Л.Ф. Указ. соч. – С.141–241; Шишкин А.Б. Поэтическое состязание Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова // XVIII век. – Сб.14: Русская литература XVIII – начала XIX века в общественно-культурном контексте. – Л.: Наука, 1983. – С. 232–246). Еще три парафразы Ломоносова (псалмы 14, 116 и 145) были опубликованы в его «Кратком руководстве к красноречию» (1748). Других стихотворных переложений из Библии до 1751 г. в русской гражданской печати не было. Через год после «Собрания сочинений» Ломоносова (куда он включил семь переложений псалмов и оду из Иова) вышли «Сочинения и переводы» В.К. Тредиаковского (1752), где в разделе «Оды божественные» были напечатаны 20 «парафразисов» (псалмы и «библейские песни»); см.: Тредиаковский В.К. Сочинения и переводы как стихами, так и прозою / Изд. подготовила Н.Ю. Алексеева. – СПб.: Наука, 2009. – С.175–227 (текст), 599–612 (коммент.). – (Литературные памятники).

⁴ Шевырев С.П. История поэзии. – Т.1. – М.: Тип. Августа Семена, при Имп. Медико-Хирургической акад., 1835. – С.198 (Чтение седьмое).

В письме к В.Н. Татищеву от 27 января 1749 г. Ломоносов отклонил его совет продолжить переложение псалмов, ссылаясь на две причины: «Первое – недосуги <...>; второе – опасение, ибо я не смею дать в переложении другого разума, нежели какой псаломские стихи в переводе имеют. Так, принявшись предлагать на стихи прекрасный псалом 103, для того покинул, что многие нашел в переводе погрешности, например: “Змий сей, его же создал еси ругатися ему”, вместо: “се кит, его же создал еси презирати оное” (то есть море, его пространство)» (X, 462).

Отсюда можно сделать два вывода: 1) славянский перевод псалмов в глазах Ломоносова имел каноническое достоинство, что не исключало критического к нему отношения, но не позволяло дать в переложении «другой разум»; 2) непременно для себя условием в переложениях псалмов он ставил их полноту (иначе что бы ему помешало, пропустив стих, в котором он увидел погрешность [Пс 103:26], продолжить переложение?).

В переложениях, условно датируемых 1749–1751 г. (псалмы 1, 26, 34, 70), как и в тех, которые были напечатаны раньше (псалмы 14, 116, 143, 145), последнее условие соблюдено (и из псалма 103 он последовательно переложил первые 16 стихов в 16 четверостиший, а затем просто его «покинул»). Иное дело «Ода, выбранная из Иова», которую автор явно отличал от «парафрастических од», поэтому выбирал только нужные ему стихи, переставляя их местами и делая вставки от себя, и без «опасения» переименовал «зверя» («зверие») из славянского текста Книги Иова в Бегемота, а «змия» – в Левиафана, как они названы в латинском и других западных переводах (в остановившем Ломоносова стихе Пс 103:26 в Вульгате на месте «змия» тот же левиафан, но в письме к В.Н. Татищеву он даже как вариант его не упомянул).

«Ода, выбранная из Иова» у Ломоносова представляет собой альтернативный его парафразам псалмов тип стихотворения, основанного на библейском тексте, и вероятней, что она написана после того, как тип «парафрастической оды» уже сложился. Кроме того, она не имеет аналогов в его творчестве, тогда как вслед за относящимися к 1743 г. «Вечерним размышлением» и переложением 143 псалма появились «Утреннее размышление» и новые переложения псалмов (после 1751 г. он уже не писал духовных од).

В пользу поздней датировки говорит и такой (еще не отмечавшийся) факт: 5-я и 7-я строфы «Оды, выбранной из Иова» пере-

кликаются с отрывком из §271 «Краткого руководства к красноречию», кажутся его стихотворной парафразой (см. ниже – 1.4). Не исключено, что стихотворный текст предшествовал прозаическому, но вероятней обратное. Значит, оду нужно датировать как написанную не ранее, чем в период с марта 1744 г. до января 1747 г. (когда шла работа над «Риторикой» [см.: VII, 805–806]).

Наконец, как доказывается ниже (1.2), «Ода, выбранная из Иова» – ключевое произведение в разделе «Оды духовные», которое придает всей его конструкции единый смысл, соотносимый с Книгой Иова. Если наши наблюдения верны, то вероятней всего, что она была написана, когда Ломоносов уже решил выстроить духовные оды определенным образом, т.е. когда готовил свои сочинения к печати – в начале 1751 г.¹ На этой самой поздней из возможных дат пока и приходится остановиться.²

---

¹ В то же время, на наш взгляд, были написаны первое, третье и последнее стихотворения в «Одах духовных» – «Преложение псалма 1», «Преложение псалма 34» и «Утреннее размышление о Божием величестве» (как и переложения псалмов 26 и 70, они опубликованы здесь впервые). К их созданию поэта могли подвигнуть композиционные соображения. Переложение 1-го псалма стало необходимо, когда было принято решение поместить в начале «Од духовных» ряд переложений псалмов, а сам этот раздел – в начале собрания сочинений (было бы странно на *первом месте* в книге увидеть какой-то другой псалом, кроме *первого*) (подобное соображение уже высказывалось, см.: Луцевич Л.Ф. Указ соч. – С.267). В переложении 34-го псалма 112 стихов – ровно как в «Оде, выбранной из Иова». Поскольку оно явственно перекликается с Книгой Иова (с его жалобами и проклятиями и призывами к Богу совершить суд), можно заподозрить, что это не простое совпадение: возможно, перелагая 34-й псалом, автор думал соотнести его с «Одой, выбранной из Иова». Сочинение «Утреннего размышления», составляющего пару с «Вечерним...», могло быть продиктовано заботой о композиции раздела, а кроме того, в некоторых отношениях оно кажется написанным в продолжение «Оды, выбранной из Иова» (см. 1.2).

² Стоит оговориться, что предлагавшаяся Л.В. Пумпянским ранняя датировка (1742–1743) все-таки не может быть полностью отвергнута. Не исключено, что Ломоносов к переложению из Книги Иова обращался дважды, т.е. существовал какой-то ранний вариант оды. На эту мысль, кроме наблюдений Л.В. Пумпянского, наводят соответствия с Книгой Иова в переложении 143 псалма и «Вечернем размышлении» (см. 1.2).

* * *

Как переложение из Книги Иова и как свободное переложение библейского текста «Ода, выбранная из Иова» является беспрецедентной в творчестве Ломоносова и русской поэзии его времени. В виду этого вопрос о ее возможных источниках и образцах особенно важен. Н.Ю. Алексеева, говоря об итогах и проблемах изучения его творчества, подчеркнула проблему с духовными одами: «Помимо непосредственных источников, остается открытым вопрос и об образцах ряда ломоносовских стихотворений. Так, мы не знаем, на какие образцы ориентировался Ломоносов в создании своих парафрастических од. <...> Не знаем мы также, на какие образцы ориентировался Ломоносов и при создании своих размышлений о Божием величестве и “Оды, выбранной из Иова”, а такие образцы, по-видимому, были. <...> Вообще изучение духовных од Ломоносова из всех жанров его поэзии представляется наиболее насущным и трудным».¹

В современной Ломоносову европейской литературе есть одно сходное с «Одой, выбранной из Иова» произведение, которое могло быть ему известно. Это поэма Эдуарда Юнга (1683–1765) «Парафраза части Книги Иова» («A Paraphrase on Part of the Book of Job», 1719), часто печатавшаяся как приложение к его «Ночным размышлениям» («The Complaint, or Night Thoughts on Life, Death and Immortality», 1742–1745).² В России их начали переводить толь-

---

¹ Алексеева Н.Ю. Итоги и проблемы изучения литературного наследия М.В. Ломоносова // Чтения Отдела русской литературы XVIII века. – Вып.7: М.В. Ломоносов и словесность его времени. Перевод и подражание в русской литературе XVIII века / Отв. ред.: А.А. Костин, А.О. Дёмин. – М.; СПб.: Альянс-Архео, 2013. – С.19.

² См.: The New Cambridge Bibliography of English Literature / Ed. by G. Watson. – Vol.2: 1660–1800. – Cambridge: The University press, 1971. – С.493. Первое издание: Young E. A Paraphrase on Part of the Book of Job. – London, 1719. – 26, [6] p. После этого вышло еще несколько отдельных изданий. Как приложение к «Ночным размышлениям» «Парафраза части Книги Иова» впервые была напечатана в 1748 г. в изд.: Young E. The Complaint, or Night Thoughts on Life, Death and Immortality. Sixth edition. – Vol.1–2. – London: Dodsley, 1743–1748.

ко в 1770-х гг.¹ (после выхода французского перевода П. Летурнера, 1769). «Парафраза части Книги Иова» на русский язык переводилась дважды (1780, 1798).² В связи с «Одой, выбранной из Иова» она не рассматривалась.³ Между тем это стихотворное переложение той же, что у Ломоносова, части библейской книги (Иов 38–41). Отличие в том, что это не выборочное, а полное переложение Божественного ответа, введением к которому служит краткий рассказ о бедствиях Иова (без жалоб и споров с друзьями), а заключением – слова его раскаяния. Ломоносов владел английским языком и интересовался иностранными литературами,⁴ так что в знакомстве его с этим произведением к 1751 г. нет ничего невероятного, тем более что в 1749 г. уже появились первые немецкие переводы из Юнга.⁵ Знакомство с его поэмой могло подать Ломоносову

¹ См.: Левин Ю.Д. Английская поэзия и литература русского сентиментализма // От классицизма к романтизму: Из истории международных связей русской литературы. – Л.: Наука, 1970. – С.210 и сл.

² Юнг Э. Краткое изъяснение из Книги Иова / <Пер. И.Г. Рахманинова> // Ночные мысли и другие некоторые сочинения г. Юнга, с аглинского на французской, а с французского на российской язык переведенные И.Р. – СПб.: при Артиллер. и инж. шляхетном кадетском корпусе, у Х.Ф. Клеэна, 1780. – С.51–78; Юнг Э. Вольное переложение некоторых мест из книги Иова / <Пер. С.С. Джунковского> // Плач, или Ночные мысли о жизни, смерти и бессмертии, аглинское творение г. Йонга, с присовокуплением двух поэм: 1) Страшный суд, 2) Торжество веры над любовью, и 3) Вольного переложения из книги Иова, творения сего же знаменитого писателя. Вновь переведено с аглинского подлинника с описанием жизни сочинителя, многими новыми примечаниями и с двумя гравированными картинками: [В 2 ч.]. – СПб.: Тип. Г[ос.] М[ед.] коллегии, 1799. – Ч.2. – С.435–460.

³ Единственное известное нам упоминание см.: Левитт М. «Вечернее размышление о Божием величестве» и «Утреннее размышление о Божием величестве»: Опыт определения теологического контекста // XVIII век. – Сб.24. – СПб.: Наука, 2006. – С.63. Здесь же попутное замечание о «теме Иова» как имеющей «...прямое отношение к физико-теологической проблематике» (с.68).

⁴ См.: Берков П.Н. Литературные интересы Ломоносова // Литературное творчество М.В. Ломоносова: Исследования и материалы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С.14–68.

⁵ См.: Левин Ю.Д. Указ. соч. – С.207. Первые переводы принадлежали И.Я. Бодмеру. В самом 1751 г. вышел сделанный И.А. Эбертом прозаич-

мысль сделать собственное переложение ответа Бога Иову. В любом случае, поскольку других столь же близких по содержанию его оде произведений в современной ей литературе пока не указывалось, поэму Юнга целесообразно учесть в качестве ее литературного фона.

В.М. Живов в одной работе, делая попутные замечания о «Оде, выбранной из Иова», указал на «...стихи Гюнтера об Иове, которые видимо, были одним из стимулов ломоносовской оды».¹ К сожалению, исследователь не уточнил, какие именно стихи Иоганна Христиана Гюнтера (1695–1723) он имел в виду. По словам Г.В. Синило, Книга Иова была «своего рода метатекстом для религиозных стихотворений Гюнтера»: «Душа поэта ведет диалог с Богом, то принося покаяние, то задавая дерзкие вопросы, подобные вопросам библейского Иова. Это такие стихотворения, как “Покаянные мысли о состоянии мира” (“Bussgedanken über den Zustand der Welt”), “Верность духа Божь” (“Die Zuversicht des Geistes dem Gott”), “К Богу” (“An Gott”), “Как был он через внутреннее утешение укреплен в своем нетерпении” (“Als er durch innerlichen Trost bey der Ungeduld gestärket wurde”). Они образуют своеобразный цикл, в центре которого – болезненная и проклятая для человеческого сознания проблема теодицеи, проблема осмысленности мира и оправдания Бога перед лицом самого страшного и непонятного зла – страданий праведных и невинных».² Гюнтер был любимейшим поэтом Ломоносова в студенческие годы в Германии и ока-

---

ческий перевод «Ночных размышлений», а вместе с ним и «Парафразы части Книги Иова» (Young E. Klagen, oder Nachtgedanken über Leben, Tod und Unsterblichkeit: Der Jüngste Tag: Und eine Paraphrase über einen Theil des Buchs Hiob. – Erstes Stück. – Braunschweig; Hildesheim, 1751). Книга вышла не ранее апреля 1751 г. (под предисловием стоит дата 10 апреля, см.: Kind J.L. Edward Young in Germany. – New York: The Columbia University press, 1906. – P.137), когда сочинения Ломоносова уже находились в печати.

¹ Живов В.М. Первые русские литературные биографии как социальное явление: Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков <1997> // Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – С.604–605.

² Синило Г.В. История немецкой литературы XVIII века: учеб. пособие. – Минск: Вышэйшая школа, 2013. – С.55–66, здесь с.62.

зал на него влияние.¹ Стихотворения Гюнтера, основанные на жалобах Иова в библейской книге,² относятся к «Оде, выбранной из Иова» Ломоносова как *вопрос к ответу*, так что очевидно представляют собой актуальный для нее литературный контекст.

В российской поэзии до Ломоносова есть несколько случаев прямого обращения к Книге Иова: два стихотворения Симеона Полоцкого к дню памяти св. прав. Иова,³ четыре его же стихотворения под титулом «Иов» в «Вертограде многоцветном» (1678),⁴ одно стихотворение в приложенном к последнему анонимном цикле подписей к гравюрам Библии Маттиса Мериана⁵ и четыре стихотворения Мардария Хоныкова к гравюрам Библии Пискатора (1679).⁶ Все они не касаются вдохновившей Ломоносова Божествен-

¹ См.: Пумпянский Л.В. Ломоносов и немецкая школа разума // XVIII век. – Сб.14: Русская литература XVIII – начала XIX века в общественно-культурном контексте. – Л.: Наука, 1983. – С.8–18 (2. Ранний Ломоносов).

² См. в особенности одно стихотворение Гюнтера, переведенное Л. Гинзбургом («Терпимость, совестливость...»), в кн.: Европейская поэзия XVII века. – М.: Художественная литература, 1977. – С.284–286. – (Библиотека всемирной литературы).

³ Симеон Полоцкий. *Вирши* / Сост., подг. текстов, вступ. статья и коммент. В.К. Былинина, Л.У. Звонаревой; науч. ред. В.Г. Короткий. – Минск: Мастацкая літаратура, 1990. – С.283–284 («В день святого праведнаго Иова»), 289–290 («На именины боярина Богдана Матвеевича Хитрово» – макаронические русско-польские стихи). Оба стихотворения адресованы Б.М. Хитрово (1615–1680) и входят в сборник «Рифмологион, или Стихослов» (1678).

⁴ Симеон Полоцкий. *Вертоград многоцветный* / Подг. текста и коммент. А. Хипписли и Л.И. Сазоновой: [В 3 т.]. – Т.2. – Köln; Weimar; Wien: Börlau Verlag, 1999. – С.159–162 (1. «Столп каменный, высоко стоя утвержденный...»; 2. «Иов Борец пресилный в гноище сядяше...»; 3. «Блажен бе Иов, егда в богатстве живяше...»; 4. «В естественном законе Иов терпеливый / терпения Христова образ бяше живой...»).

⁵ Там же. – Т.3 (2000). – С.483 (стихотворение 141: «Иов, егда погуби различных скот стада...»). Ср.: Белоброва О.А. Древнерусские вирши к гравюрам Маттиса Мериана // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. – Т.44. – Л.: Наука, 1990. – С.465.

⁶ Белоброва О.А. Вирши Мардария Хоныкова к гравюрам Библии Пискатора // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской лите-

ной речи, зато представляют поэтическую традицию наставлений в вере и нравственности на материале Книги Иова, в русле которой находится и его ода. Ниже (1.3) отмечена ее перекличка со стихами Симеона Полоцкого. Здесь сразу укажем на короткое стихотворение Феофана Прокоповича «Речь Господня к рабу малодушному»:

Не бойся ни мало, понеже Я с тобою!
Не смотри на страхи, когда ты со Мною.
О сердце трепетное! Перестань дрожати,
полагай надежду в Моей благодати.¹

В этом стихотворении представлена сходная с «Одой, выбранной из Иова» картина отношений Бога и человека: Бог не упрекает его за малодушие, а заявляет о своем покровительстве, ободряет и внушает надежду.

Особый вопрос – какие толкования Книги Иова² мог учиты-

ратуры (Пушкинский дом) РАН. – Т.46. – СПб.: Наука, 1993. – С.381–382 (стихотворения 216–219: «Иов человек праведен и честен...», «Паки диавол дерзает просити...», «Слышаще друзи три злословие...», «По скорби Иов обогащается...»). Иов здесь также упоминается в стихотворении 307 (на первое из евангельских блаженств): «Блажени иже духом обнищаша... <...> Яко же Иов, иже зло страдаше, / но благодарен быв, небо стяжаше» (с.398).

¹ Феофан Прокопович. Сочинения / Под ред. И.П. Еремина. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – С.224. Стихотворение не датировано. Впервые опубликовано в 1868 г. И.А. Чистовичем по дефектному списку с тем же заглавием, но с другим текстом: «Не бойся ни мало, когда Я с тобой / Не смотри на страх, когда ты со Мною. / О сердце трепетное перестань дрожати / При сей благодати» (Чистович И.А. Феофан Прокопович и его время. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1868. – С.599).

² О них см.: Неклюдов К.В., Ткаченко А.А. Иова книга: Рецепция книги // Православная энциклопедия. – Т.25. – М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2010. – С.332–340 (о Книге Иова в Ветхом и Новом Заветах, у ранних христианских авторов, в восточной и западной патристике); Симонетти М., Конти М. Введение к комментариям на Книгу Иова // Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков. Ветхий Завет. – Т. VI: Книга Иова. – Тверь: Герменевтика, 2007. – С. X–XXIII. См. также: Романенко В. Комментарии // Книга Иова / В русском синодальном переводе. Сост. и коммент. В. Романенко, сост. и предисл. иеромо-

вать Ломоносов. Наверняка ему были известны многие из них, но в первую очередь – диакона Олимпиодора Александрийского¹ (VI в.). Славянский перевод Книги Иова был сделан с текста Септуагинты в составе его комментариев, и в славянской письменности она бытовала вместе с ними.² В НИОР РГБ имеются две такие рукописные книги – XVI в. и конца XVII в.³, прежде (до 1747 г.) находившиеся в Троице-Сергиевой лавре (обе сейчас доступны на сайте РГБ). В них представлены разные переводы комментариев Олимпиодора. В

наха Симеона (Томачинского). – Киев: Богуславкнига, 2013. – С.187–300. Специальное исследование: Малков П.Ю. Возлюбивший Христа: Святоотеческие толкования на книгу Иова. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2014. – 880 с.

¹ На русский язык полностью они не переводились; частичный перевод (фрагмент комментария к Иов 38:1–40:1) см.: Олимпиодор Александрийский. Комментарий на Книгу Иова: [фрагменты] / Вступ. статья, пер. с древнегреч. К.В. Норкина // CURSOR MUNDI: Человек Античности, Средневековья и Возрождения. – 2014. – №6. – С.80–104.

² См.: Rogozinskaya M.M., Skobeev M.A., Turilov A.A. Иова книга: Переводы. IV. Славянский перевод // Православная энциклопедия. – Т.25. – М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2010. – С.324–325; Алексеев А.А. Текстология Славянской Библии. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – С.158 (гл.5: Очерк истории славянских библейских текстов. §5: Переводы Мефодия). См. также исследование и публикацию одной болгарской рукописи: Христова-Шомова И. Книги Йов с тълкувания в славянски превод: (По Владиславовия прение от 1456 г., ръкопис № 4/14 от сбирката на Рилския манастир). – София: Издателска къща «Анубис», 2007. – 495 с.

³ НИОР РГБ. – Ф.173/1. – №21 (Толкование на книгу Иова праведного, собранное Олимпиодором [рукопись]. – [Б.м.], XVI в. – 242 л.); Ф.173/1. – №21 Ф.173. I. №21 (На книгу Иова толкование Олимпиодора Александрийского и других [рукопись]. – [Б.м.], конец XVII в. – 368 л.). Описание см.: Леонид <Кавелин>, архимандрит. Сведения о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища Свято-Троицкой Сергиевой Лавры в библиотеку Троицкой Духовной семинарии в 1747 году (ныне находящихся в Московской духовной академии). – М.: Унив. тип. (М. Катков), 1887. – Вып.2. – С.24–25 (№7(21), №8(22)). На втором белом листе рукописной книги конца XVII в. надпись: «Книга толкования Олимпиодора диякона о книге праведнаго Иова, дана в Троицкую лавру вкладом морского флоту Порутчиком Сергием Автономовичем Головиным».

книге конца XVII в. они находятся в составе катенов из толкований Иоанна Златоуста и других авторов.¹ Эти книги могли побывать в руках Ломоносова во время учебы в Славяно-греко-латинской академии, а подобные им могли встретиться ему и раньше. К этому нужно добавить, что Иоанн Златоуст писал о Книге Иова не только в специальных комментариях (сохранившихся частично)², но и во многих других своих сочинениях, и его суждения несомненно были известны Ломоносову. В «Кратком руководстве к красноречию» (1748) он привел восемь отрывков из сочинений Златоуста, а три из них (VII, 129–130, 138–139) – из «Слова о том, что кто сам себе не вредит, тому никто вредить не может»³, в котором особо обсуждается история многострадального Иова.

Далее славянский перевод комментариев Олимпиодора цитируется, в основном, по названным рукописным книгам (в упрощенной орфографии); сочинения Златоуста – по русским переводам.

---

¹ Комментарии к речи Бога к Иову здесь надписаны, в основном, именами Олимпиодора и Иоанна Златоуста, отдельные фрагменты – именами свт. Григория Богослова, Мефодия Патарского (260–312), Евагрия Понтийского (345–399), Феофила Александрийского (патриарха в 385–412), Юлиана Экланского (386–454), Севира Антиохийского (465–538) и Севира Александрийского (?). См.: НИОР РГБ. – Ф.173/1. – №21. – Ф.173. I. №21. – Л.341–363 ([электронный ресурс]: URL.: <http://dlib.rsl.ru/01004972107> [дата обращения: 20.08.2016]). Описание левиафана в этой книге обрывается на середине (на стихе 40:13: «ребра его ребра медяна»), а далее сразу идет комментированный текст заключительной (42-й) главы (Л.362–366).

² Рус. пер. см.: *Иоанн Златоуст*. Отрывки на (книгу) блаженного Иова // *Иоанн Златоуст*. Творения <...> в русском переводе: [В 12 т.]. – Т.12. Кн.3. – СПб.: Изд. С.-Петербургской дух. акад., 1906. – С.1005–1137; Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков. Ветхий Завет. – Т. VI: Книга Иова / Под ред. Манлио Симонэтти и Марко Конти; Рус. изд. под ред. Ю.Н. Варзониной; пер. с англ., греч., лат. и сир. – Тверь: Герменевтика, 2007 (отдельные фрагменты, в том числе не вошедшие в «Творения»).

³ См.: *Иоанн Златоуст*. Творения <...> в русском переводе: [В 12 т.]. – Т.3. Кн.2. – СПб.: Изд. С.-Петербургской дух. акад., 1897. – С.475–496.

* * *

Работы, специально посвященные «Оде, выбранной из Иова», не так многочисленны, как можно было бы ожидать, учитывая ее огромную популярность в свое время. Как высказался в 1830 г. П.А. Катенин, «...все русские знают, конечно, выбранное Ломоносовым из Иова».¹ Начальные строки оды («О ты, что в горести напрасно / На Бога ропщешь, человек...») – единственное, что «припомнил» гоголевский Хлестаков, когда дочка городничего попросила его написать «на память какие-нибудь стишки в альбом».² К.С. Аксаков в 1846 г. указывал на нее как на «...так нам знакомую, так опрофанированную частыми повторениями и учебниками».³ На практике, однако, о ней писали не слишком часто.

Первый известный разбор оды появился в приложении к анонимно изданной брошюре «Разговор Ломоносова с Княжниным в Елисейских полях» (1793) как сочинение Я.Б. Княжнина⁴ (состоит из

¹ Катенин П.А. О поэзии еврейской <1830> // Катенин П.А. Размышления и разборы / Сост., подг. текста, вступ. статья и примеч. Л.Г. Фризмана. – М.: Искусство, 1981. – С.52.

² «Марья Антоновна. Вы всё эдакое говорите... Я бы вас попросила, чтобы вы мне написали лучше на память какие-нибудь стишки в альбом. Вы, верно, их знаете много. <...> Хлестаков. Да у меня много их всяких. Ну, пожалуй, я вам хоть это: "О ты, что в горести напрасно на Бога ропщешь, человек!..." Ну и другие... теперь не могу припомнить; впрочем, это все ничего» («Ревизор», действие четвертое, явление XII; Гоголь Н.В. Полн. собр. сочинений и писем: В 17 т. / [Сост., подг. текстов и коммент.: И.А. Виноградов, В.А. Воропаев]. – Т.3–4. – М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. – С.280). О функции этой цитаты в комедии см., например: Манн Ю.В. М.В. Ломоносов в творческом сознании Н.В. Гоголя // Ломоносов и русская литература. – М.: Наука, 1987. – С.357–358.

³ Аксаков К.С. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка. – М.: Тип. Н. Степанова, 1846. – С.417.

⁴ <Княжнин Я.Б.> Примечания на сию оду // Разговор Ломоносова с Княждиным в Елисейских полях с приобщением примечаний на славную оду господина Ломоносова, выбранную из Иова. – СПб.: у Вильковского, 1793. – С.29–32 («Примечания» помещены вслед за текстом оды – с.25–29; перед ними дана сноска: «Сии примечания сделаны покойным Яковом Борисовичем Княждиным» – с.29). Об этой брошюре см.: Абрамзон Т.Е. «Ломоносовский текст» русской культуры: Избран-

кратких стилистических замечаний, предваренных любопытной оговоркой, что «в оной <оде> стихотворец не может отвечать за мысли не ему, а священному писанию принадлежащие»). А.С. Шишков в «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка» (1803) сравнивал оду со славянским переводом Книги Иова, доказывая, что даже «...столь превосходный писатель, каков был Ломоносов, при всей пылкости воображения своего, не токмо прекрасными стихами своими не мог затмить красоты писанного прозою Славянского перевода, но едва ли и достиг до оной...»¹ Шишков разобрал строфы 7–12 и обратил внимание, что описание Бегемота и Левиафана (в строфах 9–12) указывает не на тех животных, которых стали видеть в них в Новое время (гиппопотам и нильский крокодил), а на слона (или носорога) и кита.² Следующий специальный разбор оды появился только в 1868 г. Его автор, К. Говоров, приходил к выводу, что «...эта торжественная песнь прославляет непостижимое всемогущество и премудрость Божию, открывающиеся нам в видимых творениях, с целью – возбудить в нас благоговение к Богу и безусловную покорность воле Его во всех обстоятельствах жизни».³

Других сколько-нибудь пространных рассуждений об «Оде, выбранной из Иова» в критике XIX в. не находится, хотя она, конечно, перепечатывалась в хрестоматиях и упоминалась в учебных пособи-

---

ные страницы. – М.: ОГИ, 2011. – С.50–63 («О запоздалой встрече Ломоносова с Княжнинным в царстве мертвых»).

¹ Шишков А.С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка <1803> // Шишков А.С. Собр. сочинений и переводов: [В 17 ч.]. – Ч.2. – СПб.: Тип. Имп. Росс. акад., 1824. – С.80 (разбор оды – с.66–80). Ср.: «Как ни прекрасна Ода, выбранная из Иова таковым великим Стихотворцем, каков был Ломоносов, <...> однако не все красоты подлинника (или Славянского перевода) исчерпал он, и едва ли мог достигнуть до высоты и силы того, писанного хотя и древним Славянским, не весьма уже ясным для нас слогом; но и тут, даже сквозь мрак и темноту, сияют в нем неподражаемые красоты и пресильные по истине стихотворческие в кратких словах многосмысленные выражения» (Там же. – С.66).

² Там же. – С.69, 71.

³ Говоров К. Разборы литературных образцов: (Две пробные лекции по русской словесности). II. Ода Ломоносова, выбранная из Иова // Филологические записки. – Воронеж, 1868. – Вып.1. – С.15–26, здесь с.26. В литературе о Ломоносове нам еще не приходилось встречать ссылок на эту работу.

ях и курсах истории русской литературы. Авторы второй половины XIX в. предпочитали ей «Вечернее размышление о Божием величестве», иногда называя его лучшей одой Ломоносова.¹ В разделах учебников, где шла речь о его духовных одах, разбиралось именно «Вечернее размышление», а не переложения псалмов и не «Ода, выбранная из Иова» (рассматривавшиеся как не вполне оригинальные произведения). Так, В.Ф. Саводник без особенных пояснений представил ее как проникнутую «чувством религиозного благоговения».²

В XIX в. как бы само собой разумеющимся было мнение, что «Ода, выбранная из Иова» склоняет к принятию христианского мировоззрения и укрепляет веру в благодать Промысла Божия о человеке. Церковные писатели признавали ее «главным» из тех произведений Ломоносова, которые «для духовного просвещения много значили и значат».³ Этим отчасти и было обусловлено обязательное присутствие оды в дореволюционных учебных программах (и отчасти по той же причине она выпала из них в советское время). Отрицать христианское уmonoстроение автора «Оды, выбранной из Иова» одной из первых решилась в 1911 г. В.С. Дороватовская, обнаружив, что все его переложения сделаны из Ветхого Завета, и полагая, что христианство как «типичнейшее религиозное миропонимание» было «чуждым Ломоносову, как естествоиспытателю прежде всего».⁴ Вскоре это тоже стало традицией, только сходные

¹ См., например: «Вечернее размышление...» «...есть лучшая ода Ломоносова именно потому, что в ней поэтические образы имели свою основную естествознание: величие Творца создано посредством ученого знакомства с явлением, а не восчувствовано непосредственно» (Галахов А.Д. История русской словесности, древней и новой: [В 2 т.]. – Т.1 (История древней русской словесности. – История новой до Карамзина). – СПб., 1863. – С.143).

² Саводник В.Ф. Краткий курс истории русской словесности. С древнейших времен до конца XVIII века. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнарев и К^о, 1914. – С.353–355, здесь с.353.

³ Филарет (Гумилевский), архиеп. Обзор русской духовной литературы. – Изд. 3-е, с поправками и доп. автора. – СПб.: Изд. книгопродавца И.А. Тузова, 1884. – С.335.

⁴ Дороватовская В.С. О заимствованиях Ломоносова из Библии // М.В. Ломоносов. 1711–1911. Сб. статей под ред. В.В. Сиповского. – СПб., 1911. – С.33–65, здесь с.38. Общий вывод о его заимствованиях из Библии здесь выглядит так: «Как в этих одах <торжественных – В.К.>, так и в пере-

по видимости суждения позднейших авторов уже не были (или не всегда были) столь же легковесны.

Д.К. Мотольская в обзорной работе о Ломоносове (1941) уделила особое внимание его духовным одам и «Оде, выбранной из Иова», заметив противоречивость ее идейного пафоса и отношения к исходному библейскому тексту: «Последние главы книги Иова – это апофеоз веры. У Ломоносова исчез Иов (так как он не дает мотивов из первых глав книги Иова) и вместе с ним исчезла самая проблема веры. Бог Ломоносова – поэтическое олицетворение мироздания, такое же олицетворение, какими являлись греческие и римские боги. Бог в этой оде и не лейбницианский бог.¹ По форме это именно библейский бог, создавший небо и землю в шесть дней. Библейский примитивизм представлений, перенесенный Ломоносовым в эту оду <...>, говорит о том, что книга Иова была для него только источником средств поэтического воплощения. То, что там составляло содержание, здесь превратилось в форму».²

ложениях псалмов и в “Оде, выбранной из Иова”, Ломоносов сказался как прекрасный стилист, хорошо понявший все особенности библейского языка, сумевший, более или менее, верно передать настроение и содержание библейского подлинника. Правда, на его творчестве слишком ясна печать холодного искусства и рассудочного творчества, благодаря чему, в значительной степени, бледнеет поэзия Библии, мельчает ее страстное и торжественное религиозное настроение...» (с.63). В том же сборнике появилась статья, где вообще христианство Ломоносова ставилось под сомнение (тоже едва ли не впервые), а его «религия» сводилась к положениям «естественной религии» (Попов А. Наука и религия в мирозерцании Ломоносова // Там же. – С.1–12).

¹ Эту оговорку Д.К. Мотольская сделала вопреки уже сложившейся тогда традиции связывать эту оду с лейбницианской философией. Ср. мимоходом высказанное в 1920-х гг. замечание Д.С. Святополка-Мирского: «Но самый лучший образчик его <Ломоносова> красноречия <...> – замечательная “Ода, выбранная из Иова”. И особенно те главы, где ревнивый Бог Ветхого Завета со всей силой убедительности превращается в лейбницианского Законодателя вселенной» (Святополк-Мирский Д.П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / Пер. с англ. Р. Зерновой. – 2-е изд. – Новосибирск: Изд-во «Свиныйн и сыновья», 2006. – С.94).

² Мотольская Д.К. Ломоносов и его современники // История русской литературы: [В 10 т.]. – Т.3: Литература XVIII века. – Ч.1. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – С.264–348, здесь с.343.

Некоторые из этих замечаний справедливы (особенно то, что Бог оды – по крайней мере «по форме» – «именно библейский бог»). Самое спорное – утверждение об исчезновении в переложении Ломоносова «проблемы веры». Чуть ниже, говоря о заключительной строфе оды, сама же Д.К. Мотольская констатировала наличие в ней и «проблемы веры», и библейского (христианского) «содержания»: «Заключительные строки оды, привнесенные Ломоносовым от себя, должны, очевидно, воплощать в себе философско-религиозный смысл книги Иова. Они логически не вытекают из всего произведения и даже стилистически из него выпадают, превращаясь в какую-то плоскую дидактику. <...> “Смирение” и пассивность, которые здесь проповедует Ломоносов, настолько резко противоречат его многочисленным призывам к познанию, <...> что могут быть восприняты только как выражение какой-то внешней необходимости».¹

Как видно, прямым текстом от автора данное поучение исследовательнице пришлось объяснять его *художественным просчетом* или *лицемерием* («по внешней необходимости»). Ради того чтобы защитить представление о том, что Ломоносов был чужд христианской религиозности, ей пришлось выразить сомнение в его искусстве как поэта и искренности как человека (хотя вряд ли она это предполагала). Получается, что если Ломоносов превосходный поэт и не кривит душой, то он христианин, солидарный с «философско-религиозным смыслом Книги Иова». И только в противном случае, т.е. показав себя как не вполне умелого поэта, не вполне честного с читателями (по крайней мере, в этой оде), он лишь воспользовался библейской книгой для выражения посторонних ей идей.

Конечно, этот вывод – намеренно утрированный. Рассуждения Д.К. Мотольской серьезны и добросовестны. Она первая обозначила действительно существующие проблемы: 1) в каком отношении переложение речи Бога к Иову находится к выводам в стихах последней строфы, «привнесенных Ломоносовым от себя»; 2) как его ода соотносится с *учением* Книги Иова.

Эти проблемы неминуемо подводят к вопросу о религиозных убеждениях Ломоносова, который так или иначе затрагивается почти во всех работах, где обсуждается «Ода, выбранная из Иова».

---

¹ Там же. – С.344–345.

Л.В. Пумпянский (1935) не сомневался в его религиозности, отнес переложение из Книги Иова к его «богословским одам» 1742–1743 г. и дал им конфессиональную оценку, отметив «общий лютеранский характер всех богословских од, вместе взятых».¹ Г.А. Гуковский (1939) причислял Ломоносова к деистам, «...для которых бог – это принцип жизни природы, закон ее», и, соответственно, в нескольких строках, посвященных в его учебнике «Оде, выбранной из Иова», Бог оды определен как «мудрая сила мироздания», «бог-природа».² В.Н. Макеева в комментариях к ПСС (1959) указала стихи славянского перевода Книги Иова, которым находится соответствие в оде, но оговорила, что «...избранные Ломоносовым тексты привлекли его, судя по построению оды, <...> тем, что давали случай набросать пером естествоиспытателя картину “стройного чина” вселенной, далеку от библейской» (VIII, 982).³ И.З. Серман (1966) прак-

---

¹ Пумпянский Л.В. Очерки по литературе первой половины XVIII века. – С.109. Напомним, что он имел в виду 4 стихотворения: «Ода на прибытие <...> Елисаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1742 года по коронации», «Вечернее...» и «Утреннее размышление о Божием величестве» и «Ода, выбранная из Иова».

² Гуковский Г.А. Русская литература XVIII века: Учебник для высших учебных заведений. – М.: Гос. учебно-педагогическое изд-во Наркомпроса РСФСР, 1939. – С.114–115. В учебнике Д.Д. Благого (1945) «Оде, выбранной из Иова» посвящена лишь одна фраза: «Величественные образы созидающейся вселенной даются и в его наиболее знаменитой “духовной оде”, “выбранной из Иова”» (Благой Д.Д. История русской литературы XVIII века. – Изд. 4-е, пересмотр. – М.: Гос. учебно-педагогич. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1960. – С.169). «Наиболее знаменитой», по его же словам, духовной оде Ломоносова Д.Д. Благой не уделит большего места в своем учебнике (что выглядит почти как фигура умолчания).

³ Вот точные (хоть и не исчерпывающие) указания В.Н. Макеевой об отношении оды к тексту Книги Иова: «В основу оды легли четыре последние главы (XXXVIII—XLI) одной из частей Библии – книги Иова. Эти главы использованы Ломоносовым далеко не в полном их объеме, а лишь частично: из XXXVIII главы взяты только стихи 4, 7–12, 16, 17, 25–27; из XXXIX – стихи 27–29; из XL – стихи 10–13, 22; из XLI – стихи 6, 8, 10, 13, 16, 19, 22, 27, 29. Но и в пределах этих “выбранных” отрывков Ломоносов следовал за оригиналом далеко не с той строгостью, как при переложении псалмов. Русский стихотворный текст обогащен рядом

тически первым после А.С. Шишкова проделал предметное сопоставление оды (строфы 2, 8 и 10–12) со славянским переводом Книги Иова и дал свое объяснение художественного и идейного смысла «вольностей» переложения. Он оспорил замечание Д.К. Мотольской о неорганичности религиозно-дидактической концовки оды, но при этом исходил из представления о Ломоносове как деисте и сделал вывод, что «...ропоту человека <...> поэт уже от себя, не словами Библии, а своими собственными, противопоставляет философию деистического оптимизма...»¹ Ю.М. Лотман (1983) задался вопросом, зачем для того чтобы нарисовать картину, «далекую от библейской» (по выражению В.Н. Макеевой), Ломоносову понадобилась именно Библия, и предположил, что ода была написана под влиянием религиозно-политических обстоятельств и имела полемическую направленность (в частности, в антидемонологической трактовке образов бегемота и левиафана). Он связал ее с «Теодицеей» Лейбница и, не акцентируя мысль о деизме Ломоносова, сделал вывод: «Бог оды – воплощенное светлое начало разума и закономерной творческой воли».² Среди авторов общих работ советского времени о Ломоносове, где «Ода, выбранная из Иова» попутно затрагивается, нужно назвать А.В. Запавова (1979), который подчеркнул наличие в ней темы достоинства человека.³

В последнее время (за последние двадцать пять лет) появилось несколько специальных работ об интересующей нас оде, в которых наметилась тенденция возвращения к представлению о ней как религиозном произведении.

И. Клейн (2005, 2010) пишет, что в «Оде, выбранной из Иова» не следует видеть теодицею, поскольку в ней «...Бог в своем величии вообще не нуждается ни в каком оправдании» и «любому со-

---

самостоятельных элементов, отсутствующих в библейском подлиннике» (VIII, 981–982).

¹ Серман И.З. Поэтический стиль Ломоносова. – Л.: Наука, 1966. – С.46–63, здесь с.62.

² Лотман Ю.М. Об «Оде, выбранной из Иова» Ломоносова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1983. – Т.42. №3. – С.253–262, здесь с.259 (статья не раз переиздавалась; далее мы будем ссылаться на изд. 1996).

³ Запавов А.В. Поэты XVIII века: М.В. Ломоносов. Г.Р. Державин. – М.: Изд-во Московского университета, 1979. – С.105–106.

мнению, порожденному столкновением с конкретным злом, Ломоносов противопоставляет безусловность веры».¹ Иначе говоря, И. Клейн доказывает, что в данной оде представлена апология веры (что в XIX в. считалось очевидным, а авторы советского времени в целом отказывались признавать). Т.В. Зверева (2007) пишет о «за-текстовом пространстве» оды (подразумеваемых вопросах, отсылающих к проблематике Книги Иова).² Болгарская исследовательница Денка Крыстева (2007, 2013), не останавливаясь на вопросе о «религии» Ломоносова, обратила внимание на возможность толкования образов Бегемота и Левиафана как политических аллегорий и связала переложение из Книги Иова с апологией монархии и Петра I в его торжественных одах.³ Есть и другие новые статьи⁴

¹ Клейн И. Раннее Просвещение, религия и церковь у Ломоносова // Клейн И. Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С.287–300, здесь с.295 (4. Ломоносов и теодицея. [С.294–298]). Ср.: Клейн И. Русская литература в XVIII веке. – М.: Индрик, 2010. – С.127–129.

² Зверева Т.В. О потенциальной двухчастности «Оды, выбранной из Иова» М.В. Ломоносова // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: межвуз. сб. научных трудов. – Вып.13. – СПб.; Самара: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. – С.115–122. См. так же в ее кн.: Зверева Т.В. Взаимодействие слова и пространства в русской литературе второй половины XVIII века. – Ижевск: Удмуртский университет, 2007.

³ Крыстева Д. Зверь/Бегемот и Змий/Левиафан в «Оде, выбранной из Иова» М.В. Ломоносова (о политических аллегориях в системе абсолютизма и русской литературе XVIII века) // Реката на времјато. Сборник статии в памет на проф. Людмила Боева (1934–2001). – София: Унив. изд-во «Св. Климент Охридский», 2007. – С.163–173; Крыстева Д. Политически метафори на XVIII–XIX век: (литература – идеологическа история – неофициални разкази за двореца). – Шумен: Унив. изд-во «Епископ Константин Преславски», 2013. Д. Крыстева напомнила, что в трактатах Т. Гоббса «Левиафан» и «Бегемот» речь идет об абсолютистском монархическом государстве и парламенте.

⁴ Ананьева Н.Е. «Ода, выбранная из Иова» М.В. Ломоносова и русская религиозная гимнография XVIII века // Научные доклады филологического факультета МГУ. – Вып. 7: К 300-летию М.В. Ломоносова. М.: Изд-во Московского университета, 2013. – С.4–15 (речь идет о «лингвостилистических» аспектах оды в сопоставлении со «Стансами Богу» Я.Б. Княжнина и одой «Бог» Г.Р. Державина); Елепова М.Ю. Художественная структура «Оды, выбранной из Иова, глава 38, 39, 40 и 41» в

об этой оде, а также общие суждения о ней в религиозном аспекте.¹

В целом литература о духовных одах Ломоносова довольно обширна и постоянно пополняется. Основные работы о переложениях псалмов названы в упомянутой выше книге Л.Ф. Луцевич (2002). Последний по времени обзор литературы о его духовных одах представлен в статье П.Е. Бухаркина (2014).² Самой полной по материалу публикацией, где отмечены случаи использования в стихотворениях Ломоносова (в том числе в трагедиях, поэме «Петр Великий» и др.) выражений и образов из Библии и богослужебных книг, остается работа И.И. Солосина (1913)³, однако собственно библейские переложения (псалмы и «Ода, выбранная из Иова») в ней не рассматривались.

экзегетическом аспекте // *European social science journal* (Европейский журнал социальных наук). – 2014. – №6(45), т.2. – С.240–245.

¹ *Мень А., прот.* Библия и литература: Лекции. – М.: Храм святых бессребренников Космы и Дамиана в Шубине, 2002. – С.103–104; *Дунаев М.М.* Православие и русская литература: В 6 ч. – Ч.1–II. – Изд. 2-е, испр., доп. – М.: Христианская литература, 2001. – С.79–80; *Жирмунская Т.А.* «Ум ищет Божества»: Библия и русская поэзия XVIII–XX веков. – М.: Российский писатель, 2006. – С.22–24.

² *Бухаркин П.Е.* О проблематике духовных од М.В. Ломоносова // *Russian Literature*. – 2014. Vol. LXXV. – № I/II/III/IV. – С.57–72.

³ *Солосин И.И.* Отражение языка и образов Св. Писания и книг богослужебных в стихотворениях Ломоносова // *Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Акад. наук*. – 1913. – Т.18. Кн.2. – С.238–293.

1.2.

«Оды духовные» в сочинениях Ломоносова и Книга Иова

Раздел «Оды духовные», открывающий первое собрание сочинений Ломоносова (1751), а во втором (1757) предваряемый только «Предисловием о пользе книг церковных в российском языке», включает 10 стихотворений: семь «преложений» псалмов (1, 14, 26, 34, 70, 143, 145), «Ода, выбранная из Иова», «Утреннее размышление о Божием величестве» и «Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния». В посмертных изданиях, начиная с «Полного собрания сочинений» 1784–1787 гг.¹, стало принято печатать в этом разделе также незавершенное переложение 103 псалма, располагая его между другими псалмами (по нумерации).² Авторское построение раздела тем самым оказалось нарушено, что в общем-то препятствует его осмыслению.

На первый взгляд, переложение 103 псалма Ломоносов не стал печатать только из-за его незавершенности. Однако и по тематике он отличается от других псалмов в «Одах духовных». В 103 псалме говорится об устройении Творцом вселенной (в славянском переводе он имеет заглавие: «О мирстем бытии»). Эта тема близкая «Оде, выбранной из Иова», но практически посторонняя другим переложённым Ломоносовым псалмам.³ Поместить среди них 103 псалом значило нарушить их смысловое единство, отвлечь внимание от объединяющей их тематики, а также в чем-то продублировать переложение речи самого Творца из Книги Иова. Этого-то и

---

¹ Полн. собр. сочинений Михаила Васильевича Ломоносова, с приобщением жизни сочинителя и с прибавлением многих его нигде еще не напечатанных творений. – Ч. 1–6. – СПб.: изданием Имп. Акад. наук, 1784–1787. Первая часть, куда вошли «Оды духовные», была подготовлена к печати О.П. Козодавлевым (см.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. – Т.2: К–П. – М.: Изд. Гос. библиотеки СССР им. В.И. Ленина, 1964. – С.166).

² При этом издательская традиция исключает из духовных од *полное* переложение 116 псалма, опубликованное в ломоносовской «Риторике» (1748) (очевидно, по причине его краткости): «Хвалите Господа, всея земли языки, / Воспойте Вышнего, вси малы и велики, / Что милость Он свою вовек поставил в нас, / И истина Его пребудет всякий час» (VII, 315).

³ Единственное исключение – пятая строфа в переложении псалма 145 (см. ниже).

не сделал Ломоносов, составляя раздел «Оды духовные». Как раз отсутствие в нем 103 псалма («прекрасного», по его выражению [X, 462]) подтверждает, что отбор и последовательность напечатанных здесь текстов подчинялись какому-то намерению автора.¹

«Ода, выбранная из Иова» в разделе «Оды духовные» занимает центральное положение и выделяется среди других стихотворений по строфике², а главное, по характеру отношения к Священному Писанию. В отличие от двух «Размышлений», она основана на определенном библейском тексте, а в отличие от переложений псалмов, отличающихся у Ломоносова большой точностью,³ является свободным переложением в обрамлении комментирующих его строф от автора. Между парафразами псалмов и оригинальными «Размышлениями» «Ода, выбранная из Иова» оказывается посредником, связующим звеном, и не только по названным при-

---

¹ Ср. замечание И.З. Сермана, что в «Одах духовных» «...стихи помещены не в порядке написания, т. е., очевидно, что вместо хронологического порядка Ломоносов избрал для своего сборника какой-то иной» (Серман И.З. Поэтический стиль Ломоносова. – Л.: Наука, 1966. – С.38). О продуманности композиции «Од духовных» писали и другие авторы: Луцевич Л.Ф. Псалтырь в русской поэзии. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. – С.279–280 (о переложениях псалмов как едином поэтическом цикле); Бухаркин П.Е. Духовная ода М.В. Ломоносова: литературный контекст и религиозное содержание // Христианское чтение. – 2011. – №3(38). – С.11–13 (отдельные замечания).

² Все переложения псалмов написаны четверостишиями, оба «Размышления» – шестистишиями. «Ода, выбранная из Иова» – единственная, написанная строфами из восьми стихов.

³ Точность ломоносовских переложений псалмов издавна отмечалась в критике: «Переложения псалмов весьма близки к подлиннику: в них не токмо мысли, соблюдены самые выражения и слова Библейские; даже чувствительно повторение одной и той же мысли, свойственное Еврейскому стихосложению» (Перевошиков В.М. Материалы для истории российской словесности. Михаил Васильевич Ломоносов // Вестник Европы. – 1822. – Т.126. №18. – С.100). Ломоносов следовал славянскому тексту, как правило, укладывая в одно четверостишие один стих псалма (в редких случаях – два стиха). Это принцип строго соблюден уже в первом из его переложений (псалом 143), по которому видно, что «он с первой же строфы целенаправленно вырабатывает некие унифицированные подходы к переложениям» (Луцевич Л.Ф. Указ. соч. – С.234).

знакам, но и по тематике. В ней, во-первых, заявлена тема страдания («горести») человека (прослеживаемая в предыдущих переложениях псалмов), а во-вторых, темы мироустройства и его познаваемости (основные в двух «Размышлениях»).

В «Оде, выбранной из Иова» присутствует апология идеи о мудром благоустройстве «видимого мира», который, как в другом месте доказывал Ломоносов, «от разумного существа устроен» (VII, 319), но это лишь одна из защищаемых поэтом идей. Бог в оде также указывает человеку на ограниченность его знания и возможностей. Вселенная величественна и прекрасна, но создана не человеком, и он не может ни управлять ею, ни познать все ее тайны. Это темы «Утреннего...» и «Вечернего размышления», где особым образом ставятся вопросы о законах природы («естества уставе») и границах научного знания. «Размышления» Ломоносова – образцы «научной» поэзии, «философской» оды. В них затрагиваются вопросы космологии и гносеологии (как аспекты богословских, физико-теологических).¹ В «Оде, выбранной из Иова» они подчиняются целям нравственного назидания и утешения: вся она обращена к страдающему человеку и склоняет его к терпению и надежде на Бога. Это не «философская» ода, а (как заметил Л.В. Пумпянский) нечто среднее между нею и переложениями псалмов, причем как «библейское» стихотворение к последним стоит ближе.²

¹ О европейских и русских сочинениях на физико-теологические темы как контексте «Размышлений» Ломоносова см.: *Левитт М.* «Вечернее размышление о Божием величестве» и «Утреннее размышление о Божием величестве»: Опыт определения теологического контекста // XVIII век. – Сб.24. – СПб.: Наука, 2006. – С.57–70. См. также: *Клейн И.* Раннее Просвещение, религия и церковь у Ломоносова // Клейн И. Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С.287–300, здесь с.298–300 («5. Ограниченность научного познания и примат веры в “Вечернем размышлении”»).

² «Надо еще заметить средний между псалмом и философской одой род: перевод из Иова <...>; строфа 5 – пример стиля псалма, 7 – научной оды. Все же середина здесь не точная, она явно ближе к Библии, чем к вольфианской космологии» (*Пумпянский Л.В.* К истории русского классицизма <1923–1924> // Пумпянский Л.В. Классическая традиция: Собр. трудов по истории русской литературы. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С.68).

Все семь переложений псалмов в разделе «Оды духовные» написаны от лица праведника, окруженного злобными грешниками и уповающего только на Бога. Сквозная тема в этих переложениях – воздаяние от Бога праведникам и грешникам. Она прямо заявлена в первом псалме, которым открывается первое собрание сочинений Ломоносова (подобно Псалтири). Псалмопевец и поэт твердо верят, что Бог различает праведных и грешных и деятельно относится к их «путям»:

1

Блажен, кто к злым в совет не ходит,
Не хочет грешным в след ступать
И с тем, кто в пагубу приводит,
В согласных мыслях заседать...

<...>

6

Господь на праведных взирает
И их в пути своем хранит;
От грешных взор свой отвращает
И злобный путь их погубит.

(VIII, 369)

Деятельное отношение Бога к путям праведных и грешных в последней строфе акцентировано поэтом (ср.: «Яко весть Господь путь праведных, и пусть нечестивых погибнет» [Пс 1:6]), на что обращал внимание А.С. Шишков: «В подлиннике не сказано, что Бог злобный путь грешников погубит; но что путь сей, о котором Бог не хочет ведать, сам собою погибнет. Между выражением: *я погублю тебя*, и выражением: *я оставляю тебя, и ты погибнешь*, нет разницы в действиях, но в образе возвещения великая разность».¹

Иной, чем в оригинале, «образ возвещения» в переложении псалма 1 отсылает к псалму 145, где именно так и сказано: «Господь любит праведники. Господь <...> путь грешных погубит»

¹ Шишков А.С. Рассмотрение псалмов, преложенных Ломоносовым // Шишков А.С. Собр. соч. и переводов: [В 17 ч.]. – Ч.14. – СПб.: Тип. Имп. Росс. Акад., 1831. – С.277–278.

(Пс 145:8–9). Переложение этого псалма – последнее в «Одах духовных», и его заключительные строки – «Он дерсский грешных путь скончает, / В Сионе будет в род и род» (VIII, 187) – по смыслу повторяют концовку переложения первого псалма, тем самым они оказываются связаны композиционно, а мысль, что Бог деятельно относится к путям праведных и грешных (не просто «взирает» или «взор свой отвращает», а «хранит» или вскоре «погубит»), акцентируется как важнейшая для всех помещенных в «Одах духовных» переложениях псалмов.

Давно замечено, что Ломоносов ставил себя на место псалмопевца и что, как писал один автор XIX в., «ясный ответ» на вопрос, почему он «избрал для переложений именно эти, а не другие псалмы», находится «в собственной его жизни»: «...потому избрал он их, что в них отражалась как бы его собственная жизнь со всеми ее невзгодами и случайностями, не жизнь царя-Давида, борца за благочестие и правду, а жизнь его самого, борца за науку и также правду».¹ В XX в. автобиографический подтекст его переложений (в особенности мотива «борьбы с врагами») специально подчеркивался и изучался.² Так, колебания Ломоносова в выборе лучшего варианта четвертого стиха «Преложения псалма 1»³ были интерпретированы в контексте его отношений с Академической канцелярией.⁴

Поставить себя на место псалмопевца поэт мог тем проще, что именно так и поступают молящиеся, т.е. читающие псалмы как молитвы. И если с этой точки зрения посмотреть на переложение псалма 1, придется констатировать, что *блаженство праведника* для Ломоносова отнюдь не автобиографический факт, а *предмет веры*, которую следует сохранять не только благодаря, но и *вопреки жизненным обстоятельствам*.

¹ Тубасов А. Религиозные воззрения Ломоносова // Христианское чтение. – 1880. – №9–10. – С.365.

² Обзор суждений об автобиографизме ломоносовских переложений см.: Луцевич Л.Ф. Указ соч. С.244–247.

³ «В суде едином заседать» (рукопись собр. соч. 1751) – «В едином месте заседать» (изд. 1751) – «В согласных мыслях заседать» (изд. 1757) (VIII, 369).

⁴ См.: VIII, 978–979 (коммент. В.Н. Макеевой); Стенник Ю.В. Пушкин и русская литература XVIII века. – СПб.: Наука, 1995. – С.175. Полный разбор «Преложения псалма 1» см.: Луцевич Л.Ф. Указ соч. – С.267–272.

Именно способность человека сохранить веру в Бога и надежду на Него в ситуации, когда вместо заслуженной награды за них человек терпит бедствие, пытался оспорить сатана в Книге Иова: «Отвеща же диавол и рече пред Господем: еда туне Иов чтит Господа? Не Ты ли оградил еси внешняя его и внутренняя дому его, и яже вне всех сущих его окрест? Дела же руку его благословил еси и скоты его многи сотворил еси на земли: но послѣ руку Твою и коснѣя всех, яже имать, аще не в лице Тя благословит»¹ (Иов 1:9–11; ср. 2:4–6).

Иов, который, по Ломоносову, «был терпения и добродетели образ» (VII, 310), посрамил сатану и доказал свою праведность и бескорыстие. В Книге Иова ставится под сомнение и вновь утверждается вера в Бога как Промыслителя вселенной, который спасает праведников и наказывает грешников.² И как раз эта тема стоит на первом плане в переложениях псалмов, напечатанных Ломоносовым перед «Одой, выбранной из Иова». Последовательность их расположения самая естественная – по номерам. Создавались они в разное время, но после того как автор выстроил их в таком порядке, тема воздаяния от Бога праведным и «злым», заявленная в переложении псалма 1, получила последовательное развитие.

В помещенном вслед за первым переложением «**Преложении псалма 14**» перечисляются качества праведника. Перечисление начинается со второй строфы и продолжается до последней («Тот, кто ходит непорочно, / Правду завсегда хранит, / И нелестным сердцем точно, / Как устами, говорит; <...> В лихву дать сребро стыдится, / Мзды с невинных не берет. / Кто так жить на свете тщится, / Тот во веки не падет» [VIII, 157–158]), а в первой строфе сказано, где этот праведник обитает:

---

¹ Ср. рус. пер.: «И отвечал сатана Господу и сказал: разве даром богобоязнен Иов? Не Ты ли кругом оградил его и дом его и все, что у него? Дело рук его Ты благословил, и стада его распространяются по земле; но простри руку Твою и коснись всего, что у него, – благословит ли он Тебя?» (Иов 1:9–11).

² См.: Скобелев М.А. Иова книга: Структура. Богословие // Православная энциклопедия. – Т.25. – М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2010. – С.327–332, здесь с.331. См. также: Неклюдов К.В., Ткаченко А.А. Иова книга: Рецепция книги // Там же. – С.332–340.

Господи, кто обитает
В светлом доме выше звезд?
Кто с Тобою населяет
Верх священный горних мест?

(VIII, 157)

Здесь ясно дано понять, что настоящее место праведника на небесах, в то время как исходный текст допускал и историческое толкование (относящееся к Храму на горе Сион: «Господи, кто обитает в жилищи Твоем? Или кто вселится во святую гору Твою?» [Пс 14:1–2]). Добавив слова «выше звезд» и переименовав «святую гору» в «верх священный горних мест», Ломоносов истолковал начальные стихи псалма как свидетельствующие о бессмертии души и загробном воздаянии.¹ Таким образом, с первых слов переложения внушается мысль, что праведник, чьи качества далее подробно перечисляются, главную награду получит на небесах, в сравнении с которой земные награды не имеют цены.

Заканчивается стихотворение утверждением, что блаженство праведника – вечное и непоколебимое («Кто так жить на свете тщится, / Тот во веки не падет» [VIII, 158]; ср.: «Творяй сия не подвижится во век» [Пс 14:5]). Отсюда напрашивается вывод, что его не должны пугать угрозы и нападения врагов. Об этих последних сразу же и заходит речь в следующем «Преложении псалма 26»:

1

Господь – Спаситель мне и свет:
Кого я убоюсь?

---

¹ Ср. толкование этого стиха у Евфимия Зигабена: «При слове жилище Божие и гора святая, иудей тотчас обыкновенно переносился мыслью к храму иерусалимскому и к соседней с ним горе Сиону. Должно однако же заметить, что во времена Давида храм этот не был еще построен и гора Сион еще не была освящена, ибо все это совершилось уже после его смерти. <...> Итак, говорит пророк: кто же именно, быстро пробежавши поприще настоящей жизни, поселится в небесных и в вечных жилищах?» (Евфимий Зигабен. Толковая Псалтырь. Изъясненная по святоотеческим толкованиям / Пер. с греческого. – Изд. 3-е. – Киев: Тип. Киево-Печерской лавры, 1907. – С.104–105).

Господь сам жизнь мою блюдет:
Кого я уstraшуся?

2

Во злобе плоть мою пожрать
Противны устремились.
Но, злой совет хотя начать,
Упадши сокрушились.

(VIII, 371)

Здесь впервые появляется мотив превратности жизни уповającego на Бога человека (полностью отсутствующий в псалмах 1 и 14). Оказывается, он был на краю гибели, но Господь спас его, и такое бывало не раз:

5

В селении своем покрыл
Меня Он в день печали
И неподвижно укрепил,
Как злые окружали.

6

Возвысил Он мою главу
Над всех врагов ужасных.
Я, жертву принося, зову
Ему в псалмах согласных.

(VIII, 372)

Поэт молит Бога и впредь не отступать от него, с благодарностью вспоминая о прежних благодеяниях:

9

От грешного меня раба,
Творец, не отвратися;
Да въздет пред Тебя мольба,
И в гневе укротися.

10

Меня оставил мой отец
И мать еще в младенстве,
Но восприял меня Творец
И дал жить в благоденстве.

(VIII, 373)

В этих строфах Ломоносов почти заслоняет собой псалмопевца, вспоминая, видимо, о ранней смерти матери и размолвке с отцом после его новой женитьбы (поскольку вставлено «младенство», отсутствующее в оригинале, ср.: «Яко отец мой и мати моя остависта мя, Господь же восприят мя» [Пс 26:10]). В.Н. Макеева, отметившая эту вставку, допускала, что он сделал ее «непроизвольно» (VIII, 979).¹ Между тем в предыдущей строфе есть еще одна вставка (пока не отмечавшаяся): «От *грешного* меня раба, / Творец, не отвратися...» (курсив мой – В.К.). Псалмопевец здесь не назвал себя «грешным» (ср.: «Не отврати лица Твоего от мене и не уклонися гневом от раба Твоего: помощник мой буди, не отрини мене, и не остави мене, Боже Спасителю мой» [Пс 26:9]). Со стороны Ломоносова было бы странно применить слово «грешный» к псалмопевцу. Он мог это сделать, только перелагая текст от своего лица, употребляя формулу смиренного обращения к Богу перед тем как ввести чувствительный для себя автобиографический мотив. И это единственный случай в «Одах духовных», когда слово «грешный» относится к первому лицу (субъекту речи). Перед нами едва ли не

¹ С осторожностью пишет об этом и Л.Ф. Луцевич: «Вольно или невольно, но уточняющее обстоятельство ("в младенстве"), отсутствующее в оригинале, делает стихи действительно автобиографическими» (Луцевич Л.Ф. Указ соч. – С.274). Любопытно, что А.С. Шишков счел нужным заметить, что Ломоносов в этой строфе был точен, отметив лишь странность формы слова «младенство»: «Стихи сии равносильны подлиннику. Приметим здесь, что Ломоносов часто, сообразуясь с мерою стихов, сокращал те слова, которые терпят сокращение, как например: *младенство* вместо *младенчество*, *воззрела матерски к нему* (ода 10 <из «Од похвальных» по изд. 1784 г. – В.К.>) вместо *матерински*» (Шишков А.С. Рассмотрение псалмов, предложенных Ломоносовым. – С.286). Мотив детского сиротства есть также в переложении 26-го псалма Н.П. Николевым (1795) (см. ниже – 2.2).

самое резкое отступление Ломоносова от его общего правила (не давать переложениям «другой разум»), вызванное личным переживанием следующего стиха («Яко отец мой и матери моя оставиша мя...»)¹ Употребление формулы смирения («От грешного меня раба...») в этом контексте получает объяснение и не ставит под сомнение праведность говорящего.

Переложение псалма 26 заканчивается призывом к мужеству и надежде на Бога во время бедствия, причем в словах, перекликающихся с первыми словами Бога в оде Ломоносова («Збери свои все силы ныне, / Мужайся, стой...»):

14

Ты, сердце, духом укрепишь,
О Господе мужайся,
И бедствием не колеблись,
На Бога полагайся.

(VIII, 374)

В следующих переложениях псалмов 34 и 70 развивается та же, что в псалме 26, тема превратности жизни и страданий праведника от врагов,² однако здесь она заостряется, причем в «**Переложении псалма 34**» заостряется до предела. Здесь псалмопевец находится на краю гибели, а бесчисленные враги торжествуют и веселятся, хвастаются и клеветают, Бог же почему-то не спешит прийти к нему на помощь и покарать злодеев. Псалмопевец находится в положении сходном с Иовом и жалуется подобно ему (к этому псалму есть ряд параллельных мест в Книге Иова – в его жалобах и проклятиях).

В переложении 34 псалма 112 стихов – ровно столько, сколько в «Оде, выбранной из Иова» (это самые большие стихотворения в «Одах духовных», следующее по величине – переложение псал-

¹ Свое детское одиночество и «злую и завистливую мачеху» он вспоминал и позднее (см.: X, 481–482, письмо к И.И. Шувалову от 31 мая 1753 г.).

² Ср.: «В 26, 34, 70-м псалмах отчетливо прослеживается тема страдающего псалмопевца, преследуемого врагами, но в любой ситуации уповающего на Бога. Этот сюжет вызвал повышенное внимание поэта» (Лучевич Л.Ф. Указ. соч. – С.272–273).

ма 70, в нем 96 стихов). С самой Книгой Иова переложение связывает, прежде всего, тема суда, которого человек, уверенный в своей правоте, требует от Бога. С этого требования оно и начинается:

1

Суди обидящих, Зиждитель,
И от борющихся со мной
Всегдашний буди Покровитель,
Заступник и Спаситель мой.

2

На глас мой ныне преклонися,
Прими оружие и щит
И мне на помощь ополчися,
Когда противник мне грозит.

(VIII, 375)

Обидчики, клеветующие на псалмопевца, подобны друзьям праведного Иова, которые сначала намекали, а потом и прямо заявляли, что он человек грешный и получает по заслугам¹:

11

Уже свидетели востали
Неправедные на меня
И, стыд оставив, вопрошали
О том, чего не знаю я.

12

Наносят мне вражду и злобу,
Чтоб тем мне за добро воздать,

---

¹ Намек есть уже в первой из речей друзей Иова, в речи Елифаза (Иов:4–5). Праведный Иов сразу же на это реагирует, выражая разочарование поведением друзей: «Вы придумываете речи для обличения? На ветер пускаете слова ваши. Вы нападаете на сироту и роете яму другу вашему» (Иов 6:26–27).

И бедной дух мой и утробу
Досадой и тоской терзать.

<...>

15

Они, однако, веселятся,
Как видят близ мою напасть,
И на меня согласно злятся,
Готовя ров, где мне упасть.

16

Смятенный дух во мне терзают,
Моим паденьем лстя себя;
Смеются, нагло укоряют,
Зубами на меня скрыпя.

<...>

20

Хоть мирные слова вещали
И ласков вид казали вне,
Но в сердце злобу умышляли
И сети соплетали мне.

(VIII, 375–379)

И.З. Серман заметил, что слово «зло» (и производные от него) в переложении этого псалма встречается 14 раз (в самом псалме – только три раза) и показал, что понятие «зло» Ломоносов сделал «...тематическим стержнем своего переложения 34-го псалма. Он изобразил зло как основную силу, с которой вынужден бороться человек».¹ К этому нужно добавить, что зло здесь безнаказанное и торжествующее, тогда как тот, на чьей стороне правда, находится в угнетенном и униженном положении. Отсюда и настойчивость, с которой псалмопевец призывает Бога не просто защитить его, но именно рассудить его с врагами. Он ищет не только защиты, но и подтверждения своей правоты и доказательства Правосудия Божия:

---

¹ Серман И.З. Указ соч. – С.41.

23

Восстани, Господи Зиждитель,
Взойди на Твой святой престол
И буди нашей при решитель,
Спаси от нестерпимых зол.

24

Подвигнись правдою святою,
Суди нас, Господи, суди,
Не дай им поругаться мною,
Суди и мне не снисходи.

(VIII, 379)

Уверенность говорящего в своей правоте здесь подчеркнута сильнее, чем в самом псалме, поскольку добавлено, он не хочет никакого снисхождения для себя: «Суди и мне не снисходи» (ср.: «Суди ми, Господи, по правде Твоей, Господи Боже мой, и да не возрадуются о мне» [Пс 34:24]). Он говорит как праведный Иов, который, требуя суда от Бога, выражал готовность понести любое наказание, если обнаружиться, что хоть в чем-то он согрешил (см.: Иов 31:5–40).

Последний стих псалма – «И язык мой поучится правде Твоей, весь день хвале Твоей» (Пс 34:28) – в переложении Ломоносова видоизменен так, что вновь может напомнить об истории Иова, которому Бог после испытания даровал долгую и счастливую жизнь:

28

Язык мой правде поучится
И истине святой Твоей.
Тобой мой дух возвеселится
Чрез все число мне данных дней.

(VIII, 380; *курсив мой* – В.К.)

В этой строфе выражена надежда на Бога. С того же начинается и «Преложение псалма 70»:

1

В Тебе надежду полагаю,
Всесильный Господи, всегда,
К Тебе и ныне прибегаю,
Да в век спасуся от студа.

(VIII, 381)

Псалмопевец здесь находится почти в том же бедственном положении, что и в псалме 34, здесь также смеются враги, но уже отсутствует тема суда и подтверждения праведности (в контексте «Од духовных» ее можно мыслить как исчерпанную в предыдущем стихотворении). Искушающие речи врагов уже не терзают дух праведника «досадой и тоской» (как в псалме 34), он остается невозмутим:

7

Враги мои чудясь смеются,
Что я кругом объят бедой,
Однако мысли не мнутся,
Когда Господь – Заступник мой.

(VIII, 382)

Самое страшное для говорящего уже позади, что следует из двух строф с повторяющимися стихами, которые подошли бы и для сжатого изложения истории Иова:

20

Ты к пропасти меня поставил,
Чтоб я свою погибель зрел;
Но скоро, обратясь, избавил
И от глубоких бездн возвел.

21

Щедроту Ты свою прославил,
Меня утешить восхотел,
И скоро, обратясь, избавил
И от глубоких бездн возвел.

(VIII, 385)

Мольбы о новой помощи против врагов отходят на второй план перед благодарностью за спасение. По словам Л.Ф. Луцевич, в переложении «...возникает настоящий гимн восхваления: стихи умножаются в попытке дать образ Бога в его правде, благодеяниях, славе, величии, великолепии».¹ Автор по-прежнему окружен сильными и злоумышляющими против него врагами, но уже не страшится их, зная, что Бог снова и снова будет избавлять его из беды (повторяется ситуация псалма 26). Личная безопасность праведника твердо ограждена: как бы ни коварствовали враги, для них он неуязвим. Это и утверждается в последней строфе:

24

Еще язык мой поучится
Твои хвалити правоты,
Коварных сила постыдится,
Которы ищут мне беды.

(VIII, 386)

В «Предложении псалма 143» автор находится в иной ситуации, чем в предшествующих псалмах 26, 34 и 70. Он не унижен и не осажден сильными врагами, а, напротив, с помощью Божией уже победил врагов и возведен на вершину могущества и славы:

1

Благословен Господь мой Бог,
Мою десницу укрепивый
И персты в брани научивый
Сотреть врагов взнесенный рог.

2

Заступник и спаситель мой,
Покров, и милость, и отрада,
Надежда в брани и ограда,
Под власть мне дал народ святой.

(VIII, 111)

---

¹ Луцевич Л.Ф. Указ. соч. – С.278.

Сразу же после этого, в каком-то смысле неожиданно, начинаются жалобы на ничтожество человеческой жизни:

3

О Боже, что есть человек?
Что Ты ему Себя являешь,
И так его Ты почитаешь,
Которого толь краток век.

4

Он утро, вечер, ночь и день
Во тщетных помыслах проводит;
И так вся жизнь его проходит,
Подобно как пустая тень.¹

(VIII, 111–112)

Так впервые в одах «Одах духовных» возникает вопрос о достоинстве человека и его возможностях (границах познания), обсуждение которого продолжится в «Оде, выбранной из Иова» и двух «Размышлениях». По толкованию Иоанна Златоуста, в стихах Пс 143:3–4 речь идет о «великих свойствах» и немощи человеческой природы, благодаря которой он нуждается в смирении, и о непрочности и непостоянстве земного благополучия.² В особенности сознание своей

¹ Эти строфы соответствуют двум стихам псалма: «Господи, что есть человек, яко познался еси ему? или сын человек, яко вменяеши его? Человек суете уподобися: дние его яко сень преходят» (Пс 143:3–4). Первый из них имеет параллель в Книге Иова: «Что бо есть человек, яко возвеличил еси его? или яко внимаеши умом к нему?» (7:17).

² «Есть и такие люди, которых *“недостойн весь мир”* (Евр. XI, 38). Но все это сказано о добродетели, когда люди исполняют ее; а в словах: *“что есть человек”* говорится о человеческой природе. Правда, велика и природа человеческая; велика, но если иметь в виду познание, какого она удостоилась, то в сравнении с ним она весьма несовершенна. <...> Поэтому и говорит пророк: *“что есть человек, яко познался еси ему”*? Бог для того и сотворил человека уничиженным, и вместе даровал ему великие свойства, чтобы он не превозносился, чувствуя величайшую нужду в смирении по немощи своей природы. <...> Что же значит: *“суете уподобися”*? Т.е. ничтожеству; все человеческое непрочно и непосто-

немощи и ограниченности подобает человеку, размышляющему о Божием величии. В псалме не человек познает Бога, а Бог открывается ему: «...познался еси ему» (Пс 143:3). В переложении Ломоносова эта мысль сохранена и даже усилена: «...Ты ему Себя являешь». По замечанию исследовательницы, в этом стихе «...поэт нашел формулу воплощения идеи общего Откровения Божества».¹

Тема тщетности человеческих помыслов, обращенных к житейским делам и неверным земным благам, влечет за собой вопросы о том, к чему же тогда должны быть направлены помышления праведного, исполняющего Закон Божий человека и как он будет вознагражден. Ответ был дан еще в переложении псалма 14: он будет обитать «в светлом доме выше звезд» (VIII, 157). Значит, благополучие и власть псалмопевца над народом в 143 псалме сами по себе не являются исполнением его надежд. И здесь мы возвращаемся к заявленной еще в переложении 1-го псалма теме воздаяния праведникам и грешникам. Земные блага – предел мечтания последних, и часто они действительно благоденствуют. В заключительных строфах переложения псалма 143 описывается богатая и счастливая жизнь грешников, врагов автора, который, однако, не завидует им, зная, что рабы Божии будут веселиться «светлее»:

11

Избавь меня от хищных рук
И от чужих народов власти:

янно, все проходит и исчезает. “Дни его яко сень преходят”, т.е. и тогда, когда являются, не имеют никакой силы, и скоро пролетают. И на самом опыте ты можешь видеть это, представив людей, которые украшены почестями, ездят на колесницах, облечены властью, заключают других в темницы и наказывают. Чем отличаются они от тени не только во время смерти, но еще прежде смерти? Как скоро они лишаются власти, то все это проходит и исчезает; а предметы истинные – за здешнею жизнью; там и воздаяния, и наказания истинные, и блага, и неподкупный Судия. Между тем все здешнее подобно детским играм: сегодня – судия, завтра – подсудимый. Так часты перемены и неожиданны превращения!» (Иоанн Златоуст. Беседы на псалмы // Иоанн Златоуст. Творения <...> в русском переводе: [В 12 т.] – Т.5. Кн.2. – СПб.: Изд. С.-Петербургской дух. акад., 1899. – С.513–515).

¹ Луцевич Л.Ф. Указ. соч. – С.211.

Их речь полна тщеты, напасти;
Рука их в нас наводит лук.

12

Подобно масличным древам
Сынов их лета процветают;
Одеждой дочери их блистают,
Как златом испещренный храм.

13

Пшеницы полны гумна их,
Несчетно овцы их плодятся,
На тучных пажитях хранятся
Стада в траве волов толстых.

14

Цела обширность крепких стен,
Везде столпами укрепленных;
Там вопля в стогнах нет стесненных,
Не знают скорбных там времен.

15

Щастлива жизнь моих врагов!
Но те светлее веселятся,¹
Ни бурь, ни громов не боятся,
Которым Вышний сам покров.

(VIII, 115–116)

Аналогичная картина благоденствия грешников находится в Книге Иова, где ее с горечью рисует сам лишившийся имения, детей и пораженный страшною болезнью праведник.² Повсеместное

---

¹ О мотиве «веселья» в переложениях Ломоносова см.: Серман И.З. Указ соч. – С.62, 64; Луцевич Л.Ф. Указ соч. – С.231.

² «Почто нечестивии живут, обетшаша же в богатстве? Семя их по души, чада же их пред очима. Домове их обилнии суть, страх же ни-

благоденствие нечестивых – одно из главных обвинений, предъявляемых Иовом Богу. В другой речи он даже предположил, что вся земля отдана им во власть, что сам Бог правит землею как нечестивец: «Предана есть земля в руке нечестиваго, лица судий ея покрывает: аще же не Сам есть, кто есть?» (Иов 9:24; рус. пер.: «...если не Он, то кто же?»). В этом упреке Иов выходит за рамки своего индивидуального опыта и «...предъявляет претензии, близкие к претензиям на божественность»¹ (потому Бог, отвечая ему, и задает не требующий ответа вопрос, был ли Иов при творении мира и может ли управлять им по своему усмотрению). Речь Иова, с которой соотносятся строфы 12–15 ломоносовского переложения псалма 143 (Иов 21:7–22), имеет несколько иной смысл. Здесь Иов отвечает друзьям, заподозрившим, что он сам нечестивец. Иов отвечает им «в пародийном стиле», показывая, «...что счастливо живут не те, кто невинен, а именно нечестивцы. Отсюда-то и видно, что он, Иов, который несчастен, праведен, а не наоборот».²

Эти параллели проясняют смысл переложения псалма 143 и его роль в композиции раздела «Оды духовные»: 1) Ломоносов показывает, что земное благополучие не существенно для праведника и редко является его уделом, что лишения и страдания не могут омрачить его «светлого веселья», поскольку относятся к временной жизни (проходящей «как пустая тень»), а истинное воздаяние праведникам и грешникам будет в жизни вечной; 2) картина благоденствия грешников, которая может смутить читателей и склонить к мнению, что Бог дурно управляет вселенной, в контексте «Од духовных» подготавливает переложение ответа Бога Иову, где дер-

---

где, раны же от Господа несть на них. Говядо их не изверже: спасена же бысть их имущая во чреве и не лишися. Пребывают же яко овцы вечныя, дети же их предиграют, взявше псалтирь и гусли, и веселятся гласом песни. Скончаша во благих житие свое, в покои же адове упоша. Глаголют же Господеву: отступи от нас, путей Твоих ведети не хотим: что достоин, яко да поработаем Ему? И каая польза, яко да възыщем Его? В руках бо их бяху благая, дел же нечестивых не надзирает» (Иов 21:7–16).

¹ Швинхорст-Шёнбергер А. Книга Иова // Введение в Ветхий Завет / Под ред. Э. Ценгера. – М.: Библийско-богословский институт св. апостола Андрея, 2008. – С.451.

² Там же. – С.442.

зость и самонадеянность подобных рассуждений как раз и разоблачается (в форме риторических вопросов).

«**Преложение псалма 145**», которое в «Одах духовных» непосредственно предваряет «Оду, выбранную из Иова», впервые было напечатано Ломоносовым в «Риторике» (1748), где поясняется, что псалом 145 «...основан на следующем разделительном силлогизме: *Или уповать на Бога или на князей, сынов человеческих; но уповать на них ненадежно; следовательно, лучше уповать на Бога.* Для яснейшего понятия прилагается оного псалма парафрастическая ода» (VII, 328). Отсюда видно, как он понимал общую мысль псалма: «лучше уповать на Бога». Эта мысль – одна из главных в Книге Иова. Страдалец, потребовавший суда от Бога, был оправдан как раз потому, что уповал *только* на Бога и не сомневался в Его всемогуществе. Высказывая свои упреки, Иов был чужд лицемерия и твердо верил, что жизнь его все время находится в руках Бога Живого¹ и что только от Бога он может получить ответ на свои вопросы. И Бог действительно ответил ему.

Псалом 145 – «аллилуйный», псалом хваления:

1

Хвалу Всевышнему Владыке
Потщися, дух мой, воссылать;
Я буду петь в гремящем лике
О Нем, пока могу дышать.

2

Никто не уповай во веки
На тщетну власть князей земных:

---

¹ Рус. пер.: «И продолжал Иов возвышенную речь свою и сказал: жив Бог, лишивший меня суда, и Вседержитель, огорчивший душу мою, что, доколе еще дыхание мое во мне и дух Божий в ноздрях моих, не скажут уста мои неправды, и язык мой не произнесет лжи! Далека я от того, чтобы признать вас справедливыми; доколе не умру, не уступлю непорочности моей. Крепко держал я правду мою и не опущу ее; не укорит меня сердце мое во все дни мои. Враг мой будет, как нечестивец, и восстающий на меня, как беззаконник. Ибо какая надежда лицемеру, когда возьмет, когда исторгнет Бог душу его?» (Иов 27:1–8).

Их теж родили человеки,
И нет спасения от них.

(VIII, 185)¹

В переложении стиха Пс 145:5 («Блажен, ему же Бог Иаковль помощник его, упование его на Господа Бога своего...») Ломоносов эксплицирует мысль, что «блажен» тот, кто надеется *только* на Бога, и на Бога *Живого*:

4

Блажен тот, кто себя вручает
Всевышнему² во всех делах
И токмо в помощь призывает
Живущаго на небесах...

(VIII, 186; курсив мой – В.К.)

Именно после этого – впервые в «Одах духовных» – возникает тема устройства Творцом вселенной:

5

Несчетно многими звездами
Наполнившего высоту

¹ В академическом ПСС в качестве основного текста «Преложения псалма 145» напечатан имеющийся в «Риторике» (1748), а текст изд. 1751 и 1757 представлен в разночтениях (VIII, 185–187). Нас интересует как раз текст этих изданий, поэтому здесь и далее «Преложение псалма 145» цитируется с нумерацией строф и с исправлениями по приводимым в ПСС вариантам (ср.: Ломоносов М. Собр. разных сочинений в стихах и в прозе. – Кн.1. – [СПб.:] печ. при Имп. Акад. наук, 1751. – С.32–34; То же. – 2-е изд. с прибавлениями. – [М.:] печ. при Имп. Моск. университете, 1757. – С.25–26; Ломоносов М.В. Избр. произведения / Вступ. статья, сост. и примеч. А.А. Морозова; подг. текста М.П. Лепехина и А.А. Морозова. – Л.: Советский писатель, 1986. – С.199). В первых двух строфах в «Риторике» было «возсылать», «вовечи», «Князей» и «тежь» (вместо «воссылать», «во веки», «князей» и «теж» в изд. 1751 и 1757). Далее разночтения также оговариваются в сносках.

² В «Риторике» было – «Всесильному»; в изд. 1751 и 1757 – «Всевышнему».

И непостижными делами
Земли и моря широту,

6

Творящего на сильных нищу
По истине в обидах суд,
Дающего голодным пищу,¹
Когда к Нему возопиют.

(VIII, 186)

В литературе уже отмечалось, что пятая строфа («Несчетно многими звездами...») «обнаруживает немалую свою близость» к «Оде, выбранной из Иова» и двум «Размышлениям».² Текст псалма здесь расширен, и в говорящем (опять же впервые) показываются черты ученого, человека науки: «высота» у Ломоносова наполнена звездами «несчетно», а дела Творца на земле и море – «непостижные» (ср.: «...сотворшаго небо и землю, море и вся, яже в них...» [Пс 145:6]). Так вместе с темой мироустройства возникает вопрос о его познаваемости, представляющейся, как минимум, проблематичной. При этом вселенная Ломоносова принадлежит не безучастному Богу деистов, а находится в руках «Живущаго на небесах», который сотворил звезды, землю и море, который дает «суд» нищему против «сильных» и «...голодным пищу, / Когда к Нему возопиют». В псалме сказано только: «...творящего суд обидимым, дающего пищу алчущим» (Пс 145:7). Ломоносов прибавляет: «... когда к Нему возопиют».³ Его Бог, «Живущий на небесах», откликается на обращенные к Нему просьбы.

Далее читаем:

¹ В «Риторике» в шестой строфе переложения напечатано «по истинне» и «даящего»; в изд. 1751 и 1757 – «по истине» и «дающего».

² Бухаркин П.Е. Духовная ода М.В. Ломоносова: литературный контекст и религиозное содержание // Христианское чтение. – 2011. – №3(38). – С.12–13.

³ Эта вставка, вероятно, навеяна стихом из другого псалма (Пс 146:9: «... дающего скотом пищу их, и птенцем врановым призывающим Его») или стихом из речи Бога к Иову (пропущенным в «Оде, выбранной из Иова»): «Кто же врану уготова пищу? Птичищи бо его ко Господу воззваша, облетающе брашна ищуще» (Иов 38:41).

7

Господь оковы разрешает
И умудряет он слепцов,
Господь упавших возвышает
И любит праведных рабов.

8

Господь пришельцев сохраняет
И вдов приемлет и сирот.
Он дерсский грешных путь скончает,
В Сионе будет в род и род.¹

(VIII, 186–187)

Ср.: «Господь решит окованныя. Господь умудряет слепцы. Господь возводит низверженные. Господь любит праведники. Господь хранит пришельца, сира и вдову примет и путь грешных погубит. Воцарится Господь во век, Бог твой, Сионе, в род и род» (Пс 145:8–10). Как видно, здесь ломоносовское переложение точное, почти без прибавлений, только с одним добавочным эпитетом: путь грешных – дерзкий (в отношении к Богу, который «любит праведных рабов», послушных Его воле).

Л.Ф. Луцевич описала переложения псалмов в «Одах духовных» как «единый поэтический цикл, состоящий из семи стихотворений, центральной темой которого является тема пути»² (праведного и грешного). К ее наблюдениям можно добавить, что Ломоносов задается вопросами, будет ли и каким будет воздаяние за эти пути и *когда* оно будет.

Ломоносовские переложения псалмов последовательно отвечают на эти вопросы: Бог различает пути праведных и «злых» и относится к ним деятельно (псалом 1); праведные вселятся на небеса, где обитает сам Бог (псалом 14); Бог спасает праведников от гибели (псалом 26); Бог судит людей: подтверждает правоту пра-

¹ В «Риторике» в последней строфе разночтения: «пришельцов», «Он грешных дерский путь скончает» (и точка после этой строки). В изд. 1751 и 1757 – «пришельцев», «Он дерсский грешных путь скончает» (затем запятая).

² Луцевич Л.Ф. Указ. соч. – С.279.

ведников и наказывает грешников (псалом 34); Бог защищает праведников от грешников (псалом 70); Бог позволяет грешникам благоденствовать на земле, но праведникам Он приготовил лучшее (псалом 143); Бог различает праведные и грешные пути и воздаст за них воздаянием вечным (псалом 145).

Нетрудно заметить, что в таком изложении 1-й псалом соответствует 145-му, 14-й – 143-му, 26-й – 70-му. В центре оказывается переложение псалма 34, где Бог призывается на суд, и это именно то стихотворение, которое по объему равно «Оде, выбранной из Иова» (112 стихов).

Последний стих 145-го псалма Иоанн Златоуст истолковал в смысле призыва к терпению и надежде на Бога, который, «...если и откладывает, то после делает большее воздаяние».¹ В таком понимании последний стих «Преложения псалма 145» – «В Сионе будет в род и род» (VIII, 187) – прямо подводит к начальным стихам «Оды, выбранной из Иова»:

О ты, что в горести напрасно
На Бога ропщешь, человек...

(VIII, 387)

Человек ропщет «напрасно», потому что любая «горесть» дается ему от Бога для его же блага (о чем будет сказано в последней строфе). Тем более не следует роптать *праведному* страдальцу, верующему в то, что Бог «в Сионе будет в род и род», а значит «после» с избытком вознаградит его («если и откладывает, то после делает большее воздаяние»).

Библейский рассказ о вознаграждении многострадального Иова – о том, как «Господь... благослови последняя Иовля, неже

¹ «“Воцарится Господь во век, Бог твой, Сионе, в род и род” (ст. 10). Если же Он царствует постоянно и пребывает вечно, то не должно сомневаться; но если Он не сделал воздаяния здесь, то отлагает его до большего воздаяния. Итак, не будем смущаться и беспокоиться в искушениях, если мы не тотчас получаем избавление от них, но предоставим время избавления Самому Господу; и когда совершим что-нибудь доброе, не будем тотчас же требовать воздаяния, но также будем полагаться на Его волю, потому что, если Он откладывает, то после делает большее воздаяние. Будем же благодарить Его за все и постоянно воссылать Ему хвалу» (Иоанн Златоуст. Беседы на псалмы. – С.533)

прежняя» (Иов 42:12; рус. пер.: «благословил Бог последние дни Иова более, нежели прежние»), – непосредственно и лучше всего иллюстрирует то, в чем Ломоносов убеждает читателя:

Он все на пользу нашу строит,
Казнит кого или покоит.

(VIII, 392)

Жалобы Иова оставлены за текстом оды, но им находится соответствие в переложениях псалмов Ломоносова. Написанные от лица гонимого врагами и искушаемого бедами *праведного человека*, они подготавливают читателя к переложению речи *Всемогущего Бога* в «Оде, выбранной из Иова». Мораль же, выведенная в ее заключительной строфе, напоминает о том, как Иов был вознагражден за веру и терпение.

* * *

Соответствия с Книгой Иова находятся и в следующих за «выбранной» из нее одой **«Утреннем размышлении о Божием величестве»** и **«Вечернем размышлении о Божием величестве при случае великого северного сияния»**.¹

¹ Литература об этих стихотворениях довольно обширна; реконструкцию их религиозного контекста (физико-теологические сочинения) см.: Левитт М. «Вечернее размышление о Божием величестве» и «Утреннее размышление о Божием величестве»: Опыт определения теологического контекста // XVIII век. – Сб.24. – СПб.: Наука, 2006. – С.57–70 (здесь же литература вопроса). См. также: Стенник Ю.В. М. Ломоносов. «Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния» // Поэтический строй русской лирики. – Л.: Наука, 1973. – С.9–20; Луцевич Л.Ф. Указ соч. (2002). – С.252–254; Топоров В.Н. Два «Размышления» Ломоносова в контексте русской поэзии XVIII века // Поэтика. Стихосложение. Лингвистика. К 50-летию научной деятельности И.И. Ковтуновой: Сб. статей. – М.: Азбуковник, 2003. – С.15–31; Основат К.А. Некоторые контексты «Утреннего...» и «Вечернего размышления о Божием величестве» // Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. – 2004. – Vol.32. – P.39–56; Бухаркин П.Е. Риторическое смыслообразование в «Вечернем размышлении о Божием величестве при случае великого северного сияния» М.В. Ломоносова: между одно-

В Книге Иова вслед речью Бога идут слова раскаяния Иова: «Отвещав же Иов, рече ко Господу: вем, яко вся можеш, невозможно же Тебе ничтоже. Кто есть таяй от Тебе совет, щадяй же словеса и от Тебе мнится утаити? Кто же возвестит ми, ихже не ведех, велия и дивная, ихже не знах? Послушай же мене, Господи, да и аз возглаголю: вопрошу же Тя, ты же мя научи: слухом убо уха слышах Тя первее, ныне же око мое виде Тя: темже укорих себе сам, и истаях, и мню себе землю и пепел» (Иов 42:1–6).¹

Иов признал всеведение Бога и собственную ограниченность и неспособность самостоятельно судить о Его делах.² Он раскаялся и смирился перед Богом всеведущим и всемогущим, контролирующим каждое событие человеческой жизни. Также и Ломоносов в «Оде, выбранной из Иова» подводит к мысли, что все дела Творца – благодеяния, но и не все доступны человеческому разумению. Эта мысль и развивается в двух следующих «Размышлений».

В «Утреннем размышлении» Бог прославляется как Творец вселенной и ее «бессмертный Царь» (т.е. Живой Законодатель, Правитель и Судия). В «Вечернем размышлении» доказывается, что Творец для человека непостижим. Обе эти темы были заявлены в «Оде, выбранной из Иова», с которой особенно тесно связано «Утреннее размышление».

значностью логики и полемики языка // XVIII век. – Сб.24. – СПб.: Наука, 2006. – С.35–56; Романова Г.И. Библейские истоки «Размышлений» М.В. Ломоносова // Литература в школе. – 2011. – №9. – С.12–14.

¹ Ср. рус. пер.: «И отвечал Иов Господу и сказал: знаю, что Ты все можешь, и что намерение Твое не может быть остановлено. Кто сей, помирающий Провидение, ничего не разумея? – Так, я говорил о том, чего не разумел, о делах чудных для меня, которых я не знал. Выслушай, [взывал я,] и я буду говорить, и что буду спрашивать у Тебя, объясни мне. Я слышал о Тебе слухом уха; теперь же глаза мои видят Тебя; поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле» (Иов 42:1–6). О разночтениях в стихе Иов 42:2 см. ниже (1.4).

² См.: Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков. Ветхий Завет. Т. VI: Книга Иова. – Тверь: Герменевтика, 2007. – С.259–260 (фрагменты комментариев Иоанна Златоуста, Олимпиодора и Григория Великого к словам раскаяния Иова). См. также в кн.: Малков П.Ю. Возлюбивший Христа: Святоотеческие толкования на книгу Иова. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2014.

«Ода, выбранная из Иова» обращена к человеку и склоняет его к смирению. «Утреннее размышление» обращено к Богу и прославляет Его величие. «Ода, выбранная из Иова» заключает в себе увещательную речь Бога и заканчивается советом, как следует к Нему обращаться: «...без роптания проси» (что можно выразить и одним словом: «молись»). В «Утреннем размышлении» в первой строфе автор обращается к самому себе («Мой дух, с веселием внемли...»), а в последней – к Богу со смиренной просьбой, молитвой:

Творец! Покрытому мне тмою
Простри премудрости лучи
И что угодно пред Тобою
Всегда творити научи
И, на Твою взирая тварь,
Хвалить Тебя, безсмертный Царь.

(VIII, 119)

Это прямое воззвание к Богу – последнее в «Одах духовных» и единственное, сделанное прямо от автора (не в переложениях псалмов). Все предшествующее размышление о природе Солнца, как заметил П.Ф. Калайдович, подготавливает эту заключительную молитву к Богу – «Солнцу правды».¹

То, к чему в «Оде, выбранной из Иова» Ломоносов призывал читателя («без роптания проси»), в «Утреннем размышлении» он показал на собственном примере, обратившись к Творцу с молитвенным прошением. Второе стихотворение написано как будто в продолжение первого, с расчетом на последовательное чтение, которое поможет заметить сходные выражения. Ср.:

---

¹ «Ода заключается молитвою к Богу, к Солнцу правды, да озарит Оно нашу душу, помраченную тьмою неведения, лучем Божественного света, небесной мудрости. Молитва имеет весьма близкое и натуральное отношение к главному предмету, к солнцу. <...> Ничем лучше нельзя заключить утреннего размышления о Божием величестве, как молитвою; вся Ода настраивает, приготовляет к ней душу. При этом строго соблюдена должная связь с предыдущим» (Калайдович П.Ф. Рассмотрение оды Ломоносова «Утреннее размышление о Божием величестве» // Труды Общества любителей российской словесности. – 1819. – Ч.13. – Кн.19. – С.74, 76)

Сие, смертный, рассуждая,
Представь Зиждителю власть.

(«Ода, выбранная из Иова»,
последняя строфа, [VIII, 392])

Мой дух, с веселием внемли,
Чудяся ясным толь лучам,
Представь, каков Зиждитель сам.

(«Утреннее размышление...»,
первая строфа [VIII, 117])

Сначала Ломоносов предлагает, рассуждая об услышанном, представить Всемогушество Божие («Зиждителю власть»), а затем, восхищаясь *увиденным* (светом), представить самого Творца («каков Зиждитель сам»). Оставляя в стороне возможность отметить здесь параллели с православным мистическим богословием,¹ обратим внимание, что, поскольку слух и зрение могут являться метафорами приблизительного и точного (полученного в откровении) знания и названы именно в такой последовательности, процитированные строфы отсылают к последним словам Иова: «...слухом убо уха слышах Тя первее, ныне же око мое виде Тя» (Иов 42:5–6). В следующей строфе «Утреннего размышления» возникает употребленное здесь слово «око» («ныне же око мое виде Тя»):

Когда бы смертным толь высоко
Возможно было возлететь,

---

¹ О мистическом богословии Григория Паламы в связи с одами Ломоносова см.: *Левитт М.* Визуальная доминанта в России XVIII века / Пер. с англ. А. Глебовской; науч. ред. перевода Н. Алексеева. – М.: НЛО, 2015. – С.121–145 (Глава 3: Боговидение в Православии и оды). Здесь цитируются, в основном, торжественные оды Ломоносова («Утреннее размышление» не упомянуто). «Размышлениям» посвящена отдельная работа того же автора: *Левитт М.* «Вечернее размышление о Божием величестве» и «Утреннее размышление о Божием величестве»: Опыт определения теологического контекста // XVIII век. – Сб.24. – СПб.: Наука, 2006. – С.57–70. Здесь отмечено, что «премудрости лучи» в заключительной строфе «Утреннего размышления» – «это кульминационный образ всего стихотворения, совмещающий в себе и метафорический свет (духовный свет познания), и реальный, физический свет» (с.68).

Чтоб к солнцу бренно наше око
Могло приближившись возреть...

(VIII, 117)

Заключительная в стихотворении молитва тоже содержит лексему из последней речи Иова (предшествующей фразы): «Послушай же мене, Господи, да и аз возглаголю: вопрошу же Тя, ты же мя научи» (Иов 42:4). Ср.:

...И что угодно пред Тобою
Всегда творити научи...¹

В последней строфе «Оды, выбранной из Иова» Ломоносов напоминал человеку о его смертности («Сие, о смертный, рассуждая...»), делая это ради его утешения, давая понять, что любая «горесть» пройдет. А в первой строфе «Утреннего размышления», обращаясь к своему духу («Мой дух, с веселием внемли...»), напоминает о его бессмертии. Далее вновь говорит, что человек смертен («Когда бы смертным толь высоко...») – ради указания на несовершенство его знания, зрения («бренно наше око»), а заканчивает стихотворение утверждением идеи бессмертия:

И, на Твою взирая тварь,
Хвалить Тебя, безсмертный Царь.

Переключки между «Одой, выбранной из Иова» и «Утренним размышлением» столь очевидны, что создается впечатление, будто они сочинялись одно за другим (имеющиеся данные этому не противоречат). Возможно, так оно и было. По крайней мере, в раздел «Оды, духовные» «Утреннее размышление» вписывается как еще одно звено, соотносимое с Книгой Иова.

«Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния», написанное, по указанию Ло-

¹ К.А. Осповат писал, что в основу «Утреннего размышления» «в упрощенном виде» легла «композиционная канва» псалма 18, а в данных стихах заметил переключку с его текстом: «И будут в благоволение слова уст моих, и поучение сердца моего пред тобою выну <...>» (Пс.18:15) (Осповат К.А. Некоторые контексты «Утреннего...» и «Вечернего размышления о Божием величестве» // Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. – 2004. – Vol.32. – P.50–51).

моносова, в 1743 г. (III, 123), впервые было опубликовано в «Кратком руководстве к красноречию» (1748) как пример распространения идеи, составляющей посылку в энтимеме «*Тварей исследовать не можем, следовательно, и творец есть непостижим*» (VII, 315).

В «Утреннем размышления» поэт молил Творца: «Простри премудрости лучи».¹ В «Вечернем...» он обращается к тем, кого называет «премудрыми», – к людям науки, претендующим на знание устройства вселенной. Сам поэт считает, что это знание не может быть исчерпывающим: «Открылась бездна, звезд полна; / Звездам числа нет, бездне дна» (VIII, 120; курсив мой – В.К.).

«Премудрые» убеждены в обитаемости других планет:

Уста премудрых нам гласят:
«Там разных множество светов,
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков;
Для общей славы божества
Там равна сила естества».

(VIII, 121)

Впоследствии Ломоносов защищал идею «множества миров», но в данном стихотворении он явно выражает в ней сомнение, а главное – сомневается в способности ученых коллег, познавших законы природы («естества устав»), ответить на вопросы, касающиеся жизни человека:

О вы, которых быстрый зрак
Пронзает книгу вечных прав,
Которым малый вещи знак
Являет естества устав,
Вам путь известен всех планет;
Скажите, что нас так мятет?

(VIII, 121–122)

Большая часть речи автора к «премудрым» выстроена в форме вопросов, изобличающих их невежество, – также как речь Бога

---

¹ Об употреблении слова «премудрость» в «Оде, выбранной из Иова» см. ниже (1.4).

к Иову. «Премудрые», оказывается, не согласны между собой насчет природы Северного сияния, поэтому вопросы к ним в заключительной строфе задаются не без иронии:

Сомнений полон ваш ответ
О том, что окрест ближних мест.
Скажитеж, коль пространен свет?
И что малейших дале звезд?
Несведом тварей вам конец?
Скажитеж, коль велик Творец?¹

(VIII, 123)

Последний вопрос должен привести их к молчанию, как умоляет Иов, признав, что пытался рассуждать о вещах, которые выше его понимания: «Кто же возвестит ми, ихже не ведах, велия и дивная, ихже не знах?» (Иов 42:3; рус. пер.: «Так, я говорил о том, чего не разумел, о делах чудных для меня, которых я не знал»).

Ломоносов оспаривает не права научного знания, а только то, что оно может быть полным и безошибочным. В двух «Размышлениях» он не отрицает, а утверждает ценность науки (в особенности астрономии) и дает ей религиозное оправдание: это тоже род «откровения», побуждающего признать бесконечное превосходство Божественной мудрости над человеческой и воздать хвалу Творцу.² Научное исследование природы, познание человеком тварного мира, как и в Книге Иова, приводит его к смирению – признанию своей ограниченности и величия Творца:

Скажитеж, коль велик Творец?

---

¹ В первой публикации «Вечернего размышления...» (1748) последняя строка читалась немного иначе: «Ктож знает, коль велик Творец?» (VIII, 123; ср.: VII, 318).

² Ср. апологию астрономии в работе «Явление Венеры на Солнце...» (1761): «Несказанная премудрость дел Божиих хотя из размышления о всех тварях явствует, к чему предводительствует физическое учение, но величества и могущества Его понятие больше всех подает астрономия, показывая порядок течения светил небесных. Воображаем себе тем явственнее Создателя, чем точнее сходятся наблюдения с нашими предсказаниями; и чем больше постигаем новых откровений, тем громче Его прославляем» (IV, 372).

* * *

Вопреки мнениям, что Ломоносов в своей поэзии прошел мимо «страстного протеста многострадального Иова»,¹ что в его переложении «исчез Иов (так как он не дает мотивов из первых глав книги Иова) и вместе с ним исчезла самая проблема веры»,² в «Оде, выбранной из Иова» и окружающих ее стихотворениях находятся соответствия разным частям библейской книги. Помимо того что вопросы Иова (и его история) подразумеваются в переложении ответной речи Бога, жалобы праведника эксплицированы в предшествующих переложениях псалмов, а в последующих «Размышлениях» отражены мотивы последней речи Иова, вразумленного Божественным ответом.

Композиция раздела «Оды духовные» в сочинениях Ломоносова до известной степени сходна с идейной структурой Книги Иова:

- жалобы и мольбы к Богу страдающего и утесняемого врагами праведника (семь переложений псалмов);
- увещательная речь Бога («Ода, выбранная из Иова»);
- признание человеком величия и мудрости Творца и ограниченности своих знаний и возможностей (два «Размышления»).

«Ода, выбранная из Иова» – ключевое в «Одах духовных» произведение, поскольку «выбрана» непосредственно из Книги Иова, в сопоставлении с которой выясняется авторская логика расположения текстов раздела и его общий смысл.³ Сама же «Ода, выбранная из Иова» вне проблематики библейской книги вообще не может быть правильно понята.

---

¹ Дороватовская В.С. О заимствованиях Ломоносова из Библии // М.В. Ломоносов. 1711–1911. Сборник статей под ред. В.В. Сиповского. – СПб., 1911. – С.65.

² Мотольская Д.К. Ломоносов // История русской литературы: [В 10 т.]. – Т.3: Литература XVIII века. – Ч.1. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – С.343.

³ Это не покажется слишком удивительным, если вспомнить, что Книга Иова была «своего рода метатекстом» для религиозных стихотворений И.Х. Гюнтера (см.: Синило Г.В. История немецкой литературы XVIII века: учеб. пособие. – Минск: Вышэйшая школа, 2013. – С.55–66), поэзией которого Ломоносов увлекся в Германии (см. выше – 1.1).

1.3.

«СТРОФЫ ОТ АВТОРА» в «ОДЕ, ВЫБРАННОЙ ИЗ ИОВА» (1 и 14)

Переложение речи Бога к Иову в оде Ломоносова помещено в обрамление строф «от автора». Первая служит введением к нему, в последней выведено поучение («Сие, о смертный, рассуждая...»). В них обозначены адресат оды (ропщущий в «горести» человек) и ее религиозно-дидактическая цель – склонить читателя к покорности воле Божией, терпению и надежде. Само переложение должно оцениваться в свете этих строф, непосредственно его комментирующих.

«Ода, выбранная из Иова» – единственный у Ломоносова опыт свободного переложения текста Священного Писания с элементами его толкования. Тот факт, что это оказалась именно Книга Иова, и именно главы, заключающие в себе речь Бога к Иову, определенным образом его характеризует.

Книга Иова – одна из тех книг Ветхого Завета, которые особенно значимы для христианской традиции. Среди ветхозаветных праведников Иов считается приблизившимся к евангельскому совершенству¹, а по словам Амвросия Медиоланского, «больше Иова никто не любил Христа».² Его безвинные страдания – прообраз Страстей Христовых. В Православной Церкви отрывки из Книги Иова читаются на службах Страстной Седмицы, в том числе начало речи Бога к Иову (38:1–23) – на богослужении Великого Четверга. Иоанн Златоуст писал, что эта речь научает «тайне Христовой».³

---

¹ «В сравнении с высотой евангельского духовного совершенства разवे того только не доставало Иову, чего вообще не доставало Ветхому Завету перед Новым» (Бухарев А.М. Святой Иов многострадальный. Обозрение его времени и искушения по его книге. – М.: Изд. А.И. Манухина, 1864. – С.21).

² «О существовании ран любви свидетельствует также Иов, больше которого никто не любил Христа; он любил Его даже в страданиях своего тела» (Амвросий Медиоланский. Творения по вопросу о девстве и браке / Пер. с лат. А. Вознесенский. – Казань: Изд. Казанской дух. акад., 1901. – С.232 («Увещание к девству», 9: 61).

³ «Явившийся затем Господь оправдывает Иова и, научая тайне Христовой, говорит к Иову...» (Иоанн Златоуст. Обозрение книг Ветхого Завета. Книга Иова // Иоанн Златоуст. Творения <...> в русском переводе: [В 12 т.]. – Т.6. Кн.2. – СПб.: СПб.: Изд. С.-Петербургской дух. акад., 1900. – С.670).

«Выбирая» свою оду из Книги Иова, и именно из речи Бога, Ломоносов становился в определенные отношения к важнейшим аспектам христианского вероучения. Иными словами, в оде так или иначе должны были выразиться его религиозные убеждения. Каковы они были у Ломоносова – этот вопрос считается дискуссионным. Поэтому, прежде чем перейти к разбору строф от автора в «Оде, выбранной из Иова», на этом неоправданно, на наш взгляд, запутанном вопросе необходимо остановиться.

* * *

В популярной и научной литературе Ломоносова нередко называли деистом, при этом деизм понимался как «стыдливая форма перехода к атеизму, к полному отрицанию веры в бога».¹ Однако это вошло в обычай только в советское время, и, главным образом, по причинам, не связанным с изучением его творчества.²

---

¹ Серман И.З. Ломоносов в борьбе с церковью и религией // Русская литература в борьбе религией. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С.25 (эта характеристика деизма восходит к замечанию К. Маркса в кн. «Святое семейство» [1845], что деизм «...есть не более, как удобный и легкий способ отделаться от религии»). И.З. Серман в этой и других работах оценивал религиозные взгляды Ломоносова как деистические, но позднее, кажется, несколько уточнил свою позицию: «На протяжении всей своей сознательной жизни Ломоносов вел философскую борьбу на двух фронтах: как против тех, кто осуждал науку за ее желание постичь все в мире, так и против тех, кто пытался выстроить систему мира без участия Бога» (Serman I.Z. Mikhail Lomonosov. Life and Poetry. – Jerusalem: Lexicon, 1988. – P.115; цитата приведена по рус. переводу в статье М. Левитта [XVIII век. – Сб.24. – СПб.: Наука, 2006. – С.58]).

² Литература о мировоззрении Ломоносова очень обширна, но, обращаясь к ней, нельзя не учитывать политических обстоятельств и культурной мифологии времени, когда она создавалась (не только советского). Указания на некоторую литературу о его «деизме» и «атеизме» см., например, в работах: Трилесник Б.И. Проблемы науки и религии, разума и веры в мировоззрении Ломоносова // Ломоносов. Сб. статей и материалов. – Т.9. – СПб.: Наука, 1991. – С.15–27; Прокофьев И.Ф. О религиозности и атеизме М. Ломоносова // Философия и социология в контексте современной культуры: сб. науч. трудов. – Днепропетровск, 1998. – С.34–40. Литературу о Ломоносове в отношении к религии см. также в кн.: Хри-

В XIX в. было принято говорить о Ломоносове как о православном христианине, причем безупречном и образцовом.¹ Такие его тексты, как «Гимн бороде» (1757, первая публикация в 1859 г.),² тогда не омрачали этот светлый образ, в том числе в глазах почитавшего Ломоносова ученого духовенства. Так, архиепископ Филарет (Гумилевский), вспоминая о вызванном этим «Гимном» возмущении Св. Синода, однозначно осудил его как неадекватное и фактически выразил солидарность с сочинителем: «Как это случилось, что “гимн бороде” поднял бурю против себя? А чего и ждать от тупых голов».³

Если исходить из обычного понимания деизма, т.е. из того, что это «...вера в существование Высшего Существа как источника конечного существования, совмещающаяся с отрицанием От-

---

стианство и новая русская литература XVIII–XIX веков: Библиографический указатель. 1800–2000. – СПб.: Наука, 2002. – С.103–106.

¹ Большую подборку высказываний на этот счет авторов XIX в. (и для контраста – некоторых авторов советского времени) см. в кн.: *Ивинский Д.П.* Ломоносов в русской культуре. – Б.м., 2015. – С.18–24 (раздел «Вера и Церковь») ([электронный ресурс]: URL.: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11960770 [дата обращения: 30.01.2016]). См. также: *Ивинский Д.П.* Образ Ломоносова в русской культуре // М.В. Ломоносов и Православие: Сб. статей о творчестве М.В. Ломоносова. – М., 2014. – С.128–135.

² Новейшую работу о «Гимне бороде» с обзором литературы вопроса см.: *Ивинский Д.П.* «Безразумных козлят далеко почтеннейшими, нежели попов ставит»: Из комментария к «Гимну бороде» // Бестиарный код культуры: сб. статей. – М.: Intrada, 2015. – С.123–130 (см. также: *Ивинский Д.П.* Ломоносов в русской культуре. – С.70–75 [Приложение 1]). Здесь доказывается, что «Гимн бороде» был сочинен в связи с определенными обстоятельствами (борьбой за независимость Московского университета) и метил, скорее всего, на митр. Димитрия (Сеченова).

³ *Филарет (Гумилевский), архиеп.* Обзор русской духовной литературы. – Изд. 3-е, с поправками и доп. автора. – СПб.: Изд. книгопродавца И.Л. Тузова, 1884. – С.336. В виду этого высказывания (и других фактов) даже взвешенную, казалось бы, точку зрения П.Н. Беркова, писавшего, что «“Гимн бороде”, конечно, не антирелигиозное произведение, но что оно антиклерикальное – сомнений быть не может» (*Берков П.Н.* Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750–1765. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – С.209), можно поставить под сомнение. Из конфликтов Ломоносова с отдельными духовными лицами еще нельзя сделать вывода о его «антиклерикализме».

кровения и сверхъестественных доктрин христианства; естественная религия»,¹ то попытки объявить Ломоносова деистом следует признать чистым недоразумением. Ничего, что свидетельствовало бы об отрицании основных христианских догматов, в его сочинениях не находится. И напротив, прямые заявления о приверженности к христианству у него многочисленны и встречаются даже в естественнонаучных трудах,² не говоря уже о филологических, исторических и поэтических, в которых нередко декларируется приверженность уже не просто к христианству, а к христианству православному.³ Здесь нет необходимости иллюстрировать это цитатами и приводить общеизвестные биографические факты.⁴ На-

¹ Такое определение деизма, часто цитируемое, дано в Оксфордском словаре английского языка (*A New English Dictionary on Historical Principles* / Ed. J.A.H. Murray. – Oxford, 1897. – Vol.3. – P.152); цит. по: *Шохин В.К. Деизм // Православная энциклопедия*. – Т.14. – М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2007. – С.311. Здесь же (с.311–315) см. историю и литературу вопроса о деизме.

² Развернутые суждения о христианской догматике в связи с естествознанием находятся в трактате «О слоях земных» (кон. 1750-х), напечатанном в 1763 г. как приложение к «Первым основаниям металлургии или рудных дел» (см. в особенности: V, 616–619), и в работе «Явление Венеры на Солнце...» (1761) («Прибавление» – II, 370–376).

³ См., например, распространенное изложение Никео-Цареградского Символа веры в его «Древней российской истории» (1753–1758, опубли. 1766) – в речи «философа Константина», «от греческих царей избранного» для проповеди вел. кн. Владимиру (гл. 8: «О рассмотрении вер и крещении Владимирове» [VI, 260–263]). Одной из претензий Ломоносова к Г.Ф. Миллеру и А.Л. Шлёцеру было то, что они не принадлежат к Православию и не дорожат его преданиями. Так, он опасался, как бы не последовало «соблазну Православной российской Церкви» от суждений Миллера о поселении славян на Днепре после апостольских времен, поскольку «Церковь российская повсягдно воспоминает о приходе святого апостола Андрея Первозванного на Днепр и в Новгород к славянам...» («В канцелярию академии репорт [21 июня 1750]» [VI, 80]). О филологии и поэзии Ломоносова в связи с православной традицией см., например, названные ниже работы Р. Пиккио (1992) и М. Левитта (2004, 2006, 2015).

⁴ См. в нашей обзорной статье на эту тему: *Коровин В.Л. Ломоносов Михаил Васильевич // Православная энциклопедия*. – Т.41. – М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2016. – С.414–420.

помним только, что идею «множества миров» (затронутую в «Вечернем размышлении») Ломоносов позднее обсуждал в контексте христианской догматики (грехопадение, Искупление), заключив свои рассуждения известными словами: «При всем сем христианская вера стоит непреложна. Она Божиему творению не может быть противна, ниже́ ей Божие творение, разве тем чинится противность, кои в творения Божия не вникают» («Явление Венеры на Солнце...», 1761; II, 375).

Ломоносов всю жизнь размышлял «о возможности примирения научного миропонимания с верой».¹ Потребностью примирить астрономические воззрения Нового времени с христианским вероучением были вызваны и известные строки в «Письме о пользе Стекла» (1752):

Коль созданных вещей пространно естество!
О коль велико их создавше Божество!
О коль велика к нам щедрот Его пучина,
Что на землю послал возлюбленного Сына!
Не погнушался Он на малой шар сотти,
Что бы погибшаго страданием спасти.²

(VIII, 518–519)

По определению И. Канта (порицавшего как «деистов», так и «теистов»), в принципе «деисты отвергают всякую веру в Бога», но

¹ Алексеева Н.Ю. Ломоносов Михаил Васильевич // Словарь русских писателей XVIII века. – Вып.2. – СПб.: Наука, 1999. – С.220.

² Комментарий к этим стихам см.: Абрамзон Т.Е. «Письмо о пользе стекла» М.В. Ломоносова: Опыт комментария просветительской энциклопедии. (К 300-летию М.В. Ломоносова). Репринтное воспроизведение издания 1752 [1753] года. – М.: ОГИ, 2010. – С.103–105. В свое время В.С. Дороватовская, отметившая (ошибочно) эти стихи как единственный случай обращения Ломоносова к Новому Завету, охарактеризовала их как «...в сущности, очень бледные, являющиеся слабым отражением христианских образов» (Дороватовская В.С. О заимствованиях Ломоносова из Библии // М.В. Ломоносов. 1711–1911. Сб. статей под ред. В.В. Сиповского. – СПб., 1911. – С.35). О «Письме о пользе Стекла» см. также: Основат К. Ломоносов и «Письмо о пользе стекла»: поэзия и наука при дворе Елизаветы Петровны // Новое литературное обозрение. – 2007. – №87. – С.148–183.

«...снисходительнее и справедливее будет сказать, что деист верит в Бога, а теист верит в живого Бога».¹ В стихах о том, что Сын Божий вочеловечился и пострадал ради спасения падшего человечества, Ломоносов заявлял о вере в «живого Бога». В «Преложении псалма 145» он употребил и само это слово (отсутствовавшее в оригинале): «И токмо в помощь призывает / Живущаго на небесах...».

В расширительной трактовке деизм – вид религиозного свободомыслия, отличающийся от других тем, что все богопознание сводит к возможностям «естественного разума», т.е. любой деист (даже «христианский» в некоторых отношениях), как минимум, отрицает значимость Откровения. Это черта, объединяющая все разновидности деистов.²

Ломоносов был сторонником «вольного философствования», но разграничивал человеческие мнения и Божественное Откровение. В предисловии к «Волфианской экспериментальной физике»

---

¹ «Так как под понятием Бога принято разуметь не слепо действующую природу, как корень вещей, а высшую сущность, которая должна быть творцом вещей посредством рассудка и свободы, <...> строго говоря, можно утверждать, что деисты отвергают всякую веру в Бога и признают лишь первосущность или высшую причину. Однако того, кто не решается что-то утверждать, еще нельзя на этом основании обвинять в том, будто он хочет отрицать это. Вот почему снисходительнее и справедливее будет сказать, что деист верит в Бога, а теист верит в живого Бога (*summam intelligentiam*)» (Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч.: В 6 т. – Т.3. – М.: Мысль, 1964. – С.545 (гл. «Критика всякой теологии, основанной на спекулятивных принципах чистого разума») (серия «Философское наследие»).

² Такое понимание деизма представлено в современной «Православной энциклопедии»: «Поскольку все разновидности деизма отрицают, по крайней мере, значимость Откровения, с богословской точки зрения деизм можно определить как теологическое направление, редуцирующее все богопознание до возможностей естественной теологии, которая в традиционных конфессиональных теологических системах составляла лишь часть, а не целое. <...> Именно эту опору на естественную религию как предельную истину и меру для “положительных” религий, которая делала возможной критику последних, следует считать основой для определения границ деизма и отделения его от сколь угодно близких ему других разновидностей религиозного свободомыслия» (Шохин В.К. Указ. соч. – С.312).

(1746) он выразил восхищение Р. Декартом, который «...осмелился Аристотелеву философию опровергнуть и учить по своему мнению и вымыслу. Мы, кроме других его заслуг, особливо за то благодарны, что тем ученых людей ободрил против Аристотеля, против себя самого и против прочих философов в правде спорить, и тем самым открыл дорогу к вольному философствованию и к вящему наук приращению» (I, 423). Насчет Аристотеля он сделал характерную оговорку: «Я не презираю сего славного и в свое время отменитого от других философа, но тем не без сожаления удивляюсь, которые *про смертного человека думали, будто бы он в своих мнениях не имел никакого погрешения...*» (I, 423; курсив мой – В.К.).

Выделенное замечание предполагает оппозицию: *погрешительное мнение «смертного человека» / непогрешимое Божественное Откровение*. Последнее в особенности возвещается в Священном Писании, которое, по Ломоносову, дано нам Богом для познания Его воли, как видимый мир – для познания Его «величества». Слова из работы «Явление Венеры на Солнце...» (1761) о «двух книгах», данных Создателем роду человеческому, широко известны, но не всегда отмечается, что здесь же Ломоносов говорит о толкователях этих книг: «Создатель дал роду человеческому две книги. В одной показал Свое величество, в другой – Свою волю. Первая – видимый сей мир, Им созданный, чтобы человек, смотря на огромность, красоту и стройность его зданий, признал Божественное всемогущество, по мере себе дарованного понятия. Вторая книга – Священное Писание. В ней показано Создательво благоволение к нашему спасению. В сих пророческих и апостольских богодохновенных книгах истолкователи и изъяснители суть великие церковные учителя. А в оной книге сложения видимого мира сего суть физики, математики, астрономы и прочие изъяснители божественных, в натуру влиянных действий суть таковы, каковы в оной книге пророки, апостолы и церковные учителя. Нездраворассудителен математик, ежели он хочет Божескую волю вымерять циркулом. Таков же и богословия учитель, если он думает, что по Псалтире научиться можно астрономии или химии» (II, 375).

Полномочным толкователям Священного Писания, «великим церковным учителям» (в данной работе цитируются свт. Василий Великий и прп. Иоанн Дамаскин, см.: II, 372–374), противопоставлены самозванцы – математик, пытающийся своими методами

(«циркулом») уяснить «Божескую волю» (истины Откровения), и «богословия учитель», вычитывающий из Псалтири сведения по астрономии. Тот и другой показываются самонадеянными глупцами, которые по собственному разумению толкуют Священное Писание и заблуждаются. Отсюда следует, что не каждый может его толковать и не как ему вздумается, а что в этом отношении нужно руководствоваться указаниями признанных «церковных учителей». Будучи сторонником «вольного философствования» в науке, Ломоносов оказывается противником свободомыслия в толковании Священного Писания.¹

В отношении к практике современной ему церковной жизни Ломоносов чувствовал себя свободней и, как известно, предлагал реформировать уставы Православной Церкви в России: разрешить второй брак для священников и четвертый и пятый для мирян, перенести Пасху и Великий пост на другое время и др. (в записке «О сохранении и размножении российского народа», 1761; VI, 381–403). Но и здесь он выступал не в качестве религиозного вольнодумца, а как церковный реформатор, озабоченный уставными вопросами, и апеллировал к церковной реформе Петра I. Ни свободомыслия, ни даже адогматизма в подходе к вопросам веры Ломоносов не обнаруживал, а напротив, различал, с одной стороны, неизменяемые «догматы веры» и «узаконения, утвержденные соборами» (V, 617), а с другой – бытующие в церковной среде научные мнения, которые имеют «...начало свое от идолопоклоннических, а не от христианских учителей» (II, 371), и те церковные правила и обычаи, которые, на его взгляд, при необходимости могут и должны быть изменены.² Правомерны ли были его реформаторские предложения, это другой вопрос (нужно только заметить, что вне Православной Церкви он вообще не имеет смысла).

Давняя традиция представлять Ломоносова как убежденного православного христианина имеет под собой больше оснований, чем позднейшее представление о нем как о деисте (а то и панте-

---

¹ Выше (1.1) см. также наш комментарий к его письму В.Н.Татищеву (27 янв. 1749 г.).

² Кроме записки «О сохранении и размножении российского народа» см., например, его рассуждение о способах летоисчисления в трактате «О слоях земных» (V, 617–618).

исте или атеисте), и, по крайней мере, не противоречит его собственным заявлениям. Справедливо суждение современного немецкого исследователя: «В действительности у нас нет никаких оснований говорить о деизме Ломоносова. <...> Мысль о том, что порядок вселенной разумен, а в его основе лежат законы природы, еще не делает Ломоносова деистом. Ломоносов вполне мог придерживаться такой точки зрения как христианин, допуская при этом, что Бог в своем всемогуществе может остановить ход мирового механизма, чтобы сотворить чудо, например воскресение Богочеловека».¹

Стоит обсуждать не само по себе наличие у Ломоносова христианских убеждений, а их конфессиональную окраску и его отношение к Церкви. Это и делается в современной литературе. Существуют две основные точки зрения: 1) «Как просветитель, Ломоносов не был верным сыном церкви, хотя при этом являлся благочестивым христианином»²; 2) «Ломоносова можно с полным правом называть апологетом православной культурной традиции».³

Ломоносов никогда не высказывался о разделяющих христианские конфессии догматах и учениях. Либо они его не волновали,

---

¹ Клейн И. Раннее Просвещение, религия и церковь у Ломоносова // Клейн И. Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С.291–292.

² Там же. – С.291.

³ Левитт М. Визуальная доминанта в России XVIII века / Пер. с англ. А. Глебовской; науч. ред. перевода Н. Алексеева. – М.: НЛО, 2015. – С.124. Ср. в его работе об одах Ломоносова в отношении к специфически православному богословию Григория Паламы: Левитт М. Ода как откровение: православный богословский контекст одической поэзии Ломоносова // Славянский альманах 2003. – М.: Индрик, 2004. – С.368–384. См. также: Пиккио Р. «Предисловие о пользе книг церковных» М.В. Ломоносова как манифест русского конфессионального патриотизма // Сборник статей к 70-летию проф. Ю.М. Лотмана / Под ред. А. Мальц. – Тарту: Тартуский университет, 1992. – С.142–152; Ellis Ch. An Enquiry into the Extent of Lomonosov's Religious Beliefs // Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter 27 (1999). – P.3–7. Из отечественных работ см.: Лысов В.П. М.В. Ломоносов об исторической роли православного духовенства в России // Церковь и ее деятели в истории России: Сб. статей. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1993. [Вып.1]. С.3–30; Алексеев В.В. М.В. Ломоносов и православие // Общественные науки. – 2012. – №5. – С.33–41.

либо он считал, что это не его дело.¹ Он мог мимоходом презрительно помянуть «некоторых католических философов»,² мог в укор российским (православным) священникам похвалить немецких (протестантских) пасторов за трезвый образ жизни и грамотность,³ но не более того. Вероятно, он больше симпатизировал протестантам, чем католикам (хотя бы по известным биографическим обстоятельствам⁴), но себя, конечно, не относил ни к тем, ни к другим. Принадлежность Ломоносова к Православной Церкви – простейший биографический факт. Он эту принадлежность сознавал, в частности, как преимущество перед иностранцами в Академии наук и при случае с гордостью указывал на свое «от молодых лет обращение в церковных обрядах и служебных книгах» («Записка о плане научных работ А.-Л. Шлёцера», 1764; IX, 429). Речь Ломоносова, по давнему замечанию И.И. Соловина, не только в стихах, но и в прозе (даже научной) имеет «...особый величественный колорит, колорит церковности».⁵ Однако можно допустить, что в некоторых случаях он отдавал предпочтение традициям западного христианства, например, в вопросах библейской экзегетики. «Ода, выбранная из Иова» в этом отношении особенно показательна, поскольку в некоторых нюансах толкования Книги Иова традиции западного и восточного христианства расходятся.

¹ По замечанию И. Клейна, Ломоносов был лишен «богословского честолюбия» (Клейн И. Указ. соч. – С.292).

² «Посмеяния достойны таковые люди, кои <...> подобно как некоторые католические философы дерзают по физике изъяснять непонятные чудеса Божии и самые страшные Таинства христианские» («О слоях земных» [V, 618–619]).

³ См. его записку «Примечания [об обязанностях духовенства]» (1761?) (VI, 405–408).

⁴ Стоит напомнить, что в Марбурге 6 июня (26 мая ст. ст.) 1740 г. Ломоносов в церкви реформатской общины зарегистрировал брак с Елизаветой-Христиной Цильх (к нему в Россию она приехала в 1743 г. и стала называться Елизавета Андреевна); см.: Сухомлинов М.И. Ломоносов – студент Марбургского университета // Русский вестник. – 1861. – Т.31. – №1. – С.162–164; Летопись жизни и творчества М.В. Ломоносова. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – С.53.

⁵ Соловин И.И. Отражение языка и образов Св. Писания и книг богослужебных в стихотворениях Ломоносова // Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Акад. наук. – 1913. – Т.18. – Кн.2. – С.241.

* * *

Книга Иова по ряду «темных мест», различающихся в еврейском тексте и греческом переводе, признавалась «самой трудной» из книг «ветхозаветного канона».¹ Ее общий смысл также проблематичен: в библейской критике реконструировалось богоборческое сочинение, якобы лежавшее в основе канонической книги.² Какое же ее понимание выразилось у Ломоносова?

По крайней мере, одно здесь очевидно: в полном согласии с первыми словами библейской книги³ и общехристианской традицией, уподобляющей Страсти Христовы страданиям Иова, Ломоносов считал его праведником,⁴ а значит страдания его – безвинными (но не бесцельными). О том, что это актуально для «Оды, выбранной из Иова», можно судить по ее контексту в «Одах духовных» (по переложениям псалмов, где речь шла о страданиях праведника) и по первой строфе, где тема человеческого страдания (сразу же заявленная) поставлена в связь с историей Иова:

О ты, что в горести напрасно,
На Бога ропшешь, человек,
Внимай, коль в ревности ужасно,
Он к Иову из тучи рек!

¹ Юнгеров П.А. Книга Иова в русском переводе с греческого текста LXX, с введением и примечаниями. – Казань: Центральная типография, 1914. – С.IV («Введение»).

² См.: Рижский М.И. Книга Иова: Из истории библейского текста. – Новосибирск: Наука, 1991.

³ «Человек некий бяхе во стране Авситидийстей, емуже имя Иов, и бе человек он истинен, непорочен, праведен, богочестив, удаляясь от всякия лукавыя вещи» (Иов 1:1; рус. пер.: «Был человек в земле Уц, имя его Иов; и был человек тот непорочен, справедлив и богобоязнен и удалялся от зла»).

⁴ Об Иове есть прямое высказывание в «Риторике» Ломоносова: «Таков был терпения и добродетели образ Иов. Лишение детей, дому и всего имения не подвигнуло ума его, добродетелию огражденного, добродетелию возвышенного, добродетелию украшенного, ниже плоть его снедающие струпы добродетельный дух заразили. В бесчадстве был многочаден, изобилен в нищете, в болезни силен и, ничего не имея, по правде сказать мог, что он носил все свое с собою» (VII, 310).

Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь град блистая
И гласом грома прерывая,
Словами небо колебал
И так его на распрю звал...

(VIII, 387)

В самом начале Ломоносов счел нужным назвать Иова по имени и напомнить, что Бог говорил к нему «сквозе бурю и облаки» (Иов 38:1), а не как-то иначе. Следующее переложение Божественного ответа оказалось поставлено в надлежащий библейский контекст, актуализируемый для читателей (чего в принципе ведь можно было бы и не делать). Причем уже по этой строфе видно, что поэт опирался на славянский перевод: «Он к Иову из тучи рек» (далее это распространено: «сквозь дождь <и т.д.>»), ср.: «рече Господь Иову *сквозе бурю и облаки*» (в еврейском оригинале и в латинском переводе была только «буря»: «Respondens autem Dominus Job de turbine, dixit»; рус. пер.: «Господь отвечал Иову из бури и сказал»). Греческие толкователи придавали этому добавлению особое значение. Иоанн Златоуст, обойдя вниманием «бурю», прокомментировал именно то, что Бог говорил из «облака»: «Мне кажется, что Бог поставил тогда облако над тем праведником, чтобы возвысить его помышление и убедить, что этот глас приходит свыше, как в случае с *крышкой над ковчегом* <Числ 7:89>. Ведь поскольку облако есть символ неба, Бог словно бы хотел поставить над Иовом само небо, Он расположил подле него будто бы сам престол. Мне кажется, это произошло также *на горе*, когда облако остановилось, чтобы мы узнали, что это глас свыше. Давайте внимательно послушаем, потому что говорит общий для всех Владыка».¹

В первой половине строфы Ломоносов отсылает к Книге Иова, чтобы напомнить, что далее перелagается не обычная речь, а «глас свыше». Во второй же половине как будто просто иллюстрирует-

¹ Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков. Ветхий Завет. – Т. VI: Книга Иова. – Тверь: Герменевтика, 2007. – С. 232 (курсив как в тексте). В сокращенной редакции этот отрывок вошел в имеющуюся в РГБ рукописную книгу конца XVII в. «На книгу Иова толкование Олимпиодора Александрийского и других» (см. о ней выше – 1.1).

ся то, что глас Божий звучал «в буре» и сопровождался молниями и громом:

Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь град блистая
И гласом грома прерывая,
Словами небо колебал...

Первый из этих стихов можно счесть относящимся к метеорологическому явлению (молнии), но не два последующих, где «глас свыше» прерывает громы и словами колеблет небо. Эти стихи – не самостоятельная поэтическая гипербола, а еще одна отсылка к Священному Писанию, но уже не к Книге Иова, а к Новому Завету. Стих «словами небо колебал» восходит к апостольскому посланию: «Блюдите же, да не отречетесь Глаголющего. <...> Егоже глас землю тогда поколеба, ныне же обетова, глаголя: еще единою Аз потрясу не токмо землю, но и небом. А еже еще единою, сказует колеблемых преложение, аки сотворенных, да пребудут, яже суть неподвижимая» (Евр 12:25–26).

Здесь речь идет о превосхождении Нового Завета над Ветхим, Благодати – над Законом.¹ Апостол говорит о поколебленном Бо-

---

¹ Контекст приведенной цитаты в рус. переводе: «Вы приступили не к горе, осязаемой и пылающей огнем, не ко тьме и мраку и буре, не к трубному звуку и гласу глаголов, который слышавшие просили, чтобы к ним более не было продолжаемо слово, ибо они не могли стерпеть того, что заповедуемо было: если и зверь прикоснется к горе, будет побит камнями (или поражен стрелой); и столь ужасно было это видение, что и Моисей сказал: “я в страхе и трепете”. Но вы приступили к горе Сиону и ко граду Бога живаго, к небесному Иерусалиму и тьмам Ангелов, к торжествующему собору и церкви первенцев, написанных на небесах, и к Судии всех Богу, и к духам праведников, достигших совершенства, и к Ходатаю нового завета Иисусу, и к Крови кропления, говорящей лучше, нежели Авелева. Смотрите, не отвратитесь и вы от говорящего. Если те, не послушав глаголавшего на земле, не избегли наказания, то тем более не избежим мы, если отвратимся от Глаголющего с небес, Которого глас тогда поколебал землю, и Который ныне дал такое обещание: еще раз поколеблю не только землю, но и небо. Слова: “еще раз” означают изменение колеблемого, как сотворенного, чтобы пребыло непоколебимое. Итак мы, приемля царство непоколебимое, будем хранить благодать, которою будем служить благоугод-

гом небе во свидетельство о том, что все будет изменено, и внушает скорбящим на земле надежду. Так данные слова апостола (Евр 12:25–26) толковал Иоанн Златоуст: «Таким образом все будет изменено и устроится к лучшему свыше; это выражается здесь приведенными словами. Что же ты скорбишь, страдая в мире временном, бедствуя в мире скоропреходящем? Если бы в будущей судьбе мира была ненадежность, то ожидающему конца следовало бы скорбеть. *Да пребудут*, говорит, *яже суть неподвижная*. А что неподвижно? Будущее».¹

Стих «словами небо колебал» в начале оды Ломоносова не простое заимствование поэтического образа, а аллюзия на текст апостольского послания, актуализирующая его для читателей вместе с определенными толкованиями. Слова Иоанна Златоуста «*все будет изменено и устроится к лучшему свыше*» как нельзя лучше гармонируют с первыми словами от автора («О ты, что в горести *напрасно...*») и его выводами в последней строфе.

Ломоносов адресует свою оду тому, кто страдает и при этом *ропщет*. Причины его ропота не конкретизированы, но они ясны из того, что для его вразумления предлагается переложение речи Бога к *праведному* Иову. Ропщет в оде тот, кто, страдая, не признает (или не знает) за собой никакой вины. В ней подразумевается вопрос об отношениях человека, страдающего, может быть, незаслуженно, и Всемогущего Творца, все делающего для его блага. Это не умозрительный философский, а именно религиозный вопрос об отношениях Бога и человека, требующий такого же религиозного ответа – с практическими выводами и наставлениями. Ответ в оде дает сам Бог (строфы 2–13), выводы делает автор в заключительной (14-й) строфе:

Сие, о смертный, рассуждая,
Представь Зиждителю власть,
Святую волю почитая,
Имей свою в терпении часть.

но Богу, с благоговением и страхом, потому что Бог наш есть огонь пожигающий» (Евр 12:18–29).

¹ Иоанн Златоуст. Толкование на Послание к Евреям // Иоанн Златоуст. Творения <...> в русском переводе: [В 12 т.]. – Т.12. Кн.1. – СПб.: Изд. С.-Петербургской дух. акад., 1906. – С.263 (Беседа XXXII).

Он все на пользу нашу строит,
Казнит кого или покоит.
В надежде тяготу сноси
И без роптания проси.

(VIII, 392)

Ломоносов советует довериться Богу в ожидании будущих благ, поскольку «Он все на пользу нашу строит». При этом в переложениях псалмов уже дано было понять, что «польза» человека не ограничивается пределами земной жизни, ибо она все равно «... проходит, / Подобно как пустая тень» («Преложение псалма 143»).¹

Ода начинается и заканчивается уроком, что ропать на Бога не нужно: «...напрасно / На Бога ропщешь...», «без роптания проси».

В «Вертограде многоцветном» Симеона Полоцкого в одном из стихотворений об Иове преподается тот же урок:

Иов Борец пресилный в гноище сядяше,
болезни и тщетами врага побеждаше,
Им же оружием враг хоте и сразити,
в яму нетерпения и *ропта* свалити.
Тем он злокозненного дивне поразил есть,
ему срам, себе славу сотворил есть.
<...>
Паче же, и сам себе дивне побеждаше,
елма мудршая болный, неже здрав, вещаше.
Боля бо телом, име дух здравый свершенно,
яко сердце не плоти в нем бе прилепленно,
Но Богу и добротам, тем же *не ропташе*
за немощь плоти, но глас духа глаголаше:
Да к Богу, иже дух есть, будет вознесенны,
а не бременем плоти низу низверженны.
Вы, иже болни есте, сего подражайте
мужа святого, *ропта никогда являйте*.

¹ Иов также не раз говорил о скоротечности человеческой жизни: «Житие же мое есть легчае скоротечца: отбегоша и не видеша» (Иов 9:25–26; рус. пер.: «Дни мои быстрее гонца, – бегут, не видят добра, несутся, как легкие лады, как орел стремится на добычу»).

И во тщете имений онаго смотриги
и сугубых прибытков, яко он взя, ждите.¹

«Ропот» на Бога – лейтмотив в этом стихотворении: враг хотел Иова «в яму <...> ропта свалити», но праведник «не ропташе» и был вознагражден Богом, поэтому и вы «ропта никогда являйте» и будете вознаграждены.

Поучение Симеона адресовано тем, кто испытывает страдания («вы, иже болни есте»), как и у Ломоносова («О ты, что в горести...»). Оба хотят утешить своих читателей и убеждают их не роптать, а уповать на Бога и воздаяние в будущей жизни. Оба предлагают свой урок в качестве вывода из Книги Иова, делая это от себя в форме повелительного наклонения: «ропта никогда являйте» (Симеон), «без роптания проси» (Ломоносов).

Возможно, стихотворение Симеона было одним из источников оды Ломоносова, хотя непосредственно они связаны с разными частями Книги Иова. Симеон имеет в виду безупречное поведение Иова в ее начальных главах,² но обходит молчанием ее центральную часть (спор с друзьями), чтобы в лице праведного страдальца дать пример для подражания читателям. Ломоносов перелагает речь Бога и исходит из того, что Бог отвечает Иову, который, безропотно перенеся бедствия, пришел в смятение от клеветы друзей и возроптал,³ – Иову, который уже не подает пример безупреч-

¹ Симеон Полоцкий. Вертоград многоцветный / Подг. текста и коммент. А. Хипписли и Л.И. Сазоновой: [В 3 т.]. – Т.2. – Köln; Weimar; Wien: Börlau Verlag, 1999. – С.160 (курсив мой – В.К.).

² «Тако (услышав) Иов, востав растерза ризы своя и остриже власы главы своея, (и посыпа перстию главу свою,) и пад на землю, поклонися (Господеву) и рече: сам наг изыдох от чрева матере моея, наг и отиду тамо: Господь даде, Господь отят: яко Господеву изволися, тако бысть: буди имя Господне благословено (во веки). Во всех сих приключившихся ему ничтоже согреси Иов пред Господем, (ниже устнама своима,) и не даде безумия Богу» (Иов 1:20–22; ср. 2:9–10).

³ По Иоанну Златоусту, Иов «поколебался» именно от клеветы друзей: «И Иов – этот адамант, тверже самого камня, – когда потерял свое имущество, претерпел несносные мучения, лишился вдруг всех детей, когда увидел тело свое преисполненное червями, укоряющую жену, то все легко переносил. Когда же увидел друзей, которые его порицали, ругались над ним и, злословя его, говорили, что он терпит это за грехи свои,

ного поведения, а как многие на его месте, нуждается в поддержке и утешении. Переложение речи Бога Ломоносов представляет как поучительное и утешительное для находящихся «в горести».

Итак, ода обращена к человеку, который «в горести» ропщет. В качестве поучения ему предлагается переложение речи Бога к *праведному* Иову, значит, в первую очередь, ее адресатом является тот, кто в своей «горести» неповинен. Ломоносов рассчитывает обрассудить его и утешить. Какие уже у него аргументы?

По мнению исследователей, исходящих из представления о Ломоносове как о деисте, главный его аргумент – это то, что мир существует по неизменяемым законам, предписанным Творцом, и законы эти разумны и прекрасны.

Так, по мнению И.З. Сермана, поэт доказывает, что в мире все происходит по непреложным и наилучшим законам и роптать на них бессмысленно и несправедливо: «Мотив ропота на бога, на мироустройство начинает и завершает ломоносовское стихотворение. И этому ропоту человека, его возможному недовольству судьбой, несчастьями или жизненными испытаниями поэт уже от себя, не словами Библии, а своими собственными, противопоставляет философию деистического оптимизма, свою убежденность в том, что все происходящее в мире бог “на пользу нашу строит” и потому “ропот” нелеп и беспочвенен. Признавая наличие в жизни человека “тягот” и “казней”, Ломоносов за ними прозревает закон (“святую волю”), который приводит к конечному торжеству блага, стройности, порядка в жизни природы и общества».¹

В этом рассуждении исследователь кое-что привнес от себя: он уточнил, что ропщет человек на мироустройство (а не на Бога и просто «в горести») и перевел выражение «святая воля» как «закон» (поняв первое как иносказание второго). В таком понимании ода обращена прежде всего к человеку, обдумывающему, хороши или плохи законы мироздания. Такого человека, конечно, могла бы удовлетворить мысль, что они когда-нибудь приведут к торже-

---

и несет наказание за пороки свои, тогда и этот мужественный и великий подвижник поколебался и пришел в смятение» (Иоанн Златоуст. Толкование на св. Матфея евангелиста // Иоанн Златоуст. Творения <...> в русском переводе: [В 12 т.]. – Т.7. Кн.1. – СПб.: Изд. С.-Петербургской дух. акад., 1901. – С.157 [Беседа XV]).

¹ Серман И.З. Поэтический стиль Ломоносова. – Л.: Наука, 1966. – С.62.

ству «порядка в жизни природы и общества». Однако находящегося в «горести» мысль о том, что он страдает закономерно, вряд ли может полностью утешить. Если же человек испытывает *безвинные страдания*, мысль о том, что они *диктуются неизменяемыми, непреодолимыми и вечными законами мироздания* (именно так должен думать о них сторонник «деистического оптимизма»), меньше всего сможет склонить его к восхищению ими, а скорее только заставит усугубить свой «ропот».

По Ю.М. Лотману, «“Ода, выбранная из Иова” – своеобразная теодицея. Она рисует мир, в котором, прежде всего, нет места сатане. <...> ...Бог оды – воплощенное светлое начало разума и закономерной творческой воли. Он учредитель законов природы, нарушить которые хотел бы ропщущий человек. Бог проявляет себя через законы природы и сам им подчиняется»¹. Здесь употреблены ключевые слова, которые, по И. Канту, относятся к понятию о Боге («строго говоря», по его словам, отрицаемом деистами) – «разум» и «воля».² Ю.М. Лотман употребил их не случайно, а дистанцируясь от представления о Ломоносове как атеисте. Однако в конечном счете, хоть и в более корректных формулировках, он повторил мысль И.З. Сермана, что, «признавая наличие в жизни человека “тягот” и “казней”, Ломоносов за ними прозревает закон». Отличие в том, что, по Ю.М. Лотману, Бог для автора оды не простая метафора законов природы, а Творец мира и учредитель этих законов, в бытие которого он верит. Для страдающего человека это отличие невелико, поскольку этот Бог ограничил свою «творческую волю» раз и навсегда данными законами и, подчиняясь им, сам уже ничего сделать не может. Безвинный страдалец получает возможность роптать не только на закон, но и на его учредителя (хоть и заведомо безрезультатно), а сочувствующий несчастным – утверждаться в своем моральном превосходстве над таким законодателем (не опасаясь наказания от него).³

¹ Лотман Ю.М. Об «Оде, выбранной из Иова» Ломоносова <1983> // Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. – СПб.: Искусство–СПБ, 1996. – С.275.

² См.: Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч.: В 6 т. – Т.3. – М.: Мысль, 1964. – С.545.

³ Такой логической возможностью воспользовался Вольтер в «Поэме на разрушение Лиссабона» (1756) (о полемике с ней Ломоносова см. ниже – 1.7).

Однако в строфах от автора в «Оде, выбранной из Иова» единственным утверждением (а не призывом) является то, что

Он <Бог> все на пользу нашу строит,
Казнит кого или покоит.

Это единственный «закон», о котором в оде говорит сам поэт, единственная сформулированная им «закономерность», в существовании которой он убеждает ропщущего человека. В принципе смысл этих строк можно свести к выражению убежденности в философской «аксиоме», которую позднее опровергал и высмеивал Вольтер: «всё – благо» («tout est bien» [«Поэма на разрушение Лиссабона...», 1756]) или «всё к лучшему» («tout est pour le mieux» [«Кандид, или Оптимизм», 1759]). Однако контекст оды и сама форма высказывания не дают остановиться на таком понимании. Ломоносов говорит не о законах мироздания, а о том, что Бог есть и участвует в жизни человека: «строит», «казнит», «покоит». И «строит» «на пользу нашу». Отсюда и следует заключительный вывод:

В надежде тяготу сноси
И без роптания проси.

Очевидно, что ни «законы», ни безусловно подчиняющегося им законодателя просить о чем-либо нет смысла. Ломоносов обращается к человеку, который ропщет на Бога (а не на законы мироздания), и, убеждая, что Бог все делает «на пользу нашу», призывает надеяться на Бога в любых обстоятельствах и просить Его «без роптания» (молиться). Выражение «на пользу нашу» в этом контексте следует понимать, в первую очередь, как указание на «пользу» самого пребывающего «в горести» человека, поскольку к нему и обращается автор («О ты, что в горести... <...> И без роптания проси»).

Первоначально данный стих читался иначе:

Он <знает, что с тобою> строит...

(VIII, 392)

Ломоносов исправил этот стих еще в рукописи, заменив его на окончательный:

Он все на пользу нашу строит...

В первом (отвергнутом) варианте можно было прочесть мысль, что человеку вообще не следует задумываться о путях Промысла Божия. В окончательном – утверждается, что Бог все делает для блага человека, «на пользу» именно ему. Формулируется не «философская аксиома» о законах мироздания, а религиозный постулат о благодати Промысла Бога о человеке, что и предлагает поэт в качестве назидания и утешения читателям. В том же, что Бог всемогущ и ничем не ограничен в своих делах, направленных «на пользу нашу», можно было убедиться из предшествующего переложения Его собственной речи.

Выводы и наставления, сделанные Ломоносовым от себя, можно представить по пунктам – по двустилишам, каждое из которых является законченным предложением (далее курсив мой – В.К.).

1) Прежде всего он напоминает, что человек смертен (значит любая его «горесть» имеет конец), и призывает увериться во Всемогуществе Творца:

*Сие, о смертный, рассуждая,
Представь Зиждителю власть.*

2) Призывает почитать Его «святую волю» и потерпеть вместе с другими до определенного времени (помня, что Бог наш – «Бог терпения и утешения» [Рим 15:5]):

*Святую волю почитая,
Имей свою в терпении часть.¹*

3) Утверждает, что человек и страдает, и испытывает довольство только по воле Бога, направленной только «на пользу» человека:

*Он все на пользу нашу строит,
Казнит кого или покоит.*

---

¹ Ср.: «Бог же терпения и утешения да даст вам тоже мудрствовать друг ко другу о Христе Иисусе» (Рим 15:5). Выражение «имей свою в терпении часть» не просто призыв к терпению, а напоминание, что и другие терпят, что и Сам Бог воочеловечившийся потерпел (как будто по пословице «Христос терпел и нам велел»). О новозаветных аллюзиях в оде (одна из них отмечалась чуть выше) см. 1.6.

4) Призывает в любых «тяготах» надеяться на Бога и без ропота обращаться к Нему:

В надежде тяготу сноси
И без роптания проси.

Ломоносов призывает к смирению и покорности воле Божией. Это точно (хотя и с недоумением) отметила Д.К. Мотольская, оценив данный урок как «какую-то плоскую дидактику».¹ Оставляя в стороне оценку качества этой дидактики, нужно признать, что это именно дидактика, причем сугубо религиозная, христианская дидактика², которую без сильной натяжки нельзя свести к «философии деистического оптимизма».

Удачная попытка определить «главную мысль» «Оды, выбранной из Иова» была сделана в малоизвестной работе XIX в.: «Главная мысль, которая раскрывается во всех этих частных мыслях оды, следующая: всемогущество и премудрость Божия, открывающиеся нам в видимых творениях, непостижимы для человека. Эта мысль должна привести каждого из нас к другой, близко подходящей к ней мысли: точно также много неведомого должно быть для нас и в действиях Промысла Божия, устрояющего различные обстоятельства нашей жизни. Отсюда само собой вытекает следующее заключение: "Сие, о смертный, рассуждая <...>"»³

Действительно, поэтическая картина мироздания в оде Ломоносова, как и в Книге Иова, дана в качестве ответа на вопросы человека о Промысле Божиим, а не об устройстве видимого мира. Не законы мироздания, а отношения Бога и человека и вопрос о Бо-

¹ Мотольская Д.К. Ломоносов и его современники // История русской литературы: [В 10 т.]. – Т.3: Литература XVIII века. – Ч.1. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – С.344–345.

² Ср. одно замечание о заключительном стихе оды («И без роптания проси»): «Последние слова приводят на память Евангелие от Матфея: "Просите, и дано будет вам...<...>" <Мф 7:7–8>» (Жирмунская Т.А. «Ум ищет Божества»: Библия и русская поэзия XVIII–XX веков. – М.: Российский писатель, 2006. – С.24).

³ Говоров К. Разборы литературных образцов: (Две пробные лекции по русской словесности). II. Ода Ломоносова, выбранная из Иова // Филологические записки. – Воронеж, 1868. – Вып.1. – С.18.

жественном Правосудии занимают Ломоносова в этой оде,¹ как и в предыдущих семи переложениях псалмов, где главной темой было воздаяние от Бога праведникам и грешникам. Иов возроптал, усомнившись, что Бог правосуден и заинтересован в праведности человека. Божественный ответ уничтожил его сомнения и укрепил пошатнувшуюся веру. Ту же цель имел в виду Ломоносов в своем переложении, которое и должно подводить читателя к выводам в заключительной строфе «от автора».

* * *

Картина мира в духовных одах Ломоносова полемична по отношению к деистическим представлениям о мире: Бог у него – Живой Бог, присутствующий и повелевающий в сотворенном Им мире, участвующий в жизни человека и все делающий для его блага. Средневековому представлению о том, что в мире все устроено ради человека, Новое время противопоставило идею «цепи существ», в которой человеку отведено почтенное, но строго определенное место.² Эта идея была свойственна ученым современникам Ломоносова и не была чуждой и лично ему.³ Тем удивительней, что в его

¹ Стоит отметить, что Ю.М. Лотман, склонный, в общем, видеть в Боге «Оды, выбранной из Иова» олицетворение законов природы, в другой работе со ссылкой на ту же оду обронил замечание о «прении Бога и человека, закладывающем традицию спора о "правде на земле" и "выше"» (Лотман Ю.М. Русская культура послепетровской эпохи и христианская традиция <1991> // Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. – СПб.: Искусство-СПб, 1996. – С.259).

² См.: Лавджой А. Великая цепь бытия: История идеи / Пер. с англ. В. Софронова-Антомони. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. – 376 с.

³ Идея «цепи существ» – одна из основополагающих в поэме А. Попа «Опыт о человеке» ("An Essay on Man", 1734). Ломоносов руководил работой Н.Н. Поповского над стихотворным переводом поэмы Попа, а в дальнейшем хлопотал об ее издании. См.: Тихонравов Н.С. История издания «Опыта о человеке» в переводе Поповского // Тихонравов Н.С. Соч.: [В 3 т.]. – М.: Изд. М.И. Сабашникова, 1898. – Т.3. – Ч.1. – С.82–89; Модзалевский Л.Б. Ломоносов и его ученик Поповский (О литературной преемственности) // XVIII век. – Сб.3. – М.; Л.: Наука, 1958. – С.111–169; Keipert H. Pope, Popovskij und die Popen Zur Entstehungsgeschichte der

духовных одах мир предстает устроенным именно *ради человека*. В «Утреннем размышлении» Ломоносова читаем, что даже Солнце, «сия ужасная громада», зажжена «для наших повседневных дел». Но это-то избыточное великолепие мироздания и побуждает поэта воздать хвалу Творцу, премудрому, щедрому сверх всякой меры и пекущемуся о благе человека: «И, на Твою взирая тварь, / Хвалить тебя, бессмертный Царь» (VIII, 119). Здесь под «тварью» разумеется Солнце: на нем «горящий вечно Океан» будит мысль ученого и вызывает восторг поэта. Оно создано не столько для утилитарных человеческих нужд, сколько для благоговейного созерцания, чтобы человек удивлялся и познавал своего Творца. К тому же должен склонять читателя образ мироздания в переложении Божественной речи из Книги Иова.

---

russischen Übersetzung des «Essay on Man» von 1757. – Gottingen, 2001; Кочеткова Н.Д. К истории перевода Н.Н. Поповского поэмы А. Попа «Опыт о человеке» (Ранняя редакция) // XVIII век. – Сб.23. – СПб., 2003. – С.306–337; Кочеткова Н.Д. «Essay on Man» А. Попа в русских переводах // Антропологические концепции в русской культуре и литературе (XVIII–XIX вв.). – Halle; Wittenberg, 2008. – С.1–9.

А.С. Пушкин в одном письме обратился к своему корреспонденту: «Мужайся – дай ответ скорей, как говорит Бог Иова или Ломоносова».¹ Отвлекаясь от шутливой интонации этой фразы, можно задаться вопросом, а действительно, один ли и тот же это Бог?

В критике пушкинского времени отмечалось, что «Ода, выбранная из Иова» «...не показывает умопредставлений древних Патриархов, их нравов, обстоятельств местных, что все в самой книге Иова изображено столь живо. Ода Ломоносова кажется произведением новейшего писателя».² Это взгляд из романтической эпохи, озабочившейся поисками национально-исторического колорита в Священном Писании. С такой точки зрения переложение Ломоносова действительно далеко от оригинала. Но с другой стороны, тот факт, что материал по этнографии Древнего Востока в Книге Иова не заинтересовал поэта, еще не значит, что он выражал посторонние ее учению идеи. Вопрос в том, как он понимал это учение и на какие толкования опирался, как переложение речи Бога в его оде соотносится со смыслом исходного текста (далеко не очевидным). В общем, один ли и тот же там Бог?

Выше уже отмечалось, что переложение из Книги Иова – единственный в духовных одах Ломоносова пример *свободного* переложения библейского текста. Это можно объяснить особенностями речи Бога к Иову. Переложить ее, подобно псалмам, полностью и близко к тексту (славянскому), было бы и затруднительно и, как, может быть, думал Ломоносов, не очень полезно для читателей. В славянском переводе он мог найти многие «погрешности», вроде тех, что помешали ему завершить переложение 103 псалма,³ но и

¹ Пушкин А.С. Поли. собр. сочинений: [В 16 т.]. – Т.13. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – С.101 (письмо к А.А. Бестужеву от 29 июня 1824 г.).

² Перевоицков В.М. Материалы для истории российской словесности. Михаил Васильевич Ломоносов // Вестник Европы. – 1822. – Т.126. – №18. – С.99–100.

³ О «трудностях» славянского перевода Книги Иова, усугубивших трудности греческого перевода и еврейского текста, см.: Юнгеров П.А. Книга Иова в русском переводе с греческого текста LXX, с введением и примечаниями. – Казань: Центральная типография, 1914. – С.IV–VIII («Введение»), 80–91 (перевод глав 38–41 и комментарии к ним).

безотносительно к трудностям славянского перевода речь Бога нуждается в пояснениях. Не в последнюю очередь ради этого и была избрана форма свободного переложения, позволяющая не только пропускать что-то из исходного текста, но и распространять его, делая вставки собственного сочинения.

В «Оде, выбранной из Иова» Ломоносов оказался в роли толкователя Книги Иова, а значит, его ода подлежала оценке с точки зрения библейской экзегетики.¹ Он должен был искать опоры в известных ему толкованиях, выбирая из них то, что не противоречило его целям.

В славянской письменности Книга Иова бытовала в составе комментариев Олимпиодора Александрийского (см. выше – 1.1). Впервые Ломоносов прочитал ее, скорее всего, в таком виде. Естественно предположить, что это нашло отражение в «Оде, выбранной из Иова». И действительно, подтверждение этому находится сразу же – в первых строках переложения:

Збери свои все силы ныне,
Мужайся, стой и дай ответ.

(VIII, 387)

Слово «*мужайся*», замеченное Пушкиным как характерное для «Бога Ломоносова», пришло сюда из комментариев Олимпиодора. В двух *разных* славянских переводах со слова «мужайся» начинается комментарий к библейскому стиху, соответствующему двум стихам Ломоносова: «Препояши яко муж чресла твоя: вопрошу же тя, ты Ми отвечаай» (Иов 38:3).

В рукописи XVI в.: «*Мужайся* убо отверзи уныния, и понеже рече желаше со мною беседовати, и се беседую ти, и се скончеваю ти прошение, отвечаай противу беседе».²

¹ Впервые это проделал А.С. Шишков, сопоставив оду Ломоносова со славянским переводом Книги Иова; см.: Шишков А.С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка <1803> // Шишков А.С. Собр. сочинений и переводов: [В 17 ч.]. – Ч.2. – СПб.: Тип. Имп. Росс. акад., 1824. – С.66–80. Разбор его замечаний см.: Серман И.З. Поэтический стиль Ломоносова. – Л.: Наука, 1966. – С.51–55.

² НИОР РГБ. – Ф.173/1. – №141 (Толкование на книгу Иова праведного, собранное Олимпиодором [рукопись]. [Б.м.], XVI в.). – Л.198 ([элек-

В рукописи конца XVII в.: «Мужайся убо, отверзи малодушие. И понеже желаеши рече в мое беседование приити се ти со беседую. Се исполняет ти ся прошение отвечаи к реченным».¹

В обоих случаях слово «мужайся» стоит на первом месте.² Почти также у Ломоносова (в начале второго стиха). Это не может быть простым совпадением, так что одним из источников оды нужно признать Олимпиодора, а также Иоанна Златоуста, которому он последовал (его комментарии представлены в процитированной рукописи конца XVII в.).

Ломоносов не только заимствует определенное слово, но и сходится с Олимпиодором (и Златоустом) в понимании того, что Бог выступает как покровитель, а не обвинитель Иова. Он говорит с ним «как с другом» (по выражению Олимпиодора, много раз у него встречающему). У Ломоносова Бог с первых слов внушает Иову бодрость и мужество. Между тем в исходном тексте речь Бога начинается с других слов. «Препояшъ яко муж чресла твоя» – это лишь вторая фраза в Его речи, а первую, пропущенную Ломоносовым, можно было понять как упрек Иову: «Кто сей скрываяи от Мене совет, содержи же глаголы в сердцы, Мене же ли мнится угаити?» (Иов 38:2; ср. 42:3). По Златоусту, это очень мягкий и дружеский, соединенный с «врачевством», но все же упрек.³ Олимпиодор

тронный ресурс]: URL.: <http://dlib.rsl.ru/01004985246> [дата обращения: 20.08.2016]).

¹ НИОР РГБ. – Ф.173/1. – №21 (На книгу Иова толкование Олимпиодора Александрийского и других [рукопись]. [Б.м.], конец XVII в.). – Л.343 ([электронный ресурс]: URL.: <http://dlib.rsl.ru/01004972107> [дата обращения: 20.08.2016]).

² Ср. в рус. переводе этого отрывка (с греч.): «Итак, стань мужественным, отвергни уныние, и именно когда пожелаешь побеседовать со Мною, вот Я разговариваю с тобой, вот, Я исполню твоё желание, ответь же на Мои слова» (Олимпиодор Александрийский. Комментарий на Книгу Иова: [фрагменты] / Вступ. статья, пер. с древнегреч. К.В. Норкина // CURSOR MUNDI: Человек Античности, Средневековья и Возрождения. – 2014. – №6. – С.92).

³ «Эти слова приводят, мне кажется, к заключению, что у него на уме было нечто другое. Поелику мысль Иова занимало многое, чего он не осмеливался высказать, то наперед от этого освобождает его и показывает, что promissum о делах человеческих и все ясно видит. Начинает речь от того прежнего, что особенно было непростительно. Ведь, если

(в этом редком случае расходясь с Златоустом) толковал эти слова в выгодном для Иова смысле (цитируем по рус. пер. с греч.): «Итак, говорит Он, полагаешь ли ты, Иов, что скрыт от меня? Знаю, что ты подвизаешься добрыми подвигами пред лицом Нашим, ничто, касающееся тебя, от Меня не скрыто. Он говорит не потому, что Иов что-то именно такое мыслил, что утаивал от Бога нечто, касающееся Его, но как другу, ободряя его: думаешь от Меня скрыть? или предполагаешь, что Я не знал о твоих сражениях? Я хорошо знаю твое беспорочное внутреннее расположение, если даже ты молчишь, если даже пользуешься не столь ясными словами».¹

В еврейском тексте и латинском переводе этот стих (Иов 38:2) читается по-другому, как обвинение и насмешка: «*Quis est iste involvens sententias sermonibus imperitis?*» (рус. пер.: «Кто сей, омрачающий Провидение словами без смысла?»). Папа Григорий I Великий (Двоеслов) считал, что эти слова относятся не к Иову, а к только что умолкшему его обвинителю Елиу и обличают высокомерие последнего.² Ломоносову это суждение могло быть известно. В его оде Бог говорит только с Иовом («Внимай, коль в ревности ужасно

тяжко и нестерпимо было то, что осмелился сказать, то тем более – то. Поэтому предлагает врачество к этому прежнему. *Кто сей*, говорит, вначале показывая расстояние между Богом и человеком и как бы говоря: скажи Мне, кто решается скрывать от Меня, точно знающего сокровенное? Разве это не слова, если ты не произнес их? Родилось (в уме) и стало словом. Поэтому напрасно скрывать то, чего нельзя скрыть. Видишь, как говорит кротко, исправляя и обличая» (Иоанн Златоуст. Отрывки на (книгу) блаженного Иова // Иоанн Златоуст. Творения <...> в русском переводе: [В 12 т.]. – Т.12. Кн.3. – СПб.: Изд. С.-Петербургской дух. акад., 1906. – С.1082).

¹ Олимпиодор Александрийский. Комментарий на Книгу Иова: [фрагменты] / Вступ. статья, пер. с древнегреч. К.В. Норкина // CURSOR MUNDI: Человек Античности, Средневековья и Возрождения. – 2014. – №6. – С.92.

² «Как часто бывает с тем, кто плохо говорит хорошее, а плохое говорит хорошо, так и Елиуй с его высокомерием правильное говорит неправильное, потому что в защиту Бога он надменно говорит о смиренном. Потому он заслуженно воплощает образ тех, кто ищут похвалы, кто, считая себя превосходящими остальных, сами достойны обвинения в незнании суда Божьего...» (Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков. Ветхий Завет. – Т. VI: Книга Иова. – Тверь: Герменевтика, 2007. – С.233; «Моралии», 28:1).

/ Он к Иову из тучи рек...»), уже поэтому стих, относящийся, может быть, не к нему, Ломоносов должен был пропустить. Однако, скорее всего, он это сделал из-за самого факта наличия разных вариантов этого стиха в славянском (греческом) и латинском (еврейском) тексте (ср. его замечание о 103 псалме в письме В.Н. Татищеву от 27 января 1749 г.). К тому же обвинительный уклон варианта стиха, принятого в западных переводах, противоречил толкованиям Златоуста и Олимпиодра, опираясь на которые, Ломоносов акцентировал дружественное и покровительственное отношение Бога к Иову.

Европейские авторы склонны были расставлять акценты иначе, показывая, что Бог гневается на Иова (повод для этого, в частности, и давал пропущенный Ломоносовым стих). Так это сделал Э. Юнг в «Парафразе части Книги Иова» (*"A Paraphrase on Part of the Book of Job"*, 1719). Бог у него начинает свою речь с обвинений и угроз. Он не ободряет, а стыдит и устрашает Иова:

Who gives his tongue a loose so bold and vain,
Censures my conduct, and reproves my reign?
Lifts up his thoughts against me from the dust,
And tells the world's Creator what is just?
Of late so brave, now lift a dauntless eye,
Face my demand, and give it a reply:
Where didst thou dwell at nature's early birth?
Who laid foundations for the spacious earth?¹

Ср. в переводе С.С. Джунковского (1799): «Кто дерзким своим и суесловным языком порочит мои дела и оуждает мое правление? из праха возвышает противу меня свои мысли? и не ужасается учить Создателя мира тому, что справедливо? Ты, быв недавно толико мужественный, возведи неустрашимое свое око; стань предо мною лицом к лицу и мне отвечай: Где ты обитал при рождении природы? Кто положил основания пространной земли?»²

¹ Young E. *A Paraphrase on Part of the Book of Job*. – London, 1719. – P.4 (verses 185–192).

² Юнг Э. Вольное переложение некоторых мест из книги Иова / <Пер. С.С. Джунковского> // Плач, или Нощные мысли о жизни, смерти и бессмертии, аглинское творение г. Йонга, с присовокуплением двух поэм:

С обвинения и устрашения речь Бога начинается и в написанной в состязании с Ломоносовым (и, возможно, не без влияния Юнга) оде Н.П. Николева (1795): «Исполня гласом мира слухи, <...> Да познает неправда гнев...» (см. о ней ниже – 2.2).

В оде Ломоносова Бог никакого гнева на Иова не выражает. Это объясняется двумя причинами: 1) его ода написана не для опровержения ложных мнений о Боге и унижения человеческой гордости (как у Юнга и Николева), а для утешения находящимся «в горести» и внушения им бодрости и надежды; 2) Ломоносов опирается на толкования Златоуста и Олимпиодора, настаивавших на том, что Бог говорит с Иовом «как с другом» и являет ему Свое благоволение.

Пользуясь правами свободного переложения, из исходного текста Ломоносов выбирал только то, что считал нужным, но все же именно толковал его, причем в согласии с православной экзегетической традицией. В первой строфе переложения (в оде она вторая) это прослеживается совершенно отчетливо.

2

Збери свои все силы ныне,
Мужайся, стой и дай ответ.
Где был ты, как Я в стройном чине
Прекрасный сей устроил свет;
Когда Я твердь земли поставил
И сонм небесных сил прославил
Величество и власть Мою?
Яви премудрость ты свою!

(VIII, 387)

В Книге Иова на этом месте только два стиха: «Препояши яко муж чресла твоя: вопрошу же тя, ты Ми отведай. Где был еси, егда основах землю? Возвести ми, аще веси разум» (38:3–4). У Ломоно-

---

1) Страшный суд, 2) Торжество веры над любовью, и 3) Вольного переложения из книги Иова, творения сего же знаменитого писателя. Вновь переведено с аглинского подлинника с описанием жизни сочинителя, многими новыми примечаниями и с двумя гравированными картинками: [В 2 ч.]. – СПб.: Тип. Г[ос.] М[ед.] коллегии, 1799. – Ч.2. – С.438.

сова этому тексту точно соответствуют только начальные слова второго и третьего стиха и стихи пятый и восьмой: «Мужайся <...> Где был ты <...> Когда Я твердь земли поставил <...> Яви премудрость ты свою!» Шестой стих – «И сонм небесных сил прославил» – является парафразой второй половины позднее идущего библейского стиха: «Егда сотворены быша звезды, восхвалиша Мя гласом велиим вси Ангели Мои» (Иов 38:7) (первую его половину – «егда сотворены быша звезды» – Ломоносов развил в следующую оригинальную строфу о творении звезд, солнца и луны).

Прочие стихи в приведенной строфе не являются простой амплификацией, а служат целям толкования исходного текста: поэт поясняет, уточняет и формулирует основную идею. «Збери свои все силы ныне, мужайся, стой...» – это пояснение к словам «пропояши яко муж чресла твоя». Бог начинает не с устрашения Иова, а со слов ободрения и поддержки, призывая его внутренне собраться и укрепиться. Слова седьмого стиха – «Величество и власть Мою» – служат уточнением, какие именно свойства Бога прославили в начале творения мира ангелы, названные «сонм небесных сил». ¹ «Я в стройном чине прекрасный сей устроил свет» – это формулировка идеи, что мир был устроен премудро и наилучшим образом. Качественные характеристики – «стройный», «прекрасный» – в этом месте Книги Иова, как отмечал И.З. Серман, отсутствуют. ² Они принадлежат Ломоносову, но тоже толкуют слова Священного Писания, только не из Книги Иова, а из Книги Бытия, где похоже оцениваются дела творения: «И виде Бог вся, елика сотвори: и се добра зело» (Быт 1:31).

С библейским текстом Ломоносов обращается не произвольно, а сообразуясь с его буквой и духом. По общему смыслу первая строфа его переложения согласуется с тем, как толковал положенные в ее основу два библейских стиха Иоанн Златоуст: «Поскольку Иов был низвержен отчаянием, Бог ободряет его этими словами, чтобы он внимал тому, что говорится, и вводит речь Свою в форме вопросов, что есть лучший способ опровержения. Прежде всего, Он показывает, что все творит премудро и разумно и что невоз-

¹ В рукописи был там же отвергнутый вариант: «И <чин> небесных сил прославил» (VIII, 387).

² Серман И.З. Поэтический стиль Ломоносова. – Л.: Наука, 1966. – С.47–48.

можно Тому, кто делает столько вещей премудро и разумно, презреть человека, ради которого все устроено, притом страдающего, как в этом случае. “Что ты говоришь?” – говорит [Бог]».¹

По Олимпиодору, «научавает же нас Бог к своему другу беседа якоже Творец всем есть, и яко недосыжима глубина Того премудрости».² У Ломоносова Бог тоже показывает, что весь этот мир и все в этом мире сотворил Он и что только Ему ведомы все его тайны, а человеческие знания и возможности ограничены. Первая строфа переложения заканчивается ироническим обращением к Иову:

Яви премудрость ты свою!

Так Ломоносов передал стих «возвести ми, аще веси разум» (Иов 38:4; рус. пер.: «скажи, если знаешь»). Слово «премудрость» есть у Олимпиодора в комментарии к этому стиху, где оно употреблено в отношении к Богу: «яко недосыжима глубина Того премудрости». Ирония Ломоносова в том и состоит, что он прилагает это слово к человеку. Он это делает не для того, чтобы унижить человеческий разум, а чтобы указать на его несоизмеримость с «премудростью» Творца. Человек не обладает ею и не может достичь собственными усилиями (о чем, кстати, говорит Иов в одной из своих речей³). «Премудрость» – это то, что может быть только даровано

¹ Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков. Ветхий Завет. – Т.6: Книга Иова. – Тверь: Герменевтика, 2007. – С.233. Славянский перевод этого и других фрагментов комментариев Златоуста см. в названной рукописной книге конца XVII в.

² На книгу Иова толкование Олимпиодора Александрийского и других [рукопись]. – [Б.м.], конец XVII в. – Л.344. Это слова из толкования к стиху 38:4 («Где был еси, егда основах землю? Возвести ми, аще веси разум»); ср. в рус. пер. с греч.: «Когда унывал ты, говорит, потому что не знал исхода происходившего с тобой и основания твоей борьбы, вот спрашиваю тебя и о многом другом, смысла чего ты не знаешь. *Учит же нас Бог, разговаривая со Своим собственным другом, что Создатель всего Он есть и что недосыгаемы глубины Его собственной мудрости*» (Олимпиодор Александрийский. Указ соч. – С.92; пер. К.В. Норкина).

³ «Премудрость же откуда обретется? И кое место есть ведения? Не весть человек пути ея, ниже обретется в человецех. <...> Премудрость же откуда обретется? И кое место есть разуму? Утаися от всякаго человека,

свыше, о чем можно только просить Бога. В «Утреннем размышлении» Ломоносов это и делает, обращаясь к Богу с молитвой: «Творец! покрытому мне тмою / Пошли премудрости лучи...» Он просит не даровать ему премудрость, а только озарить ее лучами, т.е. на обладание всей «премудростью» и не претендует. На этом фоне выражение «уста премудрых нам гласят» (в «Вечернем размышлении») звучит не менее иронично, чем слова Бога Ломоносова к Иову: «Яви премудрость ты свою!»

Далее поэт влагает в уста Бога целую строфу собственного сочинения, которой в исходном тексте соответствует только полстиха («Егда сотворены быша звезды...»):

3

Где был ты, как передо Мною
Безчисленны тмы новых звезд,
Моей возжженных вдруг рукою,
В обширности безмерных мест
Мое Величество вещали,
Когда от солнца возсияли
Повсюду новые лучи,
Когда взошла луна в ночи?

(VIII, 388)

В этой строфе Бог Ломоносова начинает говорить о явлениях *видимого* мира, тогда как в предыдущей речь шла невидимом, первоначальном. Там «твердь земли»¹ и «сонм небесных сил» отсылали к первому стиху Книги Бытия: «В начале сотвори Бог небо и землю». Подтверждение этому тоже можно найти у Олимпиодора. К стиху «Егда сотворены быша звезды, восхвалиша Мя гласом велиим вси Ангели Мои» (Иов 38:7) он дал такое толкование: «Отсюду навывкнем, прежде чувственного мира святым ангелам быти, удивляющемся о коемуждо содетельствуемых и воспевати сих же

и от птиц небесных скрыся. <...> Бог благо позна ея путь: Сам бо весть место ея. Ибо Сам поднебесную всю надзирает, ведый, яже на земли, вся, яже сотвори» (Иов 28:12–13, 20–21, 23–24). О переложении этого отрывка у Е.А. Милькеева см. ниже (2.4).

¹ О выражении «твердь земли» у Ломоносова см.: Серман И.З. Указ. соч. – С.48–50 (аллюзия на Быт 1:1 здесь не отмечается).

и тех Творца».¹ Ломоносов разбил библейский стих на две части, причем вторую половину переложил в первой строфе («и сонм небесных сил прославил») потому, что в ней шла речь о том, что было до «чувственного мира». Речь Бога в его переложении строится по принципу шестоднева, поэтому и понадобилось включить в нее оригинальную строфу о творении светил небесных, также как в конце этой речи – прибавить еще одну строфу собственного сочинения (13-ю) о творении человека (о ней см. ниже – 1.6).

Со строфы о творении звезд, солнца и луны начинается речь об устройении вселенной. Это физико-теологическая тема, которая была затронута в предшествующем оде «Преложении псалма 145» и которой посвящены следующие два «Размышления» (см. выше – 1.2). Как и в этих стихотворениях, здесь Ломоносов представляет вселенную как безграничную и до конца непознаваемую: «бесчисленные сонмы звезд», «в обширности безмерных мест». Ср.: «Несчетно многими звездами / Наполнившего высоту / И непостижными делами / Земли и моря широту...» («Преложение псалма 145»); «Но взор Твой в бездну проникает, / Не зная никаких предел» («Утреннее размышление»); «Открылась бездна, звезд полна; / Звездам числа нет, бездне дна» («Вечернее размышление»).

Число и мера – символы точных наук. Вслед за ироническим призывом «яви премудрость ты свою!» Бог Ломоносова употребляет слова «бесчисленные» и «безмерные» (источник – Иов 38:5: «Кто положи меры ея <земли>, аще веси? Или кто наведый вервь на ню?»). Тем самым утверждается, что научное познание природы ограничено. Строфа о творении светил небесных подходит для иллюстрации приведенной Ломоносовым в «Риторике» энтимемы «тварей исследовать не можем, следовательно, и творец есть непостижим» (VII, 315; здесь она проиллюстрирована «Вечерним размышлением»).

Тема научного познания мира, намеченная в этой оригинальной «астрономической» строфе, в ней же практически и исчер-

---

¹ На книгу Иова толкование Олимпиодора Александрийского и других [рукопись]. – [Б.м.], конец XVII в. – Л.345–346. Рус. пер. с греч.: «Здесь мы научаемся, что святые ангелы существуют до чувственного мира, восхищающиеся каждому из творений и поющие Творца их» (Олимпиодор Александрийский. Указ соч. – С.93).

пывается (в дальнейшем данной темы касаются только стихи в 6-й строфе: «И счел ли чуд разнообразных / Стада, ходящие по дну?»). В следующих строфах переложения Бог говорит не о том, что человек не может до конца познать (посчитать и измерить) Его творения, а о том, что они неподконтрольны человеку, Богу же подчиняются во всем и всегда.

4

Кто море удержал берегами
И бездне положил предел,
И ей свирепыми волнами
Стремиться дал не велел?
Покрытую пучину мглою
Не Я ли сильною рукою
Открыл и разогнал туман
И с суши сдвинул Океан?

(VIII, 388)

Слово «бездна» косвенно напоминает о «неизмеримости» вселенной¹ (ср. в «Вечернем размышлении»), но в целом в этой строфе утверждается другая идея: Бог всемогущ и постоянно *властвует* над своим творением (а не только предписал ему законы). Так в свое время это и понимали читатели, что отразилось, например, в стихотворении А.А. Волковой на петербургское наводнение 1824 г., являющемся одним из источников пушкинского «Медного всадника»: «Кем с суши сдвинут океан, / Тот может взнести его на горы...»²

¹ Ср. комментарий автора XIX в.: «Слово – *бездна* – здесь опять употребляется в значении неизмеримости предмета для человека. Во всей этой строфе речь идет о хаотическом состоянии планеты, когда Творец только еще отделял стихии от стихий» (Говоров К. Разборы литературных образцов: (Две пробные лекции по русской словесности). II. Ода Ломоносова, выбранная из Иова // Филологические записки. – Воронеж, 1868. – Вып.1. – С.22).

² Волкова А.А. На случай наводнения, бывшего в Санкт-Петербурге 1824 года ноября 7 // Сын Отечества. – 1824. – Ч.98. – №52. – С.273. Об этом стихотворении см. ниже в гл.12.

На ту же строфу Ломоносова отмечалась аллюзия в стихотворении Пушкина «Кто, волны, вас остановил...» (1823).¹

Идея власти Творца над творением выражена в этой строфе иначе, чем в исходном тексте. Ср.: «Загради же море враты, егда изливаешься из чрева матере своя исходящее: положи же ему облак во одеяние, мглю же пових е: и положи же ему пределы, обложив затворы и врата: рех же ему: до сего дойдеши и не преидеши, но в тебе сокрушатся волны твоя» (Иов 38:8–11). И.З. Серман заметил, что Ломоносов «...отбросил “затворы” и “врата” библейского текста, так как они придают всему событию, условно говоря, какой-то бытовой характер, и оставил самую “суть” события».² Это замечание исследователь, к сожалению, не развил. Вероятно, под «сутью» он подразумевал то, что отделение моря от суши было актом Творческой воли. У Ломоносова это выражено глаголами «удержал», «положил», «не велел», «открыл», «разогнал», «сдвинул», что «по сути» соответствует исходному тексту: «загради», «положи» (дважды), «пових», «обложив», «рех». Однако некоторым другим словам находится точное соответствие в Книге Иова, только в другой редакции славянского перевода – в тех же комментариях Олимпиодора.

В цитированной выше рукописной книге конца XVII в. стих Иов 38:8 читается иначе, чем в Елизаветинской Библии: «Огради же море дверми, егда *устремляешься* от чрева матери своя исходяще». В комментарии Олимпиодора выделенное слово повторено: «*Устремляешься* сиречь *устремителне* имяше». Здесь же дважды употреблено слово «бездна»: «Да соймется вода в сонм един, мать же тому, *бездну* глаголет <...> ...излияся убо яко младенец спешно, отторгнутися *бездны*».³ То, что у Ломоносова «бездна» способна «стремиться», возможно, есть результат контаминации употребленных в данном переводе и комментариях слов (впрочем, «бездна» как синоним моря встречается в Книге Иова и ниже – 38:12).

¹ Чижов А.Г. «...Как говорит Бог Иова или Ломоносова» // Временник Пушкинской комиссии. – Вып.24. – Л.: Наука, 1991. – С.143–144.

² Серман И.З. Указ. соч. – С.50–51.

³ На книгу Иова толкование Олимпиодора Александрийского и других [рукопись]. – [Б.м.], конец XVII в. – Л.346. Слово «устремляешься» здесь же еще раз встречается в комментарии Иоанна Златоуста (чуть ниже см. этот фрагмент в русском переводе).

Эпитет «свирепые» («И ей свирепыми волнами / Стремиться дале не велел») поэт привнес от себя, но не исключительно для поэтической выразительности, а чтобы акцентировать мысль о силе и власти Бога, обуздывающего «свирепые волны» «бездны» моря. Ср. в толковании Златоуста: «Он сдерживает море столь прочно, будто запорами, и столь легко, будто дал повеление. <...> Он не позволил ему быть спокойным и кротким, чтобы оно возвещало Божию силу, поскольку природа враждует с его заповедью, но заповедь повсюду побеждает. Ибо, если бы вода оставалась спокойной, многие отнесли бы это благочиние к природе самой воды. Ныне же, когда оно волнуется, бушует, вздымается изнутри, однако не может перейти пределы, оно возвещает этим волнением силу Божию».¹

Далее в трех строфах Бог Ломоносова говорит о том, что Он *повелевает* всем своим творением и всеми стихиями:

5

Возмог ли ты хотя однажды
Велеть ранее утру быть
И нивы в день томящей жажды
Дождем прохладным напоить,
Пловцу способный ветер направить,
Чтоб в пристани его поставить,
И тяготу земли тряхнуть,
Дабы безбожных с ней сопхнуть?

6

Стремнинами путей ты разных
Прошел ли моря глубину?
И счел ли чуд многообразных
Стада, ходящая по дну?
Отверзлись ли перед тобою
Всегдашнею покрыты мглою
Со страхом смертныя врата?
Ты спер ли адовы уста?

---

¹ Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков. Ветхий Завет. – Т.6: Книга Иова. – Тверь: Герменевтика, 2007. – С.234.

7

Стесняя вихрем облак мрачный,
Ты солнце можешь ли закрыть,
И воздух огустить прозрачный,
И молнию в дожде родить,
И вдруг быстротекущим блеском
И гор сердца трясущим треском
Концы вселенной колебать,
И смертным гнев свой возвещать?

(VIII, 388–389)

В этих строфах стихи из 38-й главы Книги Иова отразились не по порядку, а вразнобой (в том числе внутри строф).

В строфе 5: «Или при тебе составих свет утренний, денница же весть чин свой...» (38:12), «Кто же уготова дождю велию пролияние, <...> одождити на землю, <...> и прозябнути исход злака?» (38:25–27), «...ятися крил земли, оттрясти нечестивыя от нея?» (38:13).

В строфе 6: «Пришел же ли еси на источники моря, во следах же бездны ходил ли еси? Отверзаются же ли тебе страхом врата смертная, вратницы же адовы видевше тя убояшася ли?» (38:16–17).

В строфе 7: «Кто же уготова дождю велию пролияние, и путь молнии и грома» (38:25), «Кто есть дождю отец? <...>» (38:28), «*Веси же ли прменения небесная <...>? Призовеши же ли облак гласом? <...> Послещи же ли молнии, и пойдут? <...>*» (38:33–35), «<...> Лице нечестива кто устраши?» (38:30).

Выделенный курсивом текст (Иов 38:33–35) как источник 7-й строфы указал А.С. Шишков, дав ей такую оценку: «Прекрасное распространение мыслей, достойное пера великого Стихотворца; но в подлиннике краткие сии слова не заключают ли в себе всей силы сего вопроса: *Веси ли прменения небесная? <и т.д.>*».¹

Из строф 5–7 только 6-я строфа является переложением связанного отрывка из библейского текста. В 5-й и 7-й строфах есть лишь разрозненные отсылки к нему. Это объясняется тем, что они явля-

¹ Шишков А.С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка <1803> // Шишков А.С. Собр. сочинений и переводов: [В 17 ч.]. – Ч.2. – СПб.: Тип. Имп. Росс. акад., 1824. – С.67. С 7-й строфы Шишков начал свой разбор оды Ломоносова.

ются стихотворной парафразой прозаического текста самого Ломоносова – «заключения» в §271 его «Риторики», относящегося к условному силлогизму, которым доказывается, что «видимый мир от разумного существа устроен»¹:

«Сего ради нет никакого сомнения, что видимый сей мир устроен от существа разумного... <...> Делющие землю и ожидающие плодов от труда своего, *припадайте пред посылающим дождь на нивы ваши и согревающим те солнечною теплотою. Плавающие по водам, восклицайте со усердием к открывшему вам пространный и скорый путь в отдаленные страны для пользы вашей и к устремляющему дохновением своим корабли ваши.* <...> И вы, удостоенные взирать в книгу непоколебимых естественных законов, возведите ум ваш к строителю оных и с крайним благоговением его благодарите, открывшего вам феатр премудрых дел своих, и чем больше оные постигаете, тем вяще со страхом его превозносите. <...> Погруженные варварским невежеством или сладостми плотскими во глубине неверия, возникните и обратитесь, рассудив, что *может вас живых во ад низвергнуть колеблющий иногда основания земли, потопить водами разливающий моря и реки, истребить пламенем возжигающий горы прикосновением своим, поразить молнией покрывающий небеса тучами. Кто мечет гром, тот есть: безбожники, вострепещите*» (VII, 324–326; курсив мой – В.К.).

В этом «заключении», как и в 5-й и 7-й строфах «Оды, выбранной из Иова», речь идет о том, что Бог повелевает стихиями целенаправленно и «на пользу» людям. Он проливает дождь на нивы для трудящегося земледельца, направляет ветер, приводящий к цели отважного «пловца» («плавающих по водам»). Он колеблет основания («тяготу») земли, трясет и «возжигает» горы (вулканы), закрывает солнце и небеса тучами и «мечет» из них гром и молнии – для наказания безбожных и вразумления смертных. За действиями стихий стоит воля «разумного существа» – разум и воля Бога.

¹ «Ежели что из таких частей состоит, из которых одна для другой бытие свое имеет, оное от разумного существа устроено. Но видимый мир из таких частей состоит, из которых одна для другой бытие свое имеет. Следовательно, видимый мир от разумного существа устроен» (VII, 319). Силлогизм заимствован из трактата Цицерона «О природе богов» (II: 97, 139–140, 142) (отмечено комментаторами ПСС: VII, 837). Источник цитируемого далее «заключения» неизвестен.

В приведенных текстах нетрудно заметить не только идентичность образов (ветер, дождь, молния, землетрясение), но и повторяющиеся слова. То, что в «Риторике» служило доказательству *бытия* Творца «видимого мира», в контексте переложения речи Бога к Иову доказывает Его непрекращающуюся *власть* над творением и что «Он все на пользу нашу строит».

Показательно, что, говоря о землетрясениях и молниях, входивших в круг его специальных научных интересов, Ломоносов не ввел ни малейшего намека на возможность для человека изучать их и как-то защищаться от них. Он не сделал этого не потому, что в момент сочинения оды забыл о заботившей его проблеме создания громоотвода, а потому, что это была тема посторонняя для Книги Иова, а следовательно излишняя в переложении из нее. Право человека защищаться от угроз стихии Ломоносов специально обсуждает в «Письме о пользе Стекла» (1752),¹ а в «Оде, выбранной из Иова» акцентирует ту же, что в библейской книге, мысль: один Бог контролирует стихии природы, а человеку это не под силу. Вопросы «возмог ли ты...», «можешь ли...» в оде исключительно риторические.

В переложении из Книги Иова Ломоносов воздерживается от развития любимой мысли о праве науки исследовать природу и овладевать ею, потому что речь идет об отношениях не природы и человека, а Бога и человека. Он склоняет к мысли, что, познавая стихии природы, человек должен приходить к познанию величия Творца и собственной ограниченности.

---

¹ «Что может смертным быть ужаснее удара, / С которым молния из облак блещет яра? / Услышав в темноте внезапной треск и шум / И видя быстрый блеск, мятется слабый ум, / От гневного часа желает гдеб укрыться, / Причины онаго исследовать страшится, / Дабы истолковать что молния и гром, / Такие мысли все считает он грехом. / “На бичь, – он говорит, – я посмотреть не смею, / Когда грозит Отец нам яростью своею”. / Но как Он нас казнит, подняв в пучине вал, / То грех ли то сказать, что ветром Он нагнал? <...> Подобно надлежит о гrome разсуждать. <...> Но блеск и звук его, не дав главы поднять, / Держал ученых смысл в смущении толиком, / Что в заблуждении теряли путь великом / И истинных причин достигнуть не могли, / Поколе действ в Стекле подобных не нашли.<...> Мы можем отвратить от храмин наших гром» (VIII, 520–521).

В последних строках 5-й и 7-й строф Бог предлагает Иову попытаться «сопхнуть» с земли безбожных и «смертным гнев свой» возвестить. Это соответствует отмеченным выше стихам из 38-й главы Книги Иова (38:13; 38:30), но также и стихам из 40-й главы: «Еда мышца ти есть на Господа, или гласом на Него гремиши? Приими же высоту и силу, в славу же и в честь облецыся: пусти же Ангелы гневом и всякого укорителя смири, величава же угаси и согной нечестивыя абие: скрый же в землю вне вкупе и лица их безчестия исполни. Исповем, яко может десница твоя спасти» (Иов 40:4–9).

Иоанн Златоуст комментировал эти стихи как резюмирующие предыдущее описание стихий: «Гром и прочее – не для показа [силы], но для богопознания. Посмотри, сколькими примерами Он изобличает скромность его природы, причем не говорит: “Ты мал”, но: “Я велик, и ты не можешь того, что Я”».¹

У Ломоносова также в строфах 5–7 изображение превосходящих человеческую меру природных стихий служит иллюстрацией мысли о *несравнимости* Бога и человека (но не о ничтожестве последнего).

Вслед за этим в оде Бог предлагает взглянуть на представителей животного мира – орла, бегемота и левиафана.

8

Твоей ли хитростью взлетает
Орел, на высоту паря,
По ветру крила простирает
И смотрит в реки и моря?
От облак видит он высоких
В водах и в пропастях глубоких
Что в пищу Я ему послал.
Толь быстро око ты ли дал?

(VIII, 390)

А.С. Шишков писал об этой строфе: «Ломоносов изобразил здесь единого орла; в подлиннике представлены в одинаком виде три различные птицы: ястреб, орел и неясъть, с приличными каж-

¹ Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков. Ветхий Завет. – Т.6: Книга Иова. – С.247.

дой из них свойствами: *ястреб*, распростерши крылья стоит неподвижно (какое свойственное сей птице дано положение и как прилично употреблен здесь глагол *стоит!*); *орел* возносится; *неясыть* вселяется на вершине каменных гор, в местах потаенных: отколе их издалече наблюдают, ищут брашна, снеди. Не взирая на прекрасное в Ломоносове изображение орла, не имеет ли подлинник своей красоты? Сверх того Ломоносов не все отличные места подлинника предложил в стихи; он не покусился изобразить коня, толь прекрасно и величаво там описанного...»¹

Этот точный комментарий нуждается в дополнениях.

Во-первых, Шишков не счел нужным отметить (полагая это само собой разумеющимся), что Ломоносов пользуется точными выражениями славянского перевода: «*И твоею ли хитростию стоит ястреб, распростер криле недвижимъ, зря на юг? Твоим же ли повелением возносится орел, неясыть же на гнезде своем седа вселяется, на версе камене и в сокровене? Тамо же сый ищет брашна, издалеча очи его наблюдают*» (Иов 39:26–29).

Во-вторых, он не пояснил, почему из трех птиц поэт выбрал именно орла. Может быть, тоже потому что причина казалась ему очевидной: он выбрал самую крупную и сильную птицу, представив ее первенствующей в воздухе. Описываемые далее бегемот и левиафан первенствуют по величине и мощи на суше и в океане. Ломоносов вводит строфу об орле *после* завершения слов о природных стихиях (а не среди них, как в подлиннике), чтобы в строгой последовательности представить сильнейших обитателей воздуха, суши и моря, причем так, что каждый следующий сильнее предыдущего.

От себя поэт добавил существенную деталь: Бог не только дал орлу «быстро око» для отыскания пищи, но именно Бог ему эту пищу и посылает: «...Что в пищу Я ему послал». Аналогичную вставку Ломоносов сделал в переложении 145 псалма: «...Давшего голодным пищу, / *Когда к Нему возопиют*». ² В обоих случаях он дает

¹ Шишков А.С. Указ соч. – С.68. См. также: Серман И.З. Указ соч. – С.51–52.

² См. об этом выше (1.2). Параллель к стиху «Что в пищу я ему послал» находится в другом месте Книги Иова: «Уловиши же ли львам ядь, и души змиев насытиши ли? <...> Кто же врану угодова пищу? Птичици бо его ко Господу воззваша, облетающе брашна ищуще» (38:39, 41).

понять, что Бог печется о своих созданиях. Сходное добавление к стиху о ястребе (Иов 39:26) находим у Иоанна Златоуста: «“Как Бог назначил ему, – говорит, – парить в воздухе? *Как дал ему пищу?*” Ты видишь, о сколь многом он говорит в нескольких словах? Почему он не упомянул быка, овец и других подобных животных, но зверей бесполезных и существующих, казалось бы напрасно? Тем самым он хочет показать, что если такая мудрость и промысел проявляются в тех, которые, казалось бы, не совершают ничего полезного, то тем более в этих».¹

От описания орла (ястреба), не совершающего, по Златоусту, «ничего полезного», Ломоносов переходит к описанию бегемота и левиафана, «польза» от которых еще менее очевидна.

---

¹ Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков. Ветхий Завет. – Т.6: Книга Иова. – С.244 (курсив мой – В.К.). Ср. начало этого фрагмента в цитированной рукописи конца XVII в.: «Како постави рече высоче того навоздухе? *Како пищу ему дает?*» (Л.353 ([электронный ресурс]: URL.: <http://dlib.rsl.ru/01004972107> [дата обращения: 20.08.2016])

1.5.

БЕГЕМОТ И ЛЕВИАФАН (СТРОФЫ 9–12)

Описанием бегемота и левиафана заканчивается речь Бога к Иову (40:10–41:26). Оно является естественнонаучной и богословской проблемой, поскольку, с одной стороны, не очень понятно, о каких животных идет речь, а с другой – существует традиция усматривать в нем иносказание, относящееся к дьяволу.¹ В славянском переводе Книги Иова, сделанном с греческого, вместо транслитерированных в латинском переводе слов еврейского оригинала «бегемот» и «левиафан» стояли «зверь» («зверие») и «змий».² Отчасти поэтому аллегорическое толкование этих образов в России никогда не пользовалось столь широкой, как на Западе, известностью, к тому же греческие толкователи не находили его особенно полезным. Так, Иоанн Златоуст предпочитал говорить о них как о «чувственных диких зверях».³

---

¹ См.: Махов А.Е. HOSTIS ANTIQUUS: Категории и образы христианской демонологии. Опыт словаря. – 2-е, испр. изд. – М.: Intrada, 2013. – С.231–234. В христианской традиции первое развернутое аллегорическое толкование образов бегемота и левиафана папа Григорий I Великий (Двоеслов) (540–604) в книге «Expositio in librum Iob sive Moralia» («Толкование на Книгу Иова, или Нравственные толкования», в 35 кн.).

² Левиафан в Библии упоминается еще несколько раз (Пс 73:14; Пс 103:26; Ис 27:1; Иов 3:8; 3 Езд 6:49–52), причем в славянском переводе в двух случаях это слово переведено не как «змий», а «драконт» (Ис 27:1) и «великий кит» (Иов 3:8). Вместе с левиафаном еще один раз встречается и бегемот – в Третьей книге Ездры (6:49–52), которой нет ни на еврейском, ни на греческом языках. Славянский перевод этой книги, как и все прочие, сделан с Вульгаты, но в нем они названы «енох» и «левиафан» <так!>.

³ «...Потом говорит о двух из них <чувственных диких зверях>, один из которых живет на суше, а другой – в воде, в море. Не безызвестно нам, что многие разумеют в этих словах дьявола, понимая в иносказательном смысле (κατά ἀναγωγήν). Однако нужно наперед заботиться об истории, а когда можно принести пользу слушателю и иносказательным объяснением, то не следует пренебрегать и им» (Иоанн Златоуст. Отрывки на (книгу) блаженного Иова // Иоанн Златоуст. Творения <...> в русском переводе: [В 12 т.]. – Т.12. Кн.3. – СПб.: Изд. С.-Петербургской дух. акад., 1906. С.1087).

У Ломоносова описанию бегемота и левиафана посвящены строфы 9–12, причем сами эти слова в русской печати он употребил едва ли не впервые (по крайней мере, первое из них¹).

Однажды, протестуя против буквального понимания образных выражений Библии об устройстве физического мира, Ломоносов напомнил: «Священное Писание не должно везде разуметь грамматическим, но нередко и риторским разумом» (IV, 372). В «Оде, выбранной из Иова» он, однако, иносказательным смыслом описания бегемота и левиафана пренебрег, хотя и опирался на западную традицию, используя сами эти слова. Из целого ряда удивительных существ, о которых Бог говорит Иову, Ломоносов для своего переложения отобрал только орла, бегемота и левиафана и изобразил их как первенствующих, соответственно, в воздухе, на суше и в море.

9

Воззри в леса на Бегемота,
Что Мною сотворен с тобой;
Колючей терн его охота
Безвредно попираť ногой.
Как верьви сплетены в нем жилы.
Отведай ты своей с ним силы!
В нем ребра как литая медь;
Кто может рог его сотреть?

(VIII, 390)

Что речь идет именно о животном, можно понять из выражения: «Мною сотворен с тобой...» Я.Б. Княжнин усмотрел в нем стилистическую погрешность: «Мною *сотворен с тобою*, кажется, что вместе сотворен бегемот с Иовом. Стихотворец хотел сказать: который сотворен Мною же, равно как и ты; а потому мысль его не-

---

¹ В «Словаре Академии Российской» (Ч.1: от А до Г. – СПб., 1789. – С.119) на слово «бегемот» есть только один пример – из Ломоносова. В современном «Словаре русского языка XVIII века» (Вып.1: А–Безпристрастие. – Л.: Наука, 1984. – С.155) тоже пример из Ломоносова (и из пояснений Шишкова к его оде).

свойственным речением запутана и темна».¹ В том же смысле высказался и автор XIX в.: «Мною сотворен с тобой – можно понять эту фразу и так, как понимал ее сам Ломоносов, т.е. что Бог сотворил и бегемота и Иова; но, по грамматической форме слов, ее можно понять и так, что Бог и Иов вдвоем сотворили бегемота».²

Не исключено, что Ломоносов неудачно передал фразу из латинского перевода: «Ессе behemoth quem feci tecum» (40:10). Но вернее, кажется, понять его выражение как «сотворен Мною в одно время с тобой», т.е. в один и тот же День творения мира, а именно в День шестой, когда, по Книге Бытия, были сотворены животные и человек (Быт 1:24–31). В таком понимании оно оказывается не стилистической погрешностью, а элементом продуманного толкования библейского текста: это способ подчеркнуть, что речь идет не об одном из бесов (падших ангелов, сотворенных гораздо раньше), а о простом животном, хоть и очень сильном.

10

Ты можешь ли Левиафана
На уде вытянуть на брег?
В самой середине Океана
Он быстрой простирает бег;
Светящимися чешуями
Покрыт, как медными щитами,
Копье и мечь, и молот твой
Щитает за тростник гнилой.

11

Как жернов, сердце он имеет
И зубы – страшный ряд серпов:

---

¹ <Княжнин Я.Б.>Примечания на сию оду // Разговор Ломоносова с Княжнинным в Елисейских полях с приобщением примечаний на славную оду господина Ломоносова, выбранную из Иова. – СПб.: у Вильковского, 1793. – С.32.

² Говоров К. Разборы литературных образцов: (Две пробные лекции по русской словесности). II. Ода Ломоносова, выбранная из Иова // Филологические записки. – Воронеж, 1868. – Вып.1. – С.24.

Кто руку в них вложить посмеет?
Всегда к сражению он готов;
На острых камнях возлегает
И твердость оных презирает:
Для крепости великих сил
Щитают их за мягкой ил.

12

Когда ко брани устремится,
То море, как котел, кипит;
Как печь, гортань его дымится,
В пучине след его горит;
Сверкают очи раздражены,
Как уголь, в горниле раскаленный.
Всех сильных он страшит, гоня.
Кто может стать против меня?

(VIII, 390–391)

Речь Бога в переложении Ломоносова организована по принципу шестоднева, рассказа о шести днях творения. Для полноты картины мироздания он ввел в эту речь две оригинальные строфы о творении светил небесных (3-я) и человека (13-я), не имеющие соответствия в Книге Иова. Три строфы о Левиафане (10–12) следуют за описанием Бегемота и предшествуют строфе о человеке. О рыбах («стада, ходящие по дну») и птицах (орел), в соответствии с порядком Дней творения мира, в оде сказано раньше (строфы 6 и 8). Таким образом, Левиафан представляется не рыбой, а животным, сотворенным, как и Бегемот, в День шестой, но обитающим не на суше, а в океане:

В самой середине Океана
Он быстрой простирает бег...

Ломоносов, как видно, думал о ките. Именно так он переводил слово «левиафан» («змий») в 103 псалме, что следует из его письма к В.Н. Татищеву от 27 января 1749 г.: «...принявшись предлагать на стихи прекрасный псалом 103, для того покинул, что многие нашел в переводе погрешности, например: “Змий сей, его же создал

еси ругатися ему”, вместо: “се кит, его же создал еси презирати оное” (то есть море, его пространство)» (X, 462). Переводить слово «левиафан» как «кит» он мог с тем большей уверенностью, что в другом месте славянского текста Книги Иова оно и было переведено как «великий кит» (Иов 3:8).

В ученном мире Европы XVIII в. было распространено мнение, что в Книге Иова бегемотом назван гиппопотам, а левиафаном – нильский крокодил (а не слон и кит, как считали раньше).¹ Это нашло отражение и в поэзии. В таком виде их представил, Э. Юнг в своем переложении из Книги Иова (“A Paraphras on Part of the Book of Job”, 1719) и дал соответствующие примечания. В точном русском переводе С.С. Джунковского (1799) первые строки его описания библейских животных выглядят так: «Бегемот мой кроток; хотя огромно его стремление тела, тих нрав; не имеет сердце его ярости, когда не раздражено. Сей житель вод подымлет свою широкую ногу и полагает на бреге для искания пищи... <...> Пойди к Нилу и с плодоносных его берегов повергни уду в воздымающуюся влагу, и на тонком волосе вытяни Левиафана: и прости огромность его на отягченном песке...»²

¹ См.: Богданов К.А. О крокодилах в России: Очерки из истории заимствований и экзотизмов. – М.: НЛО, 2006. – С.197–210. Это мнение распространилось после выхода книги Самюэля Бошара (Bochart, 1599–1667) о библейских животных «Hierozoicon, sive bibartitum opus de animalibus Sacrae Scripturae» (1663).

² Юнг Э. Вольное переложение некоторых мест из книги Иова / <Пер. С.С. Джунковского> // Плач, или Нощные мысли о жизни, смерти и бессмертии, аглинское творение г. Йонга, с присовокуплением двух поэм: 1) Страшный суд, 2) Торжество веры над любовию, и 3) Вольного переложения из книги Иова, творения сего же знаменитого писателя. Вновь переведено с аглинского подлинника <С.С. Джунковским> с описанием жизни сочинителя, многими новыми примечаниями и с двумя гравированными картинами: [В 2 ч.]. – СПб.: Тип. Г[ос.] М[ед.] коллегии, 1799. – Ч.2. – С.454–455. К слову «Бегемот» здесь дана сноска: «Гиппопотам, или водяной конь»; к слову «Левиафан» – «Крокодил». В переводе И.Г. Рахманинова (1780), сделанном с французского перевода Пьера Летурнера (1769), бегемот и левиафан в самом тексте поэмы заменены «Лошадью» и «крокодиллом» (см.: Юнг Э. Краткое изъяснение из Книги Иова / <Пер. И.Г. Рахманинова> // Нощные мысли и другие некоторые сочинения г. Юнга, с аглинского на французской, а с французского

Ломоносовский Левиафан, обитатель океана, с крокодилом не имеет ничего общего. Все поэтические гиперболы в его описании могут быть отнесены к киту. Даже такая деталь, как «...зубы – страшный ряд серпов» (строфа 11), восходящая к библейскому тексту («окрест зубов его страх» [Иов 41:6]), может указывать не на крокодила, а на кита, поскольку таким может быть зрительное впечатление от китового уса (напомним, что Ломоносов с 10 лет ходил с отцом на морские промыслы).

С пониманием Бегемота как гиппопотама Ломоносов тоже не был согласен. Это видно из того, какие детали исходного описания он пропускает в своем переложении, а какие добавляет. Так, он пропускает упоминание о реке, из которой пьет Бегемот, об Иордане, устремляющемся «ко рту его» (Иов 40:18), и вообще умалчивает о болотистом характере местности, где обитает библейский зверь. Слабый намек на это был в рукописи: «Воззри в луга на Бегемота» (VIII, 390). В печати поэт внес сюда изменение: «Воззри в леса на Бегемота». В леса у Ломоносова превратились «тенистые деревья» среди тростников и «ивы при ручьях» (Иов 40:17). Вероятно, он думал о слоне или, скорее, о носороге¹ и от себя добавил

на российской язык переведенные И.Р. <И.Г. Рахманиновым>. – СПб.: при Артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе, у Х.Ф. Клеэна, 1780. – С.70–71)). Поставленная на месте бегемота «Лошадь» («величая водная обительница», чье «свойство... тихо и не имеет в себе никакой жестокости») в переводе Рахманинова довольно забавна, поскольку чуть выше у него шла речь о «храбром коне» (см.: Там же. С.67–68); в переводе Летурнера в обоих случаях употреблен мужской род – «le cheval», см.: *Young E. Paraphrase d'une partie du Livre de Job // Les Nuits d'Young, traduites de l'anglois par M. Le Tourneur. – Seconde edition. – Paris, 1769. – Т.2. – Р.347, 349).*

¹ Еще А.С. Шишков отметил, что в оде Ломоносова описывается «слон или единорог» (Шишков А.С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка <1803> // Шишков А.С. Собр. сочинений и переводов: [В 17 ч.]. – Ч.2. – СПб.: Имп. Росс. акад., 1824. – С.70). С ним соглашался И.З. Серман, высказав также предположение, что в строфах о Левиафане Ломоносов учел описание «морской коровы» (*serenae Stelleri*), сделанное адъютантом Петербургской Академии наук Г.В. Стеллером, участником второй экспедиции В. Беринга (1733–1742) (см.: *Серман И.З. Поэтический стиль Ломоносова. – С.55–60).*

заключительный стих: «Кто может рог его сотреть?»¹ В идентификации библейского бегемота с носорогом наш поэт и ученый был менее убежден, чем в случае с китом и левиафаном, поэтому «рог» у него появляется во фразе, которую можно понять иносказательно (т.е. «кто может его одолеть?»).

По мнению Ю.М. Лотмана, Ломоносов своей антидемонологической трактовкой образов бегемота и левиафана протестовал против истерического страха перед дьяволом, выразившегося не так давно в процессах над ведьмами в западных странах, а теперь (чего он якобы опасался) овладевавшего умами православного духовенства.² Эта гипотеза правдоподобна, но не является единственным объяснением, почему он все-таки назвал Бегемота и Левиафана, вызывающих демонологические ассоциации, а не более нейтральных «зверя» и «змия» (или слона и кита). Сделать такой выбор Ломоносов мог, руководствуясь естественнонаучными и художественными соображениями. Неопределенные «зверь» и «змий» его не устраивали своей безымянностью: в одном ряду с орлом ему нужны были конкретные сухопутное и морское животные.

В.К. Тредиakovский и А.П. Сумароков в своих переложениях 103 псалма переименовали левиафана в кита.³ Так же мог бы по-

---

¹ Славянский текст в этом месте малопонятен: «Во око свое возмет его <Иордан>, ожесточився продиравит ноздри» (Иов 40:19; рус. пер.: «Возьмет ли кто его в глаза его и проколет ли ему нос багром?»).

² См.: Лотман Ю.М. Об «Оде, выбранной из Иова» Ломоносова <1983> // Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. – СПб.: Искусство–СПБ, 1996. – С.266–278.

³ У Тредиakovского: «В пространном океане том / Бесчисленным гадам есть дом; / Живет там Малое с Великим, / Там плавают и корабли: / И Кит, что-сотворен-толиким, / В глуби играет и в мели» (*Trediakovskij V.K. Psalter 1753. Erstausgabe. Besorgt und kommentiert von A. Levitsky; Hrsg. von R. Olesch und H. Rothe. – Paderborn; Munchen; Wien; Zurich: Ferdinand Schöningh, 1989. – S.267*); у Сумарокова: «Летают тамо корабли: / В пучину им пути пробиты: / И отдаленны от земли / В валах играют тамо киты» (*Сумароков А.В. Полн. собр. всех сочинений в стихах и прозе: [В 10 ч.]. – М., 1781. – Ч.1. – С.151*). В переложениях 73 псалма слово «змий» они тоже передали как «киты», а с левиафаном поступили по-разному. Тредиakovский: «Ты в водах главы разбил / Кита превеликим ею <силою Твоею – В.К.>: / Ты расшиб же и главу / Змийствен-

ступить и Ломоносов в «Оде, выбранной из Иова», поскольку тоже считал его китом. Однако насчет перевода слова «бегемот» он, видимо, сомневался, а дать в одном ряду Бегемота и Кита не представлялось возможным. Так же странно выглядела бы пара Зверь и Кит. Оставался только один вариант: Бегемот и Левиафан. Его Ломоносов и предпочел.

Как писал Ю.М. Лотман, «Бегемот и Левиафан, которым предшествующая культурная традиция присвоила облики демонов, вновь, как и в Ветхом завете, предстают лишь диковинными животными, самой своей необычностью доказывающими мощь творческого разума Бога». ¹ Это действительно так, только нужно уточнить, что Ломоносов, отталкиваясь от одной (западной) культурной традиции, опирался на другую – с детства ему привычную православную (восточнохристианскую) традицию, в которой было принято говорить о них как о «чувственных диких зверях» (Златоуст). Полемика (если она имела место) велась не с «просветительских» и антиклерикальных, а напротив – со строго определенных конфессиональных позиций, с позиций Православия, в чем, возможно, отразились процессы «конфессионализации» в религиозном сознании русского образованного общества (мирян), вошедшего после петровских реформ «в поле современной ему европейской культуры» ² (где эти процессы, противостоявшие секуляризации, начались раньше). Кроме того, Бегемот и Левиафан у Ломоносова не столь «диковинны», как в исходном тексте, и наделены чертами конкретных животных, о которых читатели должны были знать хотя бы понаслышке (ведь и в Книге Иова Бог указывает собеседнику на знакомые ему явления природы). А.С. Шишков (не оспаривая их идентификации со слоном или носорогом и китом)

ному Крокодилу...» (*Tredjakovskij V.K. Psalter 1753. – S.188*); Сумароков: «Разишь ты китов на водах, / Драконов сильных премагаешь...» (*Сумароков А.В. Указ соч. – Ч.1. – С.102*). Ср.: «Ты сокрушил головы змиев в воде; Ты сокрушил голову левиафана...» (Пс 73:13–14; в славянском тексте псалма в обоих случаях «змий», в латинском – драконы).

¹ Лотман Ю.М. Указ. соч. – С.275.

² Хондзинский П., *прот.* «Церковь не есть академия»: Русское внеакадемическое богословие XIX века. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2016. – С.21. Здесь же (с.18–21) см. о понятии конфессионализации, вошедшем в науку относительно недавно (в середине XX в.).

выражал недовольство тем, что Ломоносов не сказал о них чего-то еще более удивительного.¹

Образ Левиафана, воинственного и непобедимого для других земных тварей, должен внушать мысль об абсолютной мощи и непобедимости его Творца, пекущегося о благе человека. Раз уж Тот, Кто создал Левиафана, «все на пользу нашу строит», значит ничто в этом не может Ему помешать:

Всех сильных он страшит, гоня.
Кто может стать против Меня?

Это заключительные стихи в ломоносовском описании Левиафана. Первый из них приблизительно соответствует последним словам в речи Бога к Иову: «Ничто же есть на земли подобно ему сотворено, поругано быти ангелы моими: все высокое зрит: сам же царь всем сущим в водах» (Иов 41:25–26; рус. пер.: «Нет на земле подобного ему; он сотворен бесстрашным; на все высокое смотрит смело; он царь над всеми сынами гордости»). Второй стих – точно соответствует ранее идущему в оригинале стиху: «...Кто бо есть противляйся Мне, или кто *противостанет Ми* и стерпит...» (Иов 41:1; в рус. пер. это стих 41:2: «...кто же может устоять перед лицом Моим?»), но вполне логично поставлен на место вывода из описания дивного библейского зверя.

Воде Ломоносова образы Бегемота и Левиафана должны «преклонять» читателей к мысли о «Божием величестве», но не о ничтожестве и бессилии человека, поскольку на его стороне сам Тво-

---

¹ «Мне кажется, изображение крепости и сил толь огромного животного, каков есть слон или единорог, в стихах у Ломоносова не довольно соответствует изображению действия или употребления тех же самых сил его; ибо о таком звере, у которого *жилы как сплетенные верьви, ребра как литая медь*, мало сказать, что он *колющий терн безвредно попирает ногами*. Не отъемля славы у сего великого писателя, мнится мне, что надлежало бы сказать нечто более, нечто удивительнее сего» (Шишков А.С. Указ соч. – С.70–71). Конечно, и в описании левиафана он отдавал предпочтение библейскому оригиналу, поскольку там оно более «воспламеняет... воображение» и «не щадится ничего, могущего изображение сие сделать великолепным, поразительным, страшным, чрезвычайным» (Там же. С.77).

рец, который поддерживает его, укрепляет и служит ему надежной защитой.

В Книге Иова, как и в оде Ломоносова, образы бегемота и левиафана призваны продемонстрировать мощь Того, Кто сотворил этих грандиозных животных. Однако *зачем* они были сотворены? Иоанн Златоуст, полагавший, что все в мире устроено ради чело- века, отвечал на это следующим образом: «Для того он сотворил этих двух зверей огромными, чтобы ты узнал, что Он может все сделать таким, но не делает, потому что [все] сотворил для твоей пользы. <...> Какая от них польза? – скажет кто-нибудь. Мы точно не знаем тайную пользу этих зверей, но если нужно что-то отве- тить, [мы скажем], что они ведут нас к богопознанию».¹

Переложение Ломоносова согласуется с этим выводом. Про- тивореча распространенному на Западе пониманию образов Беге- мота и Левиафана (вернее, умалчивая о нем), оно полностью впи- сывается в восточнохристианскую традицию толкования Книги Иова, представленную в славянской письменности.

---

¹ Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков. Ветхий Завет. – Т.6: Книга Иова. Тверь: Герменевтика, 2007. – С.250.

1.6.

СТРОФА О ТВОРЕНИИ ЧЕЛОВЕКА (13). – НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

В Книге Иова речь Бога заканчивается описанием левиафана. В переложении Ломоносова к ней прибавлена строфа о творении человека:

13

Обширного громаду света
Когда устроить Я хотел,
Просил ли твоего совета
Для множества толиких дел?
Как персть Я взял в начале века,
Дабы создати человека,
За чем тогда ты не сказал,
Чтоб вид иной тебе Я дал?

(VIII, 391–392)

В этой строфе как будто высказаны только две мысли: 1) человек не был участником творения мира, и в советах его Творец не нуждается; 2) человек сам является существом тварным. Обе мысли должны подразумеваться читателями как самоочевидные. Зачем же Ломоносов добавил эту строфу, нарушив композиционное соответствие подлиннику и ослабив концовку предыдущей строфы?

Этому можно предложить два объяснения.

Первое, в общем-то, лежит на поверхности: речь Бога в «Оде, выбранной из Иова» имеет структуру шестоднева, толкованию на шесть дней творения мира. Выбирая стихи из Книги Иова, Ломоносов в некоторых местах нарушает их последовательность ради большего соответствия порядку дней творения в Книге Бытия. Так, выше отмечалось, что один стих – *«Егда сотворены быша звезды, восхвалиши Мя гласом велиим вси Ангели Мои»* (Иов 38:7) – он разбил на две части, и вторую использовал раньше первой. Смысл этой перестановки в том, что ангелов («сонм небесных сил») уместней было упомянуть в самом начале, говоря о первом дне творения. *«В начале сотвори Бог небо и землю»* (Быт 1:1) – это обычно толкуется как сотворение духовного мира (ангелов) и материи. Ломоносовское *«Когда я твердь земли поставил, / И сонм небесных сил прославил...»* от-

сылает именно к такому толкованию. Звезды же были сотворены позднее, поэтому о них говорится в следующей строфе, причем, в соответствии именно с Книгой Бытия (1:14–18), а не с Книгой Иова, тут же упомянуты солнце и луна: «Когда от солнца воссияли / Повсюду новые лучи, / Когда взошла луна в ночи». Сотворение светил небесных – это День четвертый, которому предшествовало создание «тверди», названной «небом» (День второй), отделение моря от суши и произведение растений из земли (День третий). Такая последовательность, вероятно, смущала Ломоносова, поэтому он, не будучи связан обязанностями перелagателя собственно Книги Бытия, сначала поместил речь о творении звезд, солнца и луны, а уже потом о море и суше. За этим легко объяснимым исключением, Бог в ломоносовском переложении говорит о Своих созданиях, придерживаясь той последовательности, в которой, по Книге Бытия, они были сотворены: море и суша («Кто море удержал берегами <...> И с суши сдвинул Океан»), растения («И нивы в день палящей жажды...»), рыбы и пресмыкающиеся («Счел ли чуд разнообразных / Стада, ходящие по дну?»), птицы («Твоей ли хитростью взлетает / Орел, на высоту паря?») и, наконец, животные (Бегемот и Левиафан). В этом ряду не хватает только человека, специального описания которого нет в исходном тексте. Поэтому, для полноты картины мироздания, Ломоносов и добавил строфу о творении человека, в которой практически процитировал Книгу Бытия: «Как персть Я взял <...> дабы создати человека»; ср.: «И созда Бог человека, персть взял от земли, и вдуну в лице его дыхание жизни: и бысть человек в душу живу» (Быт 2:7).

Второе объяснение не столь очевидно, но оно связано с главной религиозной проблемой «Оды, выбранной из Иова» – с вопросом о страдании праведника, находящегося в руках Всемогущего Бога.

Строфа о творении человека считается оригинальной, между тем это не совсем так. Кроме Книги Бытия, ее источники находятся в Книге Иова и Послании к Римлянам апостола Павла, т.е. не только в Ветхом, но и в Новом Завете. Обеим половинам строф, являющимся законченными предложениями, в них есть близкие соответствия.

Обширного громаду света
Когда устроить Я хотел,

Просил ли твоего совета
Для множества толиких дел?

Ср. слова Елифаза Феманитянина к Иову: «Что бо? Еда первый от человек рожден еси? Или прежде холмов сгустился еси? Или строение Господне слышал еси? Или в советника тя употреби Бог?» (Иов 15:7–8).

У апостола Павла: «О, глубина богатства и премудрости и разума Божия! Яко неиспытани судове Его, и неизследовани путие Его. Кто бо разуме ум Господень, или кто советник Ему бысть?» (Рим 11:33–34).

Как персть Я взял в начале века,
Дабы создати человека,
За чем тогда ты не сказал,
Чтоб вид иной тебе Я дал?

Ср. в речи Бога к Иову: «Или ты, брение взял, от земли создал еси животное, и глаголиваго сего посадил еси на земли?» (Иов 38:14).¹ Толкование Олимпиодора к этому стиху: «Еда ты рече о Иове, прием персть от земли созда человека? И словом того украси якоже аз?»² Далее в речи Бога: «Не отвергай суда Моего:

¹ В еврейском оригинале (масоретской редакции) этот стих читается иначе; рус. пер.: «...чтобы земля изменилась, как глина под печатью, и стала, как разноцветная одежда» (Иов 38:14). Ср. в рус. переводе с греч.: «Или ты, взявши брение из земли, создал животное и поставил сего говорящего на земле?» (Юнгеров П.А. Книга Иова в русском переводе с греческого текста LXX, с введением и примечаниями. – Казань: Центральная типография, 1914. – С.80; примеч. к первому полустижиию: «Гр. ζῶον – живое существо», ко второму: «Т.е. человека. Быт. 2, 7»).

² На книгу Иова толкование Олимпиодора Александрийского и других [рукопись]. – [Б.м.], конец XVII в. – Л.348. Ср.: «Олимпиодора, Севера и Златоуста. Разве, говорит, ты, Иов, взявши прах, смоченный водою, из земли создал человека? И украсил его словом, как Я? И открыл мир красоты? Из этого видно, что другие (животные) не имели разума (τό λογικόν), который дал человеку, как преимущественный дар, потому что глаголивым называет разумное животное. Посадить на земле значит повелеть господствовать над всем на земле. Что касается меня, то удивляюсь Богу в двух следующих отношениях: что человеческое тело создал тленным и что в тлении показал Свою силу и премудрость, так как

мниши ли Мя инако тебе сотворша, разве да явишися правдив» (Иов 40:3).¹

У апостола Павла: «Темже убо, егоже хочет, милует: а егоже хочет, ожесточает. Речеши убо ми: чесо ради еще укоряет, воли бо Его кто противитися может? Темже убо, о, человече, ты кто еси, против отвещаяй Богови? Еда речет здание создавшему е: почто мя сотворил еси тако? Или не имать власти скудельник на брении, от тогожде смещения сотворити ов убо сосуд в честь, ов же не в честь?» (Рим 9:18–21).

Отмеченные стихи из Книги Иова (15:7–8; 38:14; 40:3) – непосредственный источник строфы о творении человека в «Оде, выбранной из Иова», но и соответствия с текстом Послания к Римлянам не случайны.

Предыдущая (12-я) строфа заканчивалась риторическим вопросом:

Кто может стать против Меня?

Выше уже было сказано, что источник этого стиха – Иов 41:1 («Кто бо есть противляйся Мне, или кто противостанет Ми»). Ломоносов мог бы закончить переложение речи Бога этим стихом, подводящим итог описанию грозных стихий и могущественных животных и перекликающимся с первым стихом в его пере-

слабая сущность особенно показывает богатство и силу искусства: глине и пеплу (Он) дал такое стройное устройство и вложил такие чувства, столь различные и разнородные, которые могут и любомудрствовать о стольких предметах. Из земли, из того вещества, из которого делаются только черепица и кирпич, Он сделал такой прекрасный глаз и сообщил ему такую силу, что при помощи небольшого зрачка он видит и обнимает столько предметов» (Иоанн Златоуст. Отрывки на (книгу) блаженного Иова // Иоанн Златоуст. Творения <...> в русском переводе: [В 12 т.]. – Т.12. Кн.3. – СПб.: Изд. С.-Петербургской дух. акад., 1906. – С.1083–1084).

¹ Оригинал стиха в рус. переводе с еврейского тоже (как и Иов 38:14) читается по-другому: «Ты хочешь ниспровергнуть суд Мой, обвинить Меня, чтобы оправдать себя?» (Иов 40:3). Ср. в рус. переводе с греч.: «Не отвергай суда Моего. Или ты думаешь, что Я поступил с тобою не так, или разве ты окажешься правым?» (Юнгеров П.А. Указ соч. – С.85–86; к словам «не так» примечание: «ἄλλως – иначе, чем следовало»).

ложении: «Збери свои все силы ныне... <...> Кто может стать против Меня?» «Распря» Бога с Иовом представляла как борьба, доказывающая абсолютное превосходство Творца, Его всемогущество. В оде данная тема последним вопросом исчерпывается, но Ломоносов добавляет еще одну строфу. От утверждения всемогущества Творца в 12-й строфе в следующей (13-й) он переходит к тому, как человек должен относиться к Творцу и Его Промыслу.

Именно таков ход мысли в приведенных выше словах апостола Павла (Рим 9:18–21). Иоанн Златоуст дал к ним пространное толкование (приводим выдержки): «*Темже убо, егоже хощет, милует: а егоже хощет, ожесточает. Речеши убо ми: чесо ради еще укоряет, воли бо Его кто противитися может* (ст.18,19)? Видишь ли, как (апостол) всеми мерами постарался сделать вопрос затруднительным? И не тотчас дает решение, делая и это с пользой, но сперва заграждает уста возражающему, говоря так: *Темже убо, о, человече, ты кто еси, против отвечаий Богови* (ст.20)? (Апостол) делает это с целью устранить праздное его любопытство и излишнюю суетливость, налагая на него узду и внушая понимать различие между Богом и человеком, а также то, как непостижим Божественный Промысел и превышает наше разумение и как все должно покоряться Богу... <...> *Еда речет здание создавшему е: почто мя сотворил еси тако? Или не имать власти скудельник на брении, от тогожде смещения сотворити ов убо сосуд в честь, ов же не в честь* (ст.20, 21)? Здесь (апостол) не уничтожает свободной воли, но показывает, до какой степени должно повиноваться Богу. <...> Как горшечник, рассуждает он, из одной и той же смеси делает, что ему угодно, и никто ему не противоречит, так и ты не спрашивай Бога и не любопытствуй, почему Он одних из людей одного и того же рода наказывает, а других награждает, но благоговей перед Ним и подражай глине и, как она покорна рукам горшечника, так и ты покоряйся воле Распорядителя вселенной. Он ничего не делает без цели и как случится, хотя сам ты и не постигаешь тайны премудрости».¹

Этот комментарий представляется актуальным для последней строфы в речи Бога у Ломоносова, поскольку она непосредствен-

---

¹ Иоанн Златоуст. Беседы на Послание к Римлянам // Иоанн Златоуст. Творения <...> в русском переводе: [В 12 т.]. – Т.9. Кн.2. – СПб.: Изд. С.-Петербургской дух. акад., 1903. – С.701–703 (Беседа XVI).

но предваряет заключительную строфу от автора, призывающую к безусловной покорности воле Божией. Подобно апостолу Павлу и Иоанну Златоусту, Ломоносов призывает к покорности, основанной не на сознании своего бессилия, а на *вере* в то, что Бог «ничего не делает без цели и как случится». Вопрос о возможной *безвинности* человеческого страдания снимается утверждением, что оно всегда *небесцельно* и дается человеку исключительно для его блага. По выражению Ломоносова – «Он все на пользу нашу строит».

В строфе о творении человека не только фиксируется само это событие (в порядке шестоднева), но и содержится указание на *цель*, поставленную перед человеком его Творцом. Мир, как говорит Бог в оде Ломоносова, сотворен «прекрасным» и в «стройном чине». Все описываемые в речи Бога создания совершенны в своем роде и отмечены печатью премудрости их Создателя. Значит, и человек – дело рук того же Создателя – должен быть совершенным в своем роде. Совершенство человека как существа разумного и свободно-го предполагает его праведность. Бог, столь премудро пекущийся обо всех Своих творениях, конечно, все делает для того, чтобы явить человека праведным и совершенным. В Книге Иова праведник был испытан, чтобы неоспоримо обнаружилась его праведность (которую оспаривал сатана). Ропот Иова был вызван тем, что, пораженный несчастьями, он усомнился, нужна ли и важна ли его праведность Богу, раз он, который был «истинен, непорочен, праведен, богочестив, удаляясь от всякия лукавыя вещи» (Иов 1:1), наказывается подобно нечестивцам. Однако, даже усомнившись в этом, Иов в своей праведности устоял и доказал свое бескорыстие. Это и был его подвиг, не оставленный в итоге без награды.

О том, что Бог сотворил человека предназначенным к праведности и все испытания посылаются ему для ее достижения, свидетельствуют слова Бога к Иову: «Не отвергай суда Моего: мниши ли Мя инако тебе сотворша, разве да явишися правдив» (Иов 40:3). Иоанн Златоуст приводил эти стихи как доказательство того, что Бог правосуден и все делает для «пользы» человека, желая возвеличить и прославить его: «Мы говорим, что соблазны попускаются для того, чтобы не уменьшалась твердость мужественных; вот что в беседе с Иовом заявил Бог, говоря: мниши ли Мя инако тебе сотворша, разве да явишися правдив? (Иов. XL, 3). Также и Павел говорит: подобает бо и ересем в вас быти, да искуснии явлени бывают в

вас (1 Кор. XI, 19). Когда ты слышишь это изречение: *подобает бо и ересем быти*, то не думай, что он говорит это в смысле приказания или законоположения; совсем нет, но он предсказывает этим будущее и заранее напоминает бодрствующим о предстоящей им пользе от этого. Когда вы устоите против обольщения, говорит, тогда именно яснее обнаружится ваша добродетель».¹

Праведник испытывается страданиями для укрепления в добродетели и вящего вознаграждения в будущем. По Златоусту, они посылаются, «чтобы не уменьшалась твердость мужественных». У Ломоносова Бог начинает речь к Иову с призыва: «Збери свои все силы ныне, / Мужайся, стой...», а заканчивает словами, отсылающими к апостольскому посланию, где речь идет об оправдании верой и будущем утешении праведных (непосредственно – к стиху Рим 9:20), и к словам Бога к Иову: «...мниши ли Мя инако тебе сотворша, разве да явишися правдив» (Иов 40:3):

Зачем тогда ты не сказал,
Чтоб вид иной тебе Я дал?

Речь идет не о физическом облике человека, а о его природе – физической и духовной. Имеющий «вид иной» в данном случае нужно понимать как не подверженный страданиям и не обремененный высоким предназначением. В Книге Иова Бог упрекнул его за сомнение в том, что желает видеть его праведным и совершенным и всё устраивает с этой целью («мниши ли Мя инако тебе сотворша...»), тем самым подтверждая надежду праведника.

Последнее четверостишие в добавленной Ломоносовым к речи Бога строфе отсылает к двум далеко отстоящим друг от друга стихам славянского перевода, причем именно к тем, которые в еврейском оригинале (и западных переводах) имеют другой смысл: «Или ты, брение взем, от земли создал еси животно, и глаголиваго сего посадил еси на земли?» (38:14), «Не отвергай суда Моего: мниши ли Мя инако тебе сотворша, разве да явишися правдив» (40:3). Это

---

¹ Иоанн Златоуст. Слово к тем, которые соблазняются происшедшими несчастиями... // Иоанн Златоуст. Творения <...> в русском переводе: [В 12 т.]. – Т.3. Кн.2. – СПб.: Изд. С.-Петербургской дух. акад., 1897. – С.528–529.

свидетельство экзегетического характера переложения Ломоносова, намеренное следующего за славянским текстом вместе с соответствующей традицией его толкования.

Первая отсылка, введенная сразу после утверждения мысли о Всемогушестве Божиим в предыдущей строфе («Кто может стать против Меня?»), напоминает о достоинстве человека, которому Бог повелел «господствовать над всем на земле».¹ Вторая отсылка напоминает, что Бог все устраивает ради того, чтобы явить человека праведным и совершенным. Таким образом, апеллируя к Слову Божию, Ломоносов оправдывает Промысл Божий о человеке и доказывает тому, кто «горести» ропщет, что ропщет он «напрасно».

Новозаветные аллюзии в строфе о творении человека (на апостольское послание) связывают ее с обрамляющими переложение строфами от автора, где такие аллюзии тоже можно отметить (см. выше – 1.3). Христианское поучение, преподанное Ломоносовым от себя в последней строфе, подготовлено предшествующим переложением Божественного ответа, в особенности – строфой о творении человека.

* * *

Подведем итоги. «Ода, выбранная из Иова» – единственный у Ломоносова пример свободного переложения из Священного Писания. Она уникальна в его творчестве и представляет альтернативный его парафразам псалмов тип стихотворения, основанного на библейском тексте. Эта ода является ключевым произведением в разделе «Оды духовные», общий смысл и композиция которого

¹ По Иоанну Златоусту, «посадить на земле значит повелеть господствовать над всем на земле» (см. выше). Ср. у Филарета (Дроздова): «Размышлял ли когда-нибудь ты, словесное творение Божие, – ты, глаголивый (Иов. XXXVIII, 14), как назвал тебя праведный Иов, не знаю, в похвалу ли твоей природе или в укоризну твоему многоглаголанию, – размышлял ли, любомудрствовал ли о слове, восходил ли мыслию к его началу, созерцал ли достоинство и силу на высоте его? – Где начало слова? – На небесах, превыше небес, в вечности, в Боге» (Филарет [Дроздов], митрополит Московский. Слова и речи: [В 5 т.]. – Т.5. – М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1885. – С.452 [«Беседа на день рождения благочестивейшего государя императора Александра Николаевича», 1858]).

соотнесены с идейной структурой Книги Иова: жалобы праведника (семь переложений псалмов) – увещательная речь Бога (ода из Иова) – признание человеком величия Творца и ограниченности своих возможностей (два «Размышления»). Картина мира в духовных одах полемична по отношению к деистическим представлениям о мире: Бог у Ломоносова – Живой Бог, который присутствует и повелевает в сотворенном Им мире, участвует в жизни человека и все делает для его блага.

Форма свободного переложения могла быть избрана в виду сложности исходного текста, местами читающегося по-разному в славянском (греческом) и латинском (еврейском) вариантах, не вполне понятного и нуждающегося в пояснениях. Переложение речи Бога к Иову у Ломоносова содержит элементы ее толкования, как и обрамляющие переложение строфы от автора. Ломоносов опирался преимущественно на славянский перевод и на комментарии Олимпиодора, в составе которых Книга Иова бытовала в славянской письменности, а также присоединявшиеся к ним комментарии Иоанна Златоуста. Эти комментарии представлены в имеющейся в РГБ рукописной книге конца XVII в., в которой обнаруживаются текстуальные соответствия оде Ломоносова. Он заимствует отсюда ряд слов и выражений (начиная со слова «*мужайся*»), а главное – согласует свое переложение с пониманием исходного текста у Олимпиодора и Иоанна Златоуста как в целом, так и в частности. В согласии с их пониманием Бог у Ломоносова выступает как покровитель и защитник Иова: не устрашает, а являет Свое благоволение. (Иначе расставлены акценты, например, в поэме Э. Юнга «Парафраза части Книги Иова», где Бог начинает свою речь с обвинений и угроз.) Бегемот и Левиафан изображены исключительно как могущественные животные, поскольку именно так это сделано у Златоуста и Олимпиодора, считавших «неполезным» аллегорическое толкование их как образов дьявола. Слова «бегемот» и «левиафан» (а не «зверие» и «змий» из славянского перевода) Ломоносов использует, поскольку в ряду с орлом, первенствующим в воздухе, ему нужны были конкретные животные, первенствующие по величине и мощи на суше и в океане. Левиафана он идентифицировал с китом, а бегемота – со слоном или носорогом (возможность двоякого понимания оставлена из-за неуверенности поэта и ученого в версии о носороге). В этом он сходил

со средневековыми представлениями и противоречил науке своего времени, идентифицировавшей бегемота и левиафана из Книги Иова с гиппопотамом и нильским крокодилом.

Речь Бога в переложении Ломоносова построена по принципу шестоднева, поэтому он добавляет оригинальные строфы о творении светил небесных (3-я) и человека (13-я) и делает отсылки к первой главе Книги Бытия (особенно явные в строфах 2–3). Строфы 5 и 7 являются парафразой прозаического текста самого Ломоносова – «заключения» в §271 «Краткого руководства к красноречию» (1748), где доказывается, что «видимый мир от разумного существа устроен». Образы целенаправленно действующих стихий (ветер, дождь, молния, землетрясение) в оде иллюстрируют мысль о непрекращающейся власти над ними Творца, правящего ими на благо человека. 13-я строфа (о творении человека) не полностью оригинальна: ее источники находятся в двух местах славянского перевода (Иов 38:14; 40:3) и комментариях Златоуста и Олимпиодора, а также в Послании апостола Павла к Римлянам (9:20; 11:34).

Жизнеутверждающий пафос («оптимизм») оды Ломоносова, отмечавшийся едва ли не всеми ее исследователями, происходит не из лейбницианской философии (или не только из нее), а до некоторой степени из самой Книги Иова. Он согласуется с характерной для Православия традицией толкования этой книги и, в частности, заключительного в речи Бога фрагмента о Бегемоте и Левиафане (Иов 40:10–41:26). Проблему присутствия в мире зла Ломоносов не купирует, а как раз начинает с нее: «О ты, что в горести...» Зло в оде представлено страданием человека, которое бывает незаслуженным (как в случае с Иовом). В том, что оно временно и обращено Провидением «на пользу» человека, Ломоносов и хочет убедить читателя (помнящего, конечно, что Иов пострадал не бесцельно, а для того, чтобы с полной очевидностью обнаружилась его праведность, которую пытался оспорить сатана).

Главной в «Оде, выбранной из Иова» является не умозрительная философская проблема теодицеи, а жизненный и религиозный вопрос *об отношениях* человека к Богу, вызвавшему его «на распрю». Ломоносов представляет ситуацию, бесконечно далекую от деистических представлений о Боге, создавшем мир, подобный безотказному механизму, и с тех пор ни на что уже не реагирующем. Поэтическая картина мироздания в «Оде, выбранной из

Иова», как и в Книге Иова, дана в качестве ответа на вопросы человека о Промысле Божиим, а не об устройстве видимого мира.¹ У Ломоносова Бог убеждает Иова, обращаясь к его *разуму* и *воображению*, и тем укрепляет его пошатнувшуюся *веру*. Изображение в «стройном чине» устроенного «прекрасного света» в оде не самоцель, а *аргумент*, предназначенный для убеждения человека в *правосудии* все строящего для его пользы Творца. Таким образом, Бог в оде выступает не только как *Творец* и *Законодатель*, но и как *Управитель*, *Промыслитель* и *Судия* вселенной, все в ней устроивший для блага человека, все делающий для того, чтобы явить его совершенным. «Ода, выбранная из Иова» – это *апология веры*, основанная на каноничном для православной традиции понимании данной библейской книги.

---

¹ Ср. в позднейшем комментарии к Книге Иова: «Речь Божия из громовой тучи заключает в себе следующую истину: “Всемогущий и Премудрый, Которому все обязано своим бытием, Который при сотворении мира ввел во все части удивительный порядок и гармонию, и Который славу Своего существа открывает в необозримом ряде творений, от слона и крокодила до самого обыкновенного червя. – Сей всемогущий и премудрый Бог не может быть порицаем за мироправление ни одним человеком, коему неизвестно отношение частей к целому”. Из сей истины вытекает важный урок: покоряйся, человек, воле премудрого и преблагого Бога при самых тяжких ударах судьбы; поелику ты не знаешь, откуда они происходят, какую имеют цель, чем кончатся и в какой находятся связи с твоим воспитанием, с твоим временным и вечным блаженством» (<Агафангел (Соловьев), архиеп.>. Книга Иова в русском переводе с кратким объяснением. – Изд. 2-е. – Вятка: Тип. К. Блинова, 1861. – С.281; первое изд. вышло в 1860 г).

**Ломоносов в полемике с поэмой Вольтера
«На разрушение Лиссабона» в 1757 г.
и И.Ф. Богданович как переводчик этой поэмы**

Через четыре года после публикации «Оды, выбранной из Иова», 1 ноября (н.ст.) 1755 г., произошло Лиссабонское землетрясение, в считанные минуты погубившее, как сообщила вскоре одна голландская газета, «более чем 100 тысяч душ». ¹ Это была самая страшная природная катастрофа в Европе Нового времени, вызвавшая острую дискуссию, в которую вовлеклись богословы, философы, ученые-естественники, журналисты и поэты. В 1756 г. была напечатана поэма Вольтера «На разрушение Лиссабона» (*“Poème sur le désastre de Lisbonne en 1755, ou examen de cet axiome: tout est bien”*). В 1763 г. она вышла в русском стихотворном переводе И.Ф. Богдановича, по праву считающемся «удачей молодого поэта». ²

Ломоносов упомянул о Лиссабонском и Перуанском (1745–1746 гг.) землетрясениях в «Слове о рождении металлов от трясения земли» (1757), которое своим появлением, по словам комментаторов, было «...обязано повышенному интересу общества середины XVIII в. к землетрясениям» (V, 681). Он упомянул о нем после перечисления аналогичных событий в истории земли, отказываясь

---

¹ Вагеманс Э. Литературно-философская интерпретация лиссабонского землетрясения: Португало-франко-русская теодицея // XVIII век. – Сб.22. – СПб: Наука, 2002. – С.111. О «ста тысячах несчастных» (*“cent mille infortunés”*) упоминает Вольтер в своей поэме, которые в переводе И.Ф. Богдановича превратились в «тысячи» (отмечено: Там же. С.116–117). В реальности количество погибших было меньшим: по одной из оценок, из 260 тысяч жителей Лиссабона погибло не менее 10 тысяч (Там же. – С.111). О Лиссабонском землетрясении см., например: Тавареш Р. Небольшая книга о великом землетрясении. Очерк 1755 года / Пер. с португальск. Е.Г. Голубевой. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2009. – 240 с.

² Заборов П.Р. Русская литература и Вольтер. XVIII – первая треть XIX века. – Л.: Наука, 1978. – С.31. Перевод вышел в журнале «Невинное упражнение» (1763. – Апрель. – С.173–186); фрагмент перевода Богданович включил в собрание своих стихотворений под заглавием «Философические мысли г. Волтера» (Лира, или Собрание разных в стихах сочинений и переводов, некоторого Муз любителя. – СПб.: при Имп. акад. 1773. – С.46–47).

говорить о человеческих жертвах: «Однако не намерен я показывать больше таковых примеров, ниже красноречием распространять бедность столичного перуанского города Лимы, ни жестокой Лиссабонской судьбины» (V, 304).

Выступая с речью о причинах и пользе землетрясений в порядке природы, Ломоносов в некотором смысле оппонировал придворному проповеднику Гедеону (Криновскому), который в «Слове о случившемся в 1755 году в Европе и Африке ужасном трясении» (1756) говорил, что оно должно «устрашить нас грешных и отвести от беззаконий наших»: «вина бо землетрясениям есть Божий гнев, гнева же Божия вина суть грехи наши».¹ Однако возражений насчет Божьего гнева в «Слове о рождении металлов...» не находится. Как показал А. Шёнке, в подтексте выступления Ломоносова была поэма Вольтера.²

Французский автор сожалел об участии смертных и обвинял в бессердечии философов, утверждающих, что «всё – благо» (*tout est bien*):

---

¹ Это «Слово» имело большой успех и впоследствии стало хрестоматийным учебным текстом (перепечатано, например, хрестоматии А.Д. Галахова). В 1759 г. Ломоносов, усмотрев в одной проповеди Гедеона пренебрежительный намек на свою «Риторику», написал на него эпиграмму «К Пахомию»: «Пахомей говорит, что для святого слова / Риторика ничто, лишь совесть будь готова. / Ты будешь Казнодей, лишь только стань попом / И стыд весь отложи. Однако врешь, Пахом. / На что риторику совсем пренебрегаешь? / Ее лишь ты одну и то худенько знаешь. / Василий, Златоуст – церковные столпы – / Учились долее, как нынешни попы: / Гомера, Пиндара, Демосфена читали / И проповедь свою их штилем предлагали. <...> Ты словом Божиим незнание закрываешь / И больше тех мужей у нас быть уповаешь; / Ты думаешь, Пахом, что ты уж Златоуст! / Но мы уверены о том, что мозг твой пуст. / Нам слово Божие чувствительно, любезно / И лишь во рте твоём безсильно, бесполезно. / Нравоучением преславной Телемак / Стократ полезнее твоих нескладных врак» (VIII, 658).

² Шёнке А. Эстетика стихийного бедствия у Богдановича и его перевод «Поэмы на разрушение Лиссабона» Вольтера // Тыняновский сборник. – Вып.13: XII–XIII–XIV Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. – М.: Водолей, 2008. – С.29–41.

O malheureux mortels! ô terre déplorable!
 O de tous les mortels assemblage effroyable!
 D'inutiles douleurs, éternel entretien!
 Philosophes trompés qui criez: «Tout est bien»;
 Accourez, contemplez ces ruines affreuses...

<...>

Au spectacle effrayant de leurs cendres fumantes,
 Direz-vous: "C'est l'effet des éternelles lois
 Qui d'un Dieu libre et bon nécessitent le choix?"

Ср. начало поэмы в переводе Богдановича:

Несчастливый народ! плачевная страна,
 Где всех ужасных язв жестокость собрана!
 О, жалость вечная, воспоминанье слезно!
 Обманутый мудрец, кричишь ты: всё полезно;
 Приди, взгляни на сей опустошенный град...

<...>

Курящийся зря пепл, не скажешь ли ты мне,
 Что должно было так, чтоб град сей был несчастен,
 И нужно то Творцу, который благ и властен?¹

По словам В.А. Левшина, Вольтер «...хотел доказать, что Бог не есть всеблагий, или, когда Он всеблагий, то не всемогущий».² Прежде всего он оспаривал благость законов мироздания, объяв-

¹ Богданович И.Ф. Стихотворения и поэмы / Вступ. статья, подг. текста и примеч. И.З. Сермана. – Л.: Советский писатель, 1957. – С.207. – (Библиотека поэта, бс. Изд 2-е). Здесь и в других местах перевода Богданович последовательно смягчал стихи оригинала, делая их менее вызывающими в отношении к христианским представлениям о Боге и более чувствительными (см.: Шёнле А. Указ. соч. – С.35–38; см. также: Вагеманс Э. Указ. соч. – С.116–118).

² Левшин В.А. Письмо, содержащее некоторые рассуждения о поэме г. Вольтера на разрушение Лиссабона, писанное В. Лвшнм к приятелю его Господину З*** <1788> // Мысли о душе: Русская метафизика XVIII века / Подгот. текстов, вступ. статья, примеч. Т.В. Артемьевой. – СПб.: Наука, 1996. – С.221.

ляя принуждающий к страданию закон «тираническим» («la loi tyrannique» – verse 130) и требуя от Бога откровения:

La nature est muette, on l'interroge en vain;
On a besoin d'un Dieu qui parle au genre humain.
Il n'appartient qu'à lui d'expliquer son ouvrage,
De consoler le faible, et d'éclairer le sage.

(v. 163–166)

Ср. у Богдановича:

Неведущ смертный, слеп, и все грозит ему.
Мы тщетно вопрошать немую мним природу,
А должно, чтоб Творец явил то смертных роду;
Один лишь может Он свои дела открыть,
Исправить немощных и мудрых умудрить.¹

Требуя от Бога нового откровения и умалчивая о Священном Писании (о Евангелии, благой вести), Вольтер отрицал истинность и достаточность веры христиан. Под видом полемики с Лейбницем (упомянутым в поэме) Вольтер нападал на самые основы христианства, отрицая веру в благого и человеколюбивого Бога. Кому-то при этом могло казаться, что Вольтер полемизирует с деистами, сторонниками естественной религии, заботясь о поддержании веры в богооткровенность религии христианской. Так, например, хотелось думать А.П. Сумарокову, писавшему о его трагедии «Заира» (1732), что, «...сочиняя сию Драму, Автор о том имел попечение, дабы Христианский Закон утвердить в сердцах наших и отвлечи беззаконников, сих заблужденных людей, от естественного Богопочитания, которые не приемлют Священного Писания».²

¹ Богданович И.Ф. Стихотворения и поэмы. – С.210.

² Сумароков А.П. Мнение во сновидении о французских трагедиях // Сумароков А.П. Полн. собр. всех сочинений в стихах и прозе / Собраны и изданы <...> Н. Новиковым: [В 10 ч.]. – Ч.4. – М.: в Унив. тип. у Н. Новикова, 1781. – С.353. Далее Сумароков прямо обращался к Вольтеру: «А Заира никогда из моды не выйдет; христианский Закон не исчезнет никогда, по словам вочеловечившегося Бога. Вы сделали великое, по общему христианскому мнению, дело, проповедавая и утверждая хри-

Ломоносов не питал сумароковских иллюзий насчет Вольтера. В письме к И.И. Шувалову от 3 октября 1752 г. он дал ему самую резкую характеристику и обличил в безбожии,¹ а в письме от 2 сентября 1757 г. выразился, что Вольтер «человек опасный».² Возможно, лишним поводом для последнего высказывания было знакомство с поэмой «На разрушение Лиссабона».

По наблюдению А. Шёнле, в «Слове о рождении металлов от трясения земли», произнесенном 6 сентября 1757 г., Ломоносов «... отвечает Вольтеру почти по пунктам», и, в частности, «если Вольтер упрощает Бога разъяснить свой замысел, то Ломоносов доверяет способности науки выявить разумный мировой строй, свидетельствующий о благодати Бога».³ Возмущение Ломоносова было вызвано не сомнением в качестве законов природы, а отрицанием возможности их познания и (добавим) веры в благодать Промысла Божия.

Ломоносов был задет и как ученый-естественник, и как верующий христианин. Вольтер выражает непонимание законов приро-

---

ствия; хотя и думают безбожники, что вы сею прекрасною Трагедиею отвлекаете людей от истинного Богопочитания, и уже зараженных людей, еще заражаете. Ежели бы вы были Деист; так бы я в вечном остался неведении, ради чего вы сию Трагедию сочинили. А зная что вы христианин, ведаю и то, что вы ее сочинили, умножая нашу ко Христианству верность» (Там же).

¹ «Не могу преминуть, чтоб вашему превосходительству не прислать Волтеровою музы нового исчадия, которое объявляет, что он и его государь безбожник, и то ему в похвалу приписать не стыдится перед всем светом. Приличнее примера натти во всех Волтеровых сочинениях невозможно, где бы виднее было его полоумное остроумие, бесовственная честность и ругательная хвала, как в сей пане[ги]рической пасквиле, которую на ваше пронизательное рассуждение отдая, с глубоким почитание[м] непременно пребываю...» (X, 473–474). По предположению Я.К. Грота, поддержанному комментаторами ПСС, речь шла о шуточном послании Вольтера к Фридриху II «Прусскому королю» («Au roi de Prusse», 1751) (X, 810–811).

² Письмо к И.И. Шувалову от 2 сентября 1757 г. (X, 525). Речь шла о помощи Вольтеру в работе над историей Петра Великого; в том же письме Ломоносов говорит о предстоящем ему 6 сентября 1757 г. произнесении «академической речи», т.е. «Слова о рождении металлов...»

³ Шёнле А. Указ. соч. – С.33.

ды, но заявляет о своем праве судить и порицать Бога и пути Его Промысла. Ломоносов знает эти законы, объясняет причины землетрясений и приносимую ими «пользу» в естественном порядке вещей, но не признает за человеком права своим ограниченным умом судить о путях Промысла Божия и сомневаться в том, что Бог все делает для блага человека. Научному агностицизму и религиозному скептицизму Ломоносов противопоставляет стремление к познанию законов природы и безусловную веру в Бога как Премудрого и Благого Творца и Промыслителя вселенной и человека, его Защитника и Покровителя.

«Слово о рождении металлов...» начинается таким рассуждением: «Когда ужасные дела натуры в мыслях ни обращаю, слушатели, думать всегда принужден бываю, что нет ни единого из них толь страшного, нет ни единого толь опасного и вредного, которое бы купно пользы и услаждения не приносило. Божественным некоторым промыслом присовокуплены приятным вещам противные быть кажутся, дабы мы, рассуждая о противных, большее услаждение чувствовали в употреблении приятных» (V, 196).

Комментируя этот текст, можно было бы ограничиться указанием на европейскую «философию оптимизма» (Лейбниц, А. Поп), если бы в его основе не лежало вполне определенное произведение из другой традиции, а именно принадлежащее Иоанну Златоусту «Слово о том, что кто сам себе не вредит, тому никто вредить не может»,¹ которое *трижды* процитировано в «Риторике» Ломоносова (VII, 129–130, 138–139). Это одно из тех произведений Златоуста, которые относятся к актуальному контексту для «Оды, выбранной из Иова». И в двух начальных предложениях «Слова о рождении металлов...» не случайно возникают две лексемы из ее последней строфы: «польза» и «рассуждая».

В полемике Ломоносова с Вольтером словно воспроизводится ситуация Книги Иова. Вольтер оказывается в роли требующего от Бога ответа многострадального Иова (с той разницей, что *он не страдает, а вступает за пострадавших, сам не нуждаясь ни в ка-*

---

¹ См.: Иоанн Златоуст. Слово о том, что кто сам себе не вредит, тому никто вредить не может // Иоанн Златоуст. Творения <...> в русском переводе: [В 12 т.]. – Т.3. Кн.2. – СПб.: Изд. С.-Петербургской дух. акад., 1897. – С.475–496.

ком утешении), а Ломоносов (невольно) – в роли Бога (с той разницей, что он обращается не к тому, кто обвинял и требовал ответа).

«Слово о рождении металлов от трясения земли», созданное во время Семилетней войны, заканчивается обращением России к императрице Елизавете Петровне: «Обильна, украшена, прославлена, отовсюду защищена красуюсь. Я в полной безопасности паки слышу гремящее твое победоносное оружие, которого силы чувствуя уже, гордый неприятель, устремившийся на верных твоих союзников, со стыдом вспять обращается небесным покровительством, твоею властью, силою, законным предприятием и раболепствующим тебе счастьем, намерение твое во благих совершится. И по славных над сопостатами твоими победах, разливший по земной поверхности воды и теми ужасный внутрь ее огонь обуздавший Строитель мира укротит пламень войны дождем благодати и мир Свой умирит твоим мироискательным воинством»¹ (V, 346; курсив мой – В.К.).

Эта искусная риторическая концовка имеет религиозно-дидактическую интенцию (кроме панегирической) – подобную той, что есть в последней строфе «Оды, выбранной из Иова». Ломоносов обращается к тому, кто находится в трудном положении (в данном случае это Елизавета Петровна), и внушает надежду на покровительство Божие и лучшее будущее. Он это делает, предварительно указав на благодать Промысла Божия, действующего в физическом мире, и на сегодняшнее благоденствие России, которая «обильна, украшена, прославлена, отовсюду защищена». Также в «Оде, выбранной из Иова» вывод от автора подкреплён предшествующей речью Бога о том, что Он все создал, надо всем властвует и желает явить человека совершенным, и имплицитной отсылкой к тому, что многострадальный праведный Иов был вознагражден: «Господь же благослови последняя Иовля, неже прежняя...» (Иов 42:12).

Таким образом, в научно-популярном «Слове о рождении металлов...» Ломоносов от описания законов природы переходит к

---

¹ А. Шёнле дал к этим заключительным строкам «Слова» несколько ироничный комментарий: «Как ни странно, после того Ломоносов пытался доказать силу землетрясений, он все-таки сулит их прекращение в будущем, Богом санкционированном архитектурическом и геополитическом умиротворении» (Шёнле А. Указ. соч. – С.33).

утверждению мысли о Боге как о «Строителе» и Царе вселенной и Правосудном Судии, укрепляющем праведных (а не как о Законодателе, что в принципе имело бы большую логическую связь с предыдущими естественнонаучными выкладками). В том, что это не просто фигура речи, убеждают имплицитная отсылка к Иоанну Златоусту в начале этого «Слова» и его внутренняя соотносительность с «Одой, выбранной из Иова».

В «Оде <...> Императрице Елисавете Петровне <...> декабря 18 дня 1757 года» (написанной вскоре после «Слова о рождении металлов...») находим утверждение той же идеи непрекращающейся власти Творца над вселенной и, между прочим, достоинства Священного Писания как Божественного Откровения (не удовлетворявшего Вольтера и не признаваемого им):

Его – земля и небеса,
Закон и воля повсеместна,
Поколь нам будет неизвестна
Его щедрота и гроза.

Правители, судьи, внушите,
Услыши вся словесна плоть,
Народы с трепетом внемлите:
Сие глаголет вам Господь
Святым Своим в Пророках духом;
Впери всяк ум и вникни слухом:
Божественный певец Давид
Священными шумит струнами,
И Бога полными устами
Исайя восхищен гремит.¹

(VIII, 636)

Спор с поэмой Вольтера «На разрушение Лиссабона» Ломоносов ведет отнюдь не с позиции деиста (отрицающего Откровение), а как верующий христианин и ученый-естественник. Его по-

---

¹ Далее в трех строфах (13–15) следует речь Бога, в которой использованы выражения из Псалтири, Книги пророка Исайи и Евангелия от Марка (2:19): «Жених как идет из чертога, / Так взойдет с солнцем радость многа; / Врагов советы раззорю» (VIII, 637).

зицию нельзя отождествить и с позицией Лейбница, автора «Теодицеи» (1710), и его последователей (тем более что актуальность для Ломоносова «Теодицеи» сомнительна: ни в одном из его текстов нет свидетельства интереса к этому произведению¹). В «Слове о рождении металлов от трясения земли» Ломоносов вообще выступает не как участник философской дискуссии, а просто пользуется случаем лишний раз продемонстрировать, что «христианская вера <...> Божиему творению не может быть противна» («Явление Венеры на Солнце...», 1761; II, 375), поддержать авторитет естественных наук, популяризировать геологию, выразить свою лояльность к внешней политике императрицы, ведущей военные действия в Европе, а также (по обычаю своих торжественных од) внушить слушателям уверенность в блистательности будущего России и в особенном благоволении к ней Бога.

Последнее вытекало из традиционного представления о России как хранительнице истинной веры – Православия. Из этого представления и исходит Ломоносов. С поэмой Вольтера он вступает в полемику не потому, что был взволнован его софистикой, а потому что опасался вреда от нее для своих соотечественников. К ним (а не к Вольтеру, не к оппоненту, как это было бы в философской дискуссии) он и обращается, указывая на «Божественный промысел», неизменно пекущийся о человеке, защищающий праведных и вознаграждающий их за страдания, а Россию – возвеличивший и обезопасивший от стихийных бедствий, подобных Лиссабонскому землетрясению.

Вместо попытки решить затронутую в поэме Вольтера общую проблему философии и богословия и дать свой вариант теодицеи, Ломоносов обращается к конкретной аудитории с научно-просветительской речью и практическими рекомендациями – с

¹ По указателю к ПСС, Лейбниц у Ломоносова упоминается только один раз, причем в переводном сочинении – «Вольфианской экспериментальной физике» (I, 424, 430; см.: XI, 377). Единственную до сих пор специальную работу см.: *Тукалевский В.Н.* Главные черты мирозозерцания Ломоносова: (Лейбниц и Ломоносов) // М.В. Ломоносов. 1711–1911. Сб. статей под ред. В.В. Сиповского. – СПб., 1911. – С.13–32. О русском ученом и поэте здесь есть такое замечание: «Все произведения Ломоносова – это сплошное преклонение перед могуществом Творца мира и его премудростью» (Там же. – С.26).

призывом заниматься науками, почитать царскую власть и хранить православную веру, а в современном военном положении – надеяться, что вскоре «Строитель мира укротит пламень войны дождем благодати».

В религиозно дидактическом плане концовка «Слова о рождении металлов...» параллельна стихам последней строфы «Оды, выбранной из Иова»: «Он все на пользу нашу строит, / Казнит кого или покоит. / В надежде тяготу сноси / И без роптания проси». Богданович в переводе заключительных стихов поэмы Вольтера употребил три слова из этих строк («польза», «роптание», «надежда»):

Полезно будет всё – вот только что нас льстит,
Но сердце, что теперь *полезно всё*, не верит:
Почто так хочет Бог, то смертный не измерит;
Покорствую, стенья и токи слез лия,
И воле Вышнего терпя подвержен я.
Мой голос прежде был пастушьею свирелью,
Стремился петь любовь, стремился я к веселью;
Теперь, как старость мой переменяла нрав,
И слабости людей я, с возрастом узнав,
Ища во мраке лжи, я истины блистанье
Не знаю более, как плакать без роптанья.
Калифа некогда, оканчивая век,
В последний к Богу час сию молитву рек:
*«Я всё то приношу Тебе, о Царь вселенной!
Чего нет в благодати Твоей всесовершенной:
Грехи, неведение, болезни, слезы, стон».*
Еще б прибавить мог к тому *надежду* он.¹

---

¹ Богданович И. Ф. Стихотворения и поэмы. – С. 212 (курсив автора). Ср. в оригинале Вольтера: «*Un jour tout sera bien, voilà notre espérance; / Tout est bien aujourd'hui, voilà l'illusion. / Les sages me trompaient, et Dieu seul a raison. / Humble dans mes soupirs, soumis dans ma souffrance, / Je ne m'élève point contre la Providence. <...> Un calife autrefois, à son heure dernière, / Au Dieu qu'il adorait dit pour toute prière: / "Je t'apporte, ô seul roi, seul être illimité, / Tout ce que tu n'as pas dans ton immensité, / Les défauts, les regrets, les maux, et l'ignorance."* / Mais il pouvait encore ajouter *l'espérance*».

Вместо философской язвительности Вольтера у Богдановича жалоба и просьба об утешении. По комментарию А. Шёнле к последним стихам, в переводе оказалось, что «...поэт не в состоянии учить, поскольку он никакими знаниями не обладает, но он может своим пением выразить жалость к подобным себе. Своим “стонущим” голосом он призывает к состраданию. Это и есть для Богдановича смысл поэмы Вольтера и смысл поэзии в целом».¹

Вольтер, прежде всего, философствует и полемизирует, уничтожая определенную философскую доктрину. Обвиняя Творца, он рассчитывает не на сочувствие, а на возражения, на продолжение дискуссии, в ходе которой, как он уверен, окончательно victorious торжествует над оппонентами. Богданович, напротив, выражает свою растерянность и неготовность занять определенную позицию: «Хочу учитель быть – и ничего не знаю»² (как отметил А. Шёнле, это единственный стих в его переводе, не имеющий соответствия в оригинале³). Он, прежде всего, жалуется и словно бы ожидает утешения (а не возражений). Поэтому переключка с последней строфой «Оды, выбранной из Иова», где автор утешает и обнадеживает находящегося в «горести», возникает вполне естественно (может быть, и произвольно).

Едва ли в переводе Богдановича можно было увидеть неприязненный намек на Ломоносова,⁴ скорее наоборот – в чем-то он солидарен с ним и оказывается (в отличие от Вольтера) в роли ропшущего «в горести» человека, которому для утешения Ломоносов адресовал свое переложение из Книги Иова. Вместе с тем Богданович хотел бы услышать и возражения, но не себе, а Вольтеру, чьи «философические мысли» производили на молодого поэта, конечно, куда большее, чем на Ломоносова, впечатление.

---

¹ Шёнле А. Указ. соч. – С.38–39.

² Богданович И.Ф. Стихотворения и поэмы. – С.211.

³ Шёнле А. Указ. соч. – С.38.

⁴ По замечанию И. Клейна, первые строки перевода (см. выше) «...могли быть поняты <современниками> как неприязненный намек на Ломоносова и его речь “о рождении металлов”» (Клейн, И. Раннее Просвещение, религия и церковь у Ломоносова // Клейн И. Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С.297).

В первом сборнике своих стихотворений «Лира» (1773) Богданович перепечатал небольшой фрагмент перевода поэмы (включающий процитированную выше концовку) под заглавием «Философические мысли г. Волтера», а сразу за ними поместил стихотворение «Философические мысли некоторого французского писателя»:

Неблагодарны человеки!
Вотще судьбу вините вы,
Что тако кратки ваши веки,
Что вы родились таковы.
В своих стремленьях безрассудны,
Вы в свете только жизнью скудны;
Стараясь ону сократить
И расточая всюду время,
Сугубите свое лишь бремя
В желаньях смерть предупредить.¹

Это стихотворение, помещенное рядом с отрывком из поэмы Вольтера, выглядит как возражение на его «философические мысли» с моралистических позиций, близких к «философии оптимизма». Вольтер ставил на вид оппонентам то, что они не учитывают страданий невинных (равнодушны к ним). Автор приведенного стихотворения упрекает тех, кто винит «судьбу», в неблагодарности к ней и недолжном образе жизни. Богданович в миниатюре воспроизвел европейскую полемику с автором поэмы «На разрушение Лиссабона», обнаружив готовность в чем-то согласиться с обеими спорящими сторонами и поэтически выразить обе точки зрения, т.е. отнестя к острейшей интеллектуальной дискуссии своего времени с философским дилетантизмом профессионального поэта.

В этом можно усмотреть некоторое сходство с тем, как отнесся к ней Ломоносов. В «Слове о рождении металлов от трясения земли» он лишь воспользовался возбужденным этой дискуссией общественным интересом к вопросам мироустройства как пред-

---

¹ <Богданович И.Ф.> Ли́ра, или Собрание разных в стихах сочинений и переводов, некоторого Муз любителя. – СПб.: при Имп. акад., 1773. – С.48; ср.: Богданович И.Ф. Стихотворения и поэмы. – С.218. Оригина́л стихотворения неизвестен.

логом для пропаганды научных знаний, внушения любви к отечеству, почтения к царю и убеждения в истине христианской веры в благого, всемогущего и человеколюбивого Бога.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РЕЧЬ БОГА К ИОВУ В СТИХОТВОРНЫХ ПЕРЕЛОЖЕНИЯХ КОНЦА XVIII - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

* * *

2.1.

*«Ода, выбранная из Иова» М.В. Ломоносова
в откликах поэтов конца XVIII – начала XIX века*

2.2.

*Н.П. Николев и его «Ода, выбранная из Иова,
из тех же глав, из коих выбирал г. Ломоносов»*

2.3.

«Песнь Сотворившему вся» С.А. Ширинского-Шихматова

2.4.

«Переложения из Библии» Е.Л. Милькеева

2.5.

Бегемот и левиафан в поэме Ф.Н. Глинки «Иов»

2.1.

«Ода, выбранная из Иова» М.В. Ломоносова в откликах поэтов конца XVIII – начала XIX века

Ломоносовская «Ода, выбранная из Иова» для писателей (и читателей) следующих поколений являлась классическим, образцовым произведением. Ее разучивали в школах и знали наизусть¹ (это стало одной из причин длительного успеха антипавловского памфлета С.Н. Марина, написанного в форме пародии на нее: «О ты, что в горести напрасно, / На службу ропщешь, офицер...»²). Для поэтов ода Ломоносова являла собой некий эталон «библейского» стихотворения. Первое в русской поэзии XVIII в. оригинальное стихотворение на библейские темы – «Краткое описание Священной истории стихами» А.Ф. Протопопова³ (1769), состоящее из 103 восьмистишных строф, – по форме строф копирует «Оду,

---

¹ Выше (1.1) упоминалось, как ее цитировал гоголевский Хлестаков (там же см. высказывания П.А. Катенина и К.С. Аксакова).

² Пародия получила рукописную известность еще в царствование Павла I, точнее она не датируется (см.: *Песков А.М.* Марин Сергей Никифорович // *Русские писатели 1800–1917.* – Т.3: К–М. – М., 1994. – С.518); впервые напечатана А.И. Герценом в «Историческом сборнике вольной русской типографии в Лондоне» (Кн.2. – Лондон, 1861. – С.17–20); позднее не раз переиздавалась, см., например: *Русская стихотворная пародия (XVIII – начало XX в.)* / Вступ. статья, подг. текста и примеч. А.А. Морозова. – Л.: Советский писатель, 1960. – С.130–133 (текст), 691–692 (примеч.). – (Библиотека поэта, бс. Изд. 2-е). С.Т. Аксаков, искренний почитатель Ломоносова, считавший «Оду, выбранную из Иова» лучшим его произведением, вспоминал, как во время учебы в Казанском университете (1805–1807), начав декламировать ее перед профессором Г.Н. Городчаниновым, «по непостижимой рассеянности» прочел первые два стиха пародии Марина; см.: *Аксаков С.Т.* Семейная хроника и воспоминания. – М.: Тип. Л. Степановой, 1856. – С.368–369 («Воспоминания: Университет»).

³ См. о нем: *Шишкин А.Б.* Протопопов Андрей Федотович // *Словарь русских писателей XVIII века.* – Вып.2: К–П. – СПб.: Наука, 1999. – С.500. С 1768 г. он числился студентом Московского университета, в 1769–1777 гг. преподавал в университетской гимназии. Умер, вероятно, не ранее 1797 г., когда вышел сборник переложенных им псалмов: *Смысл псалмов царя и пророка Давида, избранных по произволению трудившегося, предложенный стихами в Нижнем Новгороде.* – М.: в Унив. тип., у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1797. – 49 с.

выбранную из Иова» и содержит заимствования из нее (и других стихов Ломоносова), хотя история Иова здесь не упоминается. Вот одна показательная строфа:

Прославлен чудными делами
Во всех народах вышний Царь!
Премудрыми всегда судьбами
Казнит или покоит тварь;
Он гневом злых искореняет
И добрых племя умножает:
Убил Содом гнев небес;
Но Авраамов плод вознес.¹

Все первое четверостишие – контаминация стихов Ломоносова из похвальной «Оды <...> 1747 года» («Ужасный чудными делами / Зиждитель мира искони / Своими положил судьбами / Себя прославить в наши дни...»²), «Утреннего размышления» («И, на Твою взирая тварь, / Хвалить тебя, бессмертный Царь») и «Оды, выбранной из Иова» («Он все пользу нашу строит, / Казнит кого или покоит»).

Откликом на оду Ломоносова является стихотворение Павла Павловича Иковского (1760–1811)³ «Глас Божий к человеку», опубликованное в журнале «Вечерняя заря» в 1782 г.⁴ Это первое напечатанное произведение 22-летнего автора, выпускника Московского университета, а вскоре одного из членов-учредителей петербургского Общества друзей словесных наук (и, между прочим, близ-

¹ Протопопов А. Ф. Краткое описание Священной истории стихами / Сочиненное Императорского Московского Университета студентом Андреем Протопоповым. – [М.]: при Имп. Моск. университете, 1769. – С.9 (строфа 24; в оригинале строфы не нумерованы).

² Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: [В 10 т.]. – Т. 8. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 199. Все следующие в этой главе цитаты из стихов Ломоносова даются по этому изд. без постраничных ссылок.

³ См. о нем: Степанов В. П. Иковский Павел Павлович // Словарь русских писателей XVIII века. – Вып. 1: А–И. – Л.: Наука, 1988. – С. 352–353.

⁴ Иковский П. П. Глас Божий к человеку // Вечерняя заря. – 1782. – Ч. 3. – Сентябрь. – С. 43–46.

кого друга С.С. Боброва с 1780 г. до конца его дней¹). Стихотворение состоит из 10-ти строф. Приводим первые две и последнюю:

Внемли, о смертный, бодрым слухом,
Внемли! Творец к тебе гласит!
Еще ль ты ходишь, смутен духом?
Еще в тебе мой образ спит!
На то ли он в тебе вселился,
Чтоб сам рабом рабу явился;
И тело, вместо чтоб служить,
Над ним господствие прияло
И душу узами связало?
Еще ль ты можешь то сносить?

Прости свое повсюду око
На все, чему я быть судил;
Вселенной поле зри широко,
Где мудрость с силой я явил!
Найдешь ли ты перед собою
Величеством и красотою
Какую предпочтенну тварь?
К твоим услугам все стремится,
Не ясно ли оттоле зрится,
Что сам в тебе вселенной Царь?
<....>

Сбери все силы расточенны,
Оттряси дремоту очей,
И трезвым духом ополченный,
Иди во след моих лучей!
Ужасны трудностей громады
Презрев, ищи в душе отрады;
И сим ты шествуя путем,
Обрящешь паки рай веселый,
И плод твоих стараний спелый
Сладчайшей пищей будет в нем.

---

¹ Об отношениях и творческих контактах Иковского с Бобровым см. по указателю в нашей кн.: *Коровин В.Л. Семен Сергеевич Бобров. Жизнь и творчество.* – М.: Academia, 2004.

Текстуальные заимствования из «Оды, выбранной из Иова» и «Утреннего размышления» здесь заметить нетрудно («Сбери все силы...», «Прости свое повсюду око...»). Интересней, что представленная в стихотворении речь Бога к человеку соотносится автором не с текстом из Книги Иова, а исключительно с одой Ломоносова. Икосов извлек из нее тему достоинства человека и развил в специфичном для масонства ключе: человек должен вспомнить о своем великом предназначении и великих возможностях, пробудиться от духовного сна, просветиться светом истины («Оттряси дремоту очей <...> Иди во след моих лучей!») и, путем самосовершенствования, своими «стараниями» очистившись от плотских, «скотских» вожделений (в третьей строфе: «Но ты, забыв свою ту цену, <...> За Бога плоть свою считая, / Ее желанья угождая, / Жизнь скотскую всегда ведешь!»), вернуться к исходному блаженству («Обрящешь *паки* рай веселый»). Сами по себе масонские коннотации здесь не удивительны, если иметь в виду окружение автора в тот период и то, что стихотворение напечатано в соответствующем журнале. Удивительно, что они возникают в отклике на оду Ломоносова, отталкиваясь от которой, Икосов развивает идеи, диаметрально противоположные тем, что, состязаясь позднее с той же одой, будет акцентировать Н.П. Николев (см. ниже – 2.2). Поэтические отклики двух этих авторов на «Оду, выбранную из Иова» можно отметить как факты ее масонской и антимасонской рецепции.

В сборнике М.М. Вышеславцева (тестя В.Л. Пушкина) «Приношение религии», в его первой книжке (1798), ода Ломоносова была напечатана под заглавием «Немощь человеческая. Из Иова».¹ Перед ней Вышеславцев поместил свое переложение псалма 8 под заглавием «Слава Божия». Первая и последняя строфы в нем дословно повторяются:

Велик Господь, велик Ты! – Силен!
Ты чудесами изобилен! –
Ты землю всю дивишь Собою!

---

¹ Приношение религии / Издатель М.М. Вышеславцев: [В 2 кн.]. – Кн.1. – М.: в Унив. тип., 1798. – С.20–27.

Какая окружает слава!
Как велика Твоя держава!
Как небо низко пред Тобой!¹

Здесь Вышеславцев, подобно Ломоносову в двух его «Размышлениях», прославляет величие Творца и утверждает мысль о Его абсолютном превосходстве над творением (даже небо «низко» перед Ним).

Во второй книжке сборника (1801) Вышеславцев поместил свое переложение псалма 45 под заглавием «Сила Божия», еще откровенней перекликающееся с названием оды Ломоносова в его сборнике – «Немощь человеческая». Вот начальные строфы «Силы Божией»:

Бог нам прибежище и сила,
И в скорбях Он помощник Сам;
Хотя б смерть лютая грозила,
Ничто, ничто не страшно нам.

Хотя вселенная смутится,
Хоть в море лягут гор сердца;
Но правому чего страшится?
Имеет в Боге он Отца.²

Первые шесть стихов почти дословно повторяют текст псалма, последние два – добавлены, сочинены Вышеславцевым.³ В них эксплицируется мысль, что праведник ни при каких обстоятельствах не может по-настоящему потерпеть вреда («Но правому чего страшится?»), ибо Бог ему Отец, «прибежище и сила». Это как раз та мысль, которую внушал читателям Ломоносов в «Оде, выбранной из Иова» (и Иоанн Златоуст в «Слове о том, что кто сам себе не вредит, тому никто вредить не может»). Озаглавив ломоносовскую оду «Немощь человеческая», Вышеславцев определенным образом ее интерпретировал (но совсем не так, как Николев, страст-

¹ Там же. – С.18.

² Там же. – Кн.2. – М.: в Университетской типографии, 1801. – С.70.

³ Ср.: «Бог нам прибежище и сила, помощник в скорбех обретших ны зело. Сего ради не убоимся, внегда смущается земля, и прелагаются горы в сердца морская» (Пс 45:2–3).

но доказывавший ничтожество человека, чтоб опровергнуть мысль о его *правах* перед Богом). Представление «немощи человеческой» в сборнике Вышеславцева находится в тесной связи со «славой Божией», открывающейся в «чудесах» Его творения, и «силой Божией», совершенно неодолимой и направленной к благу человека. В отличие от Иковского и Николева, Вышеславцев обнаруживает близкое Ломоносову и вполне традиционное мирозерцание, в котором Бог и человек, вера и знание находятся в неконфликтных отношениях.

При всех различиях рецепции «Оды, выбранной из Иова» у Иковского, Николева и Вышеславцева, их стихотворения свидетельствуют о том, что писателями XVIII в. активно осмыслялась не только ее художественная форма, но и идейное содержание.

Отдельные образы оды Ломоносова – в первую очередь, кит-ливиафан, введенный им в русскую поэзию, неизбежно служили фоном для сходных поэтических изображений. Так, в поэме М.М. Хераскова «Царь, или Спасенный Новгород» (1800) левиафан возникает для сравнительного описания воинственности и жестокости героя в сражении:

Представь ливияфана в море
Среди бесчисленных ладей;
Имея пламень в ярком взоре,
Он давит как тростник людей;
Где черны ребра прилегают
Оттоле волны убегают:
Таков ужасен был Сегон;
В крови ступал и плавал он.¹

О литературной влиятельности оды Ломоносова из Иова говорит и тот факт, что ее брали за образец не только в библейских переложениях. Так, В.В. Капнист в предисловии к переводу од Горация привел первые ее пять строф в качестве примера «витийственного распространения» «картин подлинника» (тут же приведен славянский текст Иов 38:1, 3–13) и добавил: «Подражая, соот-

---

¹ <Херасков М.М.> Царь, или Спасенный Новгород, стихотворная повесть. – М.: Унив. тип. у Ридигера и Клаудия, 1800. – С.164.

ветственно слабым способностям моим, превосходному примеру сему, осмелился я в некоторых местах перевода моего од Горациевых употребить свободу распространения...»¹ Ранее одну из своих программных горацианских од Капнист посвятил Ломоносову («Гений-пиит (Ломоносов)», 1791?)² и ввел в нее видоизмененную цитату из «Оды, выбранной из Иова» как репрезентирующую все его духовные оды:

Творца глаголы повторяя,
На суд ли смертного с ним звал?
«Он, гласом грома прерывая,
Словами небо колебал.
С покрытия пучины мглою
Хаосный, леностный туман
Разгнал всеильною рукою
И с суши сдвинул океан».³

В собственных духовных одах (переложениях псалмов) Капнист ориентировался на опыт переложения Ломоносова из Книги Иова (а не на его парафразы псалмов). Во-первых, потому что псалмы тоже перелагал свободно, «распространяя» их, а во-вторых, потому что ввел в них мотивы из речи Бога в ломоносовской интерпретации. Например, в начале оды «Вездесущность и Промысл Божий. Псалом 138» (1806):

---

¹ Капнист В.В. Опыт перевода и подражания Горациевых од / Изд. подготовил А.О. Дёмин. – СПб.: Наука, 2013. – 14–17. – (Литературные памятники). При жизни Капниста этот задуманный им сборник не вышел. «Предисловие» сохранилось среди его рукописей второй половины 1800-х – начала 1810-х гг.; впервые полностью опубликовано в 1960 г. (см. о нем в статье и комментариях А.О. Дёмина: Там же. – С.320–323, 366–370).

² Капнист В.В. Опыт перевода и подражания Горациевых од. – С.102–106. Ода была опубликована в 1806 г. А.О. Дёмин датирует ее 1791 г., связывая с полемикой по поводу «Изображения Фелицы» Державина (Там же. – С.333–334). См. также: Дёмин А.О. О датировке трех горацианских од В.В. Капниста // Державин и его время: Сб. науч. статей. – Вып.5. – СПб.: «ВИРД», 2009. – С.20–28.

³ Капнист В.В. Опыт перевода и подражания Горациевых од. – С.103.

Творец миров и человека!
Ты испытал меня, узнал;
И сокровенны издалика
Мои Ты мысли угадал.

Все подвиги мои Ты знаешь,
Пути мои все видишь Ты,
И каждый шаг мой назираешь
Недремно с горней высоты.

В уме рожденное лишь слово
Известно сердцу одному,
Из уст лететь едва готово,
Дошло уж к слуху Твоему.¹

Первые стихи отсылают не только к псалму 138², но и к строфе о творении человека у Ломоносова («Как персть Я взял в начале века, / Дабы создати человека, / Зачем тогда ты не сказал, / Чтоб вид иной тебе Я дал?»). Стихи Капниста выглядят как ответ того, кто утешился и прекратил «роптанье». Третья строфа – аллюзия на слова Бога, повторенные Иовом в ответной речи: «Кто сей скрывавай от Мене совет, содержи же глаголы в сердцах, Мене же ли мнится утаити?» (Иов 38:2; 42:3). Напомним, что Олимпиодор, с которым согласовывался Ломоносов (см. 1.4), толковал их как слова одобрения Иова, засвидетельствовавшие его беспорочность: «Итак, говорит Он, полагаешь ли ты, Иов, что скрыт от меня? Знаю, что ты подвизаешься добрыми подвигами пред лицом Нашим, ничто, касающееся тебя, от Меня не скрыто. <...> или предполагаешь, что Я не знал о твоих сражениях? Я хорошо знаю твое беспорочное вну-

¹ Капнист В.В. Избр. произведения / Вступ. статья Г.В. Ермаковой-Битнер; подг. текста и примеч. Г.В. Ермаковой-Битнер и Д.С. Бабкина. – Л.: Советский писатель, 1973. – С.81. – (Библиотека поэта, бс. Изд. 2-е).

² В приведенных строфах (и следующей, четвертой) распространяются начальные стихи псалма: «Господи, искусил мя еси и познал мя еси: ты познал еси седание мое и востание мое. Ты разумел еси помышления моя издалика: стезю мою и уже мое Ты еси изследовал и вся пути моя провидел еси. Яко несть лъсти в языке моем: се, Господи, Ты познал еси вся последняя и древняя: Ты создал еси мя и положил еси на мне руку Твою» (Пс 138:1–5).

треннее расположение, если даже ты молчишь, если даже пользуешься не столь ясными словами».¹

Отступая от текста псалма, Капнист акцентирует беспорочность говорящего и вводит слово «подвиги» («Все подвиги мои Ты знаешь...»), показывая, что подразумевает ситуацию, аналогичную представленной в последних главах Книги Иова (в понимании Олимпиодора и Ломоносова). Картина отношений человека и Бога – праведника и его Всемогущего Промыслителя – у Капниста очень близка духовным одам Ломоносова (как в этом, так и в других его переложениях псалмов).

Поэты, делавшие переложения из самой Книги Иова, тем более оглядывались на пример Ломоносова, не могли его не учитывать. Первое в русской поэзии полное переложение Книги Иова осуществил Ф.Н. Глинка в 1829–1834 гг. (изд. 1859). Другие обращавшиеся к ней авторы конца XVIII – первой половины XIX в. вслед за Ломоносовым перелагали речь Бога к Иову. Такие переложения находятся у Н.П. Николева (1795), С.А. Ширинского-Шихматова (1817) и Е.Л. Милькеева (1841), в позднейшее время – у Л.А. Мея (1860) и М.С. Абрамовича (1887).

---

¹ Олимпиодор Александрийский. Комментарий на Книгу Иова: [фрагменты] / Вступ. статья, пер. с древнегреч. К.В. Норкина // CURSOR MUNDI: Человек Античности, Средневековья и Возрождения. – 2014. – №6. – С.92.

2.2.

Н.П. Николев и его «Ода, выбранная из Иова, из тех же глав, из коих выбирал г. Ломоносов»

В 1795 г. вышла из печати первая часть «Творений Николая Петровича Николева, Императорской Российской Академии члена», составленная из его духовных стихотворений.¹ Среди них помещена «Ода 27. Выбранная из Иова, из тех же глав, из коих выбирал г. Ломоносов, с прибавлением свободным почерпнутых мыслей из того же источника» (I, 61–67).² Она никогда не перепечатывалась и не привлекала внимания исследователей.

Николай Петрович Николев (начало 1750-х или 1758–1815) в свое время был одним из ведущих русских авторов (по крайней мере, до конца 1790-х гг.). В историю литературы он вошел, главным образом, как драматург, хотя это лишь одна сторона его творчества. Другие, представленные в пяти частях его «Творений» (куда драматические сочинения не вошли), изучались мало или, во всяком случае, неравномерно. Духовные стихотворения вообще не изучались. В единственном до недавнего времени монографическом исследовании о Николеве (1890)³ насчет них сказано только то, что они наполняют весь первый том «Творений» и, «...не имеющие больших литературных достоинств, проникнуты теплою верой».⁴

Новое исследование о нем появилась недавно – в книге М.Г. Альтшуллера (2013)⁵, который, в частности, уточнил дату ро-

---

¹ Николев Н.П. Творения...: [В 5 ч.]. – Ч.1: Духовные стихотворения. – М.: в Унив. тип., 1795. – 342 с. (членом Российской академии, о чем сообщается на титуле издания, он стал в 1792 г.; см.: Сухомлинов М.И. История Российской академии. – Вып.1. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1875. – С.18). Ссылки на «Творения» Николева далее даются в тексте: римская цифра – том, арабская – страница.

² Эта ода – последняя, имеющая в заглавии номер. Перед нею помещены переложения псалмов, после нее – нумерованные оригинальные стихотворения.

³ Чебышев А.А. Н.П. Николев: (Историко-литературный очерк) // Филологические записки. – Воронеж, 1890. – Вып.3. – С.1–34; – Вып.4–5. – С.35–59.

⁴ Там же. – С.7.

⁵ Альтшуллер М.Г. Николай Петрович Николев («Русский Мильтон») // Альтшуллер М.Г. В тени Державина: Литературные портреты. – СПб.: Изд-во «Пушкинский дом», 2014. – С.225–468 (два других раздела в этой

дения Николева (не 1758 г., как считали раньше, а начало 1750-х гг. – «вероятнее всего, в 1750–1752 гг.»¹) и то, что ослеп он не в ранней молодости, а «в самой середине 1790-х гг.»: прежде имело место ухудшение зрения, а тогда он «по-настоящему ослеп, то есть лишился возможности самостоятельно творчески работать (читать и писать)».² Последнее обстоятельство немаловажно, так как позволяет сделать предположение насчет побудительного мотива к сочинению его духовных стихотворений (в книге М.Г. Альтшуллера тоже не обсуждающихся) и времени их создания (все они впервые напечатаны в «Творениях»). Возможно, большинство из них было написано в связи с обострением религиозных чувств слепнувшего поэта незадолго до публикации в 1795 г., в том числе и «Ода, выбранная из Иова, из тех же глав, из коих выбирал г. Ломоносов».

Николев не раз декларировал, что является почитателем Ломоносова и его последователем. В программном «Лиро-дидактическом послании» (1791) он упомянул Ломоносова четыре раза, а рассуждение о нем в «Пополнительных примечаниях на Лиро-дидактическое сочинение» (1796) завершил восклицанием: «Муж великий! Зодчий слова российского! ты есть и будешь жив в потомстве. Чем совершеннее рода твоего дарования предуспевают, чем выше *Гении-поэты* на *Пинде* российском возвышаются, тем более... более имя твое, дар и творения твои славимы» (III, 177).

Почитатели Николева в качестве одной из самых лестных похвал его стихам высказывали следующее: «Подобные стихи конечно сделали бы честь и самому *Ломоносову*, но об них не знают. Кто

книге посвящены Е.И. Кострову и Н.С. Смирнову; нашу рецензию на нее см.: Новое литературное обозрение. – 2015. – №3(133). – С.381–383). Общие сведения о Николеве см. также: *Кочеткова Н.Д.* Николев Николай Петрович // *Словарь русских писателей XVIII века.* – Вып.2: К–П. – СПб.: Наука, 1999. – С.350–357.

¹ Альтшуллер М.Г. Указ соч. – С.240. По данным оспариваемой здесь первой биографии Николева, он родился «в 1758-м году, ноября 10-го дня» (Маслов С.А. Краткая биография Николая Петровича Николева // *Сын Отечества.* – 1816. – Ч.28. – №12. – С.197). Н.Д. Кочеткова (Указ. соч. – С.350) как дату его рождения указала «ок. 1758» (тоже, видимо, сомневаясь в достоверности сообщения первого биографа).

² Альтшуллер М.Г. Указ. соч. – С.243.

примет на себя труд читать пять томов *творений Николева*? Ныне во всем ищут *легкости*».¹

В одной из своих торжественных од Николев призывал «дух» покойного Ломоносова, как бы предлагая ему вещать устами своего последователя:

Восстань, гремящих дел певец,
О дух бессмертный, Ломоносов!
Гряди приять другой венец,
Воспевши днешний подвиг россов!

«Ода на победу, одержанную российским флотом
над турецким, 31 июля 1791 г.» (II, 138)

Ю.В. Стенник отмечал, что «оды Николева пестрят многочисленными заимствованиями из ломоносовских од», но общность их «носит чисто внешний характер».² По его словам, «государственность позиции ломоносовских од, служившая источником их возвышенного пафоса, перерастает у Николева в казенный патриотизм официальной государственности, призванной воспевать и оправдывать любые политические акции правительства, и с этой точки зрения приобретающий в конце XVIII в. подчас реакционный смысл».³ Иначе говоря, как авторы похвальных од они преследовали разные цели. Объяснить это можно не сервилизмом позиции Николева, а тем, что он творил в другую эпоху, когда характерный для Ломо-

¹ <Маслов С.А.> Описание дружеского празднества в воспоминание Николая Петровича Николева // Сын отечества. – 1817. – Ч.36. – №9. – С.93. Эта похвала высказана по поводу одной строфы оды «Отец Отечества» (1796): «Порядок есть его держава, / Благотворение – венец; / Все честолюбие и слава – / Блаженство подданных сердец. / Их души истиной питая, / В их благе благо обретая, / Брежет как собственну их кровь; / Он польза им и оборона. / Его ж столпы блестяща трона – / Суд правды и граждан любовь» (III, 41); ср.: Поэты XVIII века: В 2 т. – Л.: Советский писатель, 1972. – Т.2. – С.66. – (Библиотека поэта, бс. Изд. 2-е).

² Стенник Ю.В. Ломоносов и Николев: (Некоторые тенденции в развитии жанра похвальной оды последней четверти XVIII в.) // Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти академика В.В. Виноградова. – Л.: Наука, 1971. – С.62–63.

³ Там же. – С.67–68.

носова государственно-патриотический пафос служил уже иным целям – «реакционным», т.е. отвечал на какие-то новые вызовы.

Прославление монарха и монархии в одах Николева, современника Французской революции, имело в подтексте полемику с противниками самого монархического принципа, чего не было у Ломоносова, которому не от кого было его защищать. Николев делает его предметом философской рефлексии и обосновывает с нравственных и религиозных позиций, как, например, в имевшей успех у современников оде «Отец отечества» (1796):

О воля! в коей съединенны
Для правых и благих путей
Несчетны воли, разделенны
Духопадением людей,
Хаосом нравов, смесью мнений,
Сих родников предрассуждений,
Покрывших тьмой земной округ.
О Гений, властью полезный!
Отец отечества любезный!
По сану царь, по чувству друг!

(III, 34)¹

В той же оде, впрочем, есть предупреждение, что бывает не только «Царь-правда», но и «Царь-обман», а в примечании к одному месту в «Лиро-дидактическом послании» Николеву пришлось сделать оговорку: «Российской Империи правление есть *Монархическое*, а не *деспотическое* (так, как иностранные писатели ложно о том думали); паче при владении Екатерины II, запретившей верноподданным своим называться рабами...» (III, 296).

Как сочинитель духовных од Николев был в сходном положении и имел в виду аудиторию, безразлично или враждебно относящуюся к христианству, тогда как Ломоносову, напротив, приходилось предупреждать возможные упреки в неправоверии (в котором, впрочем, он не считал себя повинным). Воспитанник княгини Е.Р. Дашковой,² Николев с ранней юности принадлежал к кругам,

¹ Ср.: Поэты XVIII века. – Т.2. – С.62.

² М.Г. Альтшуллер полагает, что «княгиня забрала отрока к себе в дом не ранее 1765 г.», т.е., по его выкладкам о дате рождения Николева, в воз-

в которых религиозное вольнодумство, хотя бы умеренное, было почти нормой и признаком хорошего тона. В его «Сатире на развращенные нравы нынешнего века» (в редакции 1797 г.) читаем:

Умей лишь в сборищах бранить закон и Бога,
Во все тебе дома отверстая дорога...

(IV, 66)

В ранней редакции, изданной в 1777 г. («Сатира на обычаи и нравы развращенных людей нынешнего века»), которую сам автор датировал 1770 г., приведенных строк еще не было,¹ что весьма характерно. Смолоду Николев, видимо, был не чужд религиозного вольнодумства и политического либерализма, легкие признаки которых способствовали успеху его трагедии «Сорена и Замир» (1784, пост. 1785, опубли. 1787), написанной под влиянием трагедий Вольтера.² Тем больше позднее у него было причин, сочиняя

расте 14–15-ти лет (Альтшуллер М.Г. Указ. соч. – С.230). Согласно первой биографии поэта (1816), это произошло в шестилетнем возрасте: «... одаренный приятною наружностью и живым характером, на шестом году своего возраста обратил на себя особое внимание Княгини Екатерины Романовны Дашковой, которая, по родственному знакомству с его родителем, выпросила сына на свое попечение» (Маслов С.А. Краткая биография Николая Петровича Николева. – С.198–199).

¹ См.: Поэты XVIII века. – Т.2. – С.491–493 (примеч. Г.С. Татищевой). Здесь в качестве примера приведен отрывок из ранней редакции, соответствующий стихам 77–166 окончательного текста (где находится процитированное двустипшие).

² См.: Кодлубовский А. «Сорена и Замир» Николева и трагедии Вольтера // Известия отделения русского языка и словесности Импер. Акад. наук. – 1908. – Т.12. – Кн.1. – С.185–204. Сюжет «Сорены и Замира» восходит к трагедии Вольтера «Альзира». Насчет упоминаний Вольтера в «Творениях» Николева есть замечание П.Р. Заборова: «Что же касается неоднократных упоминаний Вольтера в его сочинениях, то они имеют почтительный или нейтральный характер, когда речь идет о Вольтере-поэте (см.: Творения, ч.3, с.134, 162), и обличительный, когда идет речь о Вольтере – политическом мыслителе и философе (там же, ч.4, с.57, 109)» (Заборов П.Р. Русская литература и Вольтер. XVIII–первая треть XIX века. – Л.: Наука, 1978. – С.89 [сноска 55]). Свое отношение к Вольтеру Николев выразил в таких стихах: «Свободы ложныя и злой тщеты пример, / С глаголом Божиим смешавший слог безбож-

духовные оды, воображать себя защитником веры и нравственности, который не ищет славы у модной молодежи, пленяющейся прозой Н.М. Карамзина.¹

Николев в духовных одах часто обличает «разврат» и вольнодумство как характерную черту своего времени, когда дерзают отрицать даже бытие Божие, причем делает это как в оригинальных стихотворениях, так и в переложениях псалмов. В особенности, например, оде «Из псалма 13» на слова «Рече безумен в сердце своем: несть Бог» (приводим первые три строфы):

Рече безумен: «Бога нет!
Он не внимает и не видит».
Так мяя ничтожить Божий свет,
По мерзостям растлся идет.

Но с высоты небесной Бог,
Созданье все обозревая,
Зрит, кто из человеков мог
Так мнить о нем разумеая.

И нечестивых сонмы... тьма
Очам Создателя предстала;
Все умословят без ума,
У всех душа развратна стала.

(I, 24–25)

В письме «Автор к издателю», помещенном в третьей части «Творений» (1796), Николев жаловался на хулителей первой части, а среди прочего засвидетельствовал о любопытном упреке в свой адрес: «Одни кричали: как осмелился я передразнить *Ломоносова* и *Сумарокова*, преложа те же Псалмы, кои и они прелагали? буд-

---

ный, / Бессмертный муж пером, а верою ничтожный» («Послание к Панину»; IV, 109).

¹ О полемике Николева с Карамзиным см.: Арзуманова М.А. Из истории литературно-общественной борьбы 90-х годов XVIII в.: (Н.П. Николев и Н.М. Карамзин) // Вестник ЛГУ. – 1965. – №20. Серия истории, языка и литературы. – Вып.4. – С.73–83; Альтишуллер М.Г. Указ соч. – С.336–389, в особенности с.365–374 (о нападках на Карамзина и И.И. Дмитриева в третьем томе «Творений»).

то я в угодность их обязан лишиться простительного самолюбия; обязан думать, что между Ломоносовым, Сумароковым и мною более расстояния, нежели между ими и Давидом, устами коего возглашал к самому Себе Бог» (III, 3).

Именем Сумарокова (который переложил Псалтирь полностью) Николев маскировал тот факт, что из 26-ти переложений псалмов в первой части его «Творений»¹ восемь – это псалмы, переложённые Ломоносовым (1, 14, 26, 34, 70, 103, 143, 145), т.е. *все* переложённые им псалмы.² Николев явно соревновался с «зодчим слова русского». Если же учесть, что сразу за псалмами как ода 27 напечатано переложение речи Бога к Иову, а среди следующих стихотворений находится «Гимн утренней заре» (I, 91–93), где речь идет о солнце (как в «Утреннем размышлении» Ломоносова), то становится ясно, что это соревнование было планомерным.

Среди переложений псалмов Николева есть метрические эксперименты (оды «из псалмов» 5, 6, 7, 11), но все те, которые переложил Ломоносов, написаны в той же, что у него, форме. Так, единственный у Ломоносова переложённый хореем (а не ямбами) псалом 14 Николев тоже переложил хореем:

Господи! кто населяет
Стран надзвездных Твой чертог?
Кто свой дух увеселяет
Там Твоей любовью, Бог?

(I, 26)

Ср. у Ломоносова: «Господи, кто обитает / В светлом доме
выше звезд?...»

Переложение псалма 26 у Николева выглядит почти как плагиат:

Спаситель мне и свет Господь,
Кого, кого я убоюсь?
Хранит Он мне и дух и плоть,
Кого, кого я устрашуся?

¹ Это переложения псалмов 1–8, 9 (разделено на две оды), 10–14, 26, 34, 44, 45, 70, 71, 96, 103, 143, 145, 148.

² За вычетом короткого (в одно четверостишие) 116 псалма в «Риторике» Ломоносова, никогда не печатавшегося среди его духовных од.

<...>

От матери я и отца
Еще в младенчестве оставлен,
Но от всецедраго Творца
Для блага моего избавлен.

<...>

Неколебимо сердце будь,
О Господе мужайся твердо;
Надежно совершай свой путь:
С тобою око милосердо!

(I, 26–28)

Здесь и начало ломоносовское (ср.: «Господь – Спаситель мне и свет: / Кого я убоюсь? / Господь сам жизнь мою блюдет: / Кого я утешусь?»), и добавленный к исходному тексту псалма мотив детского сиротства: «в младенчестве оставлен» (ср.: «Меня оставил мой отец / И мать еще в младенстве...»), и слово «мужайся» в последней строфе (ср.: «Ты, сердце, духом укрепишь, / О Господе мужайся...») (здесь, впрочем, это слово есть и в тексте псалма).

Однако было бы несправедливо обвинять Николева, весьма оригинального поэта и умелого версификатора, в элементарном плагиате. Следуя Ломоносову *по форме*, в некоторых случаях он поправляет его *по смыслу*, т.е. иначе интерпретирует текст псалма, а часто привносит и посторонние ему мотивы.

В процитированном переложении 26 псалма мотив детского сиротства Николев (у которого он тоже был автобиографическим¹) ввел по примеру Ломоносова, но не ограничился этим, а еще добавил и мотив духовного зрения (в восьмой строфе):

Да к светлости Его вперю
Душевные очи повсечасно,
Щедроты Божьей луч узрю,
Согрею сердце им подвластно.

(I, 27).

---

¹ Если не сомневаться в сообщении первого биографа Николева (см. в сноске выше).

Этот мотив – не прямо из псалма¹, а из переложения Ломоносова (ср.: «Ко свету Твоего лица / Вперяю взор душевный / И от всещедрого Творца / Приемлю луч всedневный»), однако, в отличие от него, Николев определенно подразумевает свою физическую слепоту: «сердце», которое «подвластно» «душевным очам» (следовательно, неподвластно впечатлениям видимого мира), – не самый тривиальный образ (не имеет опоры в тексте псалма и заключительный стих: «С тобою око милосердо»).

В переложении 70 псалма у Ломоносова в 17-й строфе («От уст моих распространится / О истине Твоей хвала, / Благодеяний слух промчится / Тобой мне бывших без числа») купирован один стих славянского текста: «Уста моя возвестят правду Твою, весь день спасение Твое, *яко не познах книжная*» (Пс 70:15). Ломоносов поступил так по двум причинам: 1) в еврейском оригинале этот стих читался иначе: «Уста мои буду возвещать правду Твою, всякий день благодеяния Твои, *ибо я не знаю им числа*», и в данном случае он предпочел этот вариант (опираясь на латинскую или немецкую Библию); 2) Ломоносов не мог применить к себе слова «не познах книжная» (что значит: «ибо я не знаю книжного искусства»²), зато мог опасаться, что мысль о превосходстве безыскусной веры и похвалы над книжной ученостью и литературным (риторическим) искусством истолкуют в свою пользу оппоненты светской науки и литературы, и без того, на его взгляд, склонные к обскурантизму.³ Поэтому, вопреки своему общему правилу (см. выше 1.1), он и пропустил этот стих в своем переложении. И именно в этом месте Николев его «поправил»:

Из уст моих рекой польется
Господней правде похвала;

¹ Ср.: «Тебе рече сердце мое, Господа възыщу. Възиска Тебе лице мое, лица Твоего, Господи, възыщу» (Пс 26:8).

² *Евфимий Зигабен*. Толковая Псалтырь. Изъясненная по святоотеческим толкованиям / Пер. с греч. – Изд. 3-е. – Киев: Тип. Киево-Печерской лавры, 1907. – С.550.

³ См., например, эпиграмму Ломоносова «К Пахомию» (1759), вызванную порицательным высказыванием Гедеона (Криновского) о риторике (процитирована в сносках выше – 1.7).

По всей вселенной разнесется,
Безвестна хоть для книжна зла.

(I, 42; курсив мой – В.К.)

Николев ввел пропущенное Ломоносовым в переложении слово («книжна»), но вместе с отсутствующей в тексте псалма мыслью. Книжное знание и искусство он однозначно представил как «зло», чуждое вере в Бога и благодарности Ему: «Господней правде похвала <...> Безвестна... для книжна зла» (возможно, не без влияния Сумарокова, который слова «не познах книжная» передал как «не тронут хитростью я злою»¹). Эта «поправка» обнаруживает, что Николев стоит на иных, чем Ломоносов, мировоззренческих позициях и (или) преследует другие цели (в данном случае – осуждает некие уважаемые образованными людьми, но «вредные» с точки зрения религии и нравственности литературные сочинения).

В «Лиро-дидактическом послании» Николева есть строки оде «Бог» Г.Р. Державина:

И ложно то, что будто слог
Красив словесными кудрями.
Прекрасна смыслом ода Бог,
А не кудрявыми словами.

(III, 120)

По замечанию М.Г. Альтшуллера, «приняв идею оды, ее “содержание” (величие Божества), он не принял ее “формы”, назвав стихи Державина “кудрявыми словами”».² В отношении Николева к Ломоносову имело место обратное: принимая «форму», он не всегда принимал «содержание».

¹ «Наполню мир Твоей хвалою, / Твоею правдой все места: / Не тронут хитростью я злою; / А то гласят мои уста» (Сумароков А.П. Полн. собр. всех сочинений в стихах и прозе. – Ч.1. М.: в Унив. тип. у Н. Новикова, 1781. – С.94, «Из 70 псалма»).

² Альтшуллер М.Г. Указ. соч. – С.379. Здесь же (с.379–380) см. о попытке Николева в «Пополнительных примечаниях» оправдаться, что в этих стихах «прекрасный смысл» и «кудрявые слова» относятся к двум разным одам под заглавием «Бог» (державинской и какой-то неизвестной, возможно, придуманной Николевым).

* * *

«Выбранная из Иова» ода Николева построена в точности по образцу оды Ломоносова. Написана такими же восьмистишными строфами, только с инверсированной последовательностью стихов с женскими и мужскими окончаниями (у Ломоносова – АбАбГГдд, у Николева – аБаБгГдд). Переложение речи Бога так же помещено в обрамление строф от автора и переложены те же места из Книги Иова. В частности, из всех животных, описанных в оригинале, Николев тоже представил только орла (названного «пернатых царь»), бегемота и левиафана. Ломоносов к речи Бога добавил две строфы собственного сочинения – о творении светил небесных (3-я) и человека (13-я). У Николева им соответствуют строфы 7-я и 18-я, являющиеся вариациями не библейского, а непосредственно ломоносовского текста.

Количество строф различается (у Ломоносова – 14, у Николева – 19), но композиционное соответствие при этом не нарушено: на месте одной первой строфы от автора у Николева три строфы (1–3); на месте первой строфы в речи Бога Ломоносова («Збери свои все силы ныне...») у Николева тоже три строфы (4–6); на месте 5-й строфы в оде Ломоносова («Возмог ли ты хотя однажды...») у Николева две строфы (9–10); на месте 6-й строфы Ломоносова, заканчивающейся упоминанием ада («Ты спер ли адовы уста?»), у Николева две строфы (11–12), вторую из которых он особо посвятил аду; на месте трех строф ломоносовского описания Левиафана у Николева только две строфы (16–17) (единственный случай сокращения, а не «распространения»).

Николев рассчитывал, что его оду будут читать параллельно с одой, взятой за образец, сравнивая их и делая какие-то выводы. Вряд ли он думал продемонстрировать свое превосходство над Ломоносовым в таланте и поэтическом искусстве. Зачем же он решился на рискованное состязание с величайшим, по его мнению, русским поэтом, да еще и с одним из лучших его произведений?

Ключ к ответу дан в заглавии оды Николева: «Ода, выбранная из Иова, из тех же глав, из коих выбирал г. Ломоносов, с прибавлением свободным почерпнутых мыслей из того же источника» (курсив мой – В.К.). У Ломоносова он не находил каких-то важных для себя мыслей, которые, по его мнению, обязательно следовало по-

черпнуть из Книги Иова. К ее содержанию пожилой поэт-слепец, в юные зрячие годы блиставший в аристократических верхах общества, не мог относиться равнодушно. Он, вероятно, был неудовлетворен тем, как оно представлено у Ломоносова, пожелал оспорить жизнеутверждающий пафос его оды и заявить о своем понимании библейской книги.

СТРОФЫ ОТ АВТОРА

Вступление к переложению у Николева занимает три строфы и начало четвертой. В них он делает полемичные по отношению к Ломоносову установки:

<1>

Престань роптать на Бога, раб,
Любя пути развратны века;
Не Бог, а ты для блага слаб,
Хоть создал с силой человека.
Внуши Того глагол в твой слух,
Кто яко легким клубом вдруг
И небом и землею вращает,
Внуши, что к Иову вещает.

<2>

Седяй в безвестности своей
Поверх высот всех граней сущих,
Где свет – воззрение очей,
Светилам мира свет дающих,
Для коего как плоть ефир,
Что в небесах лазурь, сапфир
И солнце с блещущим сияньем
Своим являет отрепьяньем.

3

Где дух в величии, красе
Все оживляет теплотою;

Где все есть Он, а Он есть все,
Как Сый, Един и сам собою,
Обозря манием очес
Всю необъемлемость небес,
Воззрел на землю – на песчинку,
На Иова – как на пылинку.

<4>

Воззрел, и так ему изрек...

(I, 61–62)

Ломоносов обращался любому к человеку, который «в горести» ропщет, Николев – к современнику, возлюбившему «пути развратны века», т.е. к заведомо виноватому. Ломоносов говорит с читателем, как добрый учитель с учеником: объясняет, советует, обнадеживает. Николев с первых слов принимает на себя роль пророка, свыше уполномоченного обличить обнаглевшего грешника и поставить его на место: «Престань роптать на Бога, раб...» Слово «раб» он использует в исключительно уничижительном смысле, вопреки библейской книге, где оно является высшею похвалой: Бог называет так Иова, свидетельствуя о его праведности пред дьяволом (Иов 1:8; 2:3), а в конце перед его друзьями (42:7–8).¹

¹ «Древние экзегеты, истолковывающие обращенные Богом к друзьям Иова Его слова, постоянно подчеркивают, что Господь, свидетельствуя о добродетелях Иова, не перестает с любовью именовать праведника Своим Собственным рабом, слугой: *вы говорили о Мне не так верно, как раб Мой Иов* (Иов 42, 7); *пойдите к рабу Моему Иову и принесите за себя жертву; и раб Мой Иов помолится за вас... вы говорили о Мне не так верно, как раб Мой Иов* (Иов 42, 8). Так, Олимпиодор пишет: “заметь, что Он [Господь] называет Иова Своим рабом, почитая праведника таким именованием, причем не один раз, но многократно”. То же самое подтверждает и святитель Григорий Великий, полагающий, что тем самым Господь подчеркивает приобретенное ныне Иовом подлинное и святое смирение, а также его верное служение своему Творцу: “И легко заметить, что не было сказано, что “*вы не говорили предо Мною так верно, как Иов*”, но как *раб Мой Иов* (Иов 42, 8), а именно с тем, чтобы в разговоре отметить его характерную черту, введя упоминание о его рабском служении Богу; тем самым Он подчеркивает, что все сказанное Иовом

Первая строфа оды Николева написана как реплика в споре, как ответ на только что прозвучавшие слова: «Престань роптать... <...> Не Бог, а ты для блага слаб...» Автор обращается к отрицающему всемогущество и благость Бога – не просто к страдающему, а к дерзко и безбожно мыслящему человеку. Адресат оды – тот, кто разделяет мысли, подобные высказанным в поэме Вольтера «На разрушение Лиссабона», где он, по словам современника Николева, «...хотел доказать, что Бог не есть всеблагий, или, когда Он всеблагий, то не всемогущий».¹ Николев включает в чисто интеллектуальную дискуссию, в которой ни одна сторона не нуждается в утешении, а требуется только доказать свою правоту – опровергнуть оппонента или, по крайней мере, заставить его замолчать.

Это иная ситуация, чем у Ломоносова, который (как и Бог в его переложении) обращается к тому, кто, может быть, ни в чем не виноват, а только растерялся и стал жаловаться. Бог у него говорит с праведником (Иовом), обладающим духовною силой, и призывает его собраться и ободриться («Збери свои все силы ныне, / Мужайся, стой...»).

Николев (и Бог в его переложении) говорит с тем, кто порицает мироустройство из-за того, что его желания не удовлетворяются, и отстаивает свои права, иными словами – с много о себе возомнившим и претендующим на что-то слабым и ничтожным грешником. Этот человек – «раб» и «для блага слаб», хоть создан был «с силой». Так Николев напоминает о первородном грехе, о том, что природа человека – падшая. И сразу указывает на абсолютное ничтожество земли и человека в глаза Бога, чью речь далее предстоит выслушать: «Воззрел на землю – на песчинку, / На Иова – как на пылинку».

в собственную защиту он произнес не с высокомерной гордостью, но со смирением истины» (Малков П.Ю. Возлюбивший Христа: Святоотеческие толкования на книгу Иова. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2014. – С.816).

¹ Левшин В.А. Письмо, содержащее некоторые рассуждения о поэме г. Вольтера на разрушение Лиссабона, писанное В. Лвшнм к приятелю его Господину З*** <1788> // Мысли о душе: Русская метафизика XVIII века / Подгот. текстов, вступ. статья, примеч. Т.В. Артемьевой. – СПб.: Наука, 1996. – С.221.

Иные, чем у Ломоносова, выводы предлагает Николев и в заключительной строфе «от автора»:

<19>

О человек! – речь Божью вняв,
Оставь твое суждение ложно;
Надежду в Боге восприяв,
Терпи, терпи колико можно!
Всех действий Бог причину зрит:
Отъемлет или дар творит,
Все правосудно есть и благо;
Заслуги зрит, пред Ним все наго.

(I, 67)

Ломоносов в последней строфе советует, *«рассуждая»* об услышанном от Бога, довериться Его «святой воле», а Николев – оставить «суждение ложно» (что в контексте его оды значит оставить всякое рассуждение). В ломоносовском понимании страдания имеют *цель* («на пользу нашу»), а у Николева – *причину*: «Всех действий Бог причину зрит».

Вслед Ломоносову Николев призывает читателя к терпению и надежде, но делает это в разительно отличающихся выражениях.

У Ломоносова: «Имей свою в терпении часть. <...> В надежде тяготу сноси...» Он указывает, что человеку *полезно* потерпеть свою «часть» невзгод, помня, что Бог оберегает его от горших и непосильных и «все на пользу нашу строит».

У Николева: «Оставь свое суждение ложно; / Надежду в Богу восприяв, / Терпи, терпи колико можно!». В способности терпеть человек представляется существом неполноценным. Николев допускает, что есть *непереносимые* для человека страдания, которыми он *расплачивается* за свои грехи. «Восприять» «надежду в Боге» у него значит надеяться на помилование и избавление от страданий, а не увериться в том, что страдает человек ради собственной «пользы».

Ломоносов заканчивает призывом к смирению и молитве: «И без роптания проси».

Николев заканчивает утверждением: «Все правосудно есть и благо; / Заслуги зрит, пред Ним все наго». Последние слова зна-

чат, что перед Богом обнажены все тайные пороки и грехи. Николев подводит законное основание для страданий: человек страдает потому, что сделался своевольным и возлюбил «пути развратны века». «Роптать» на Бога не только «напрасно» (т.е. несправедливо и бесполезно, как нужно понимать это у Ломоносова), но еще и преступно. Бог «отъемлет или дар творит» по Своему усмотрению. «Раб» должен унять свой «ропот», прежде всего, из страха перед неминуемым наказанием за него. При этом у Николева нет ни слова о «пользе нашей» и, хотя утверждается, что «все правосудно есть и благо», показан лишь один вид правосудия – устрашение ослабевшего раба за его слабость и ничтожество. Как будто благочестиво подчеркивая дистанцию между Богом и человеком и греховность человеческой природы, Николев (может быть, не вполне отдавая себе в этом отчет) рисует далекую от христианства картину отношений жестокого хозяина и бесправного раба, причем ничтожным у него выглядит не только человек, но и все творение, которым Творец презрительно вращает «яко легким клубом» (I, 61). Бог в его оде получает черты злого демиурга гностиков.

ТВОРЕЦ И ТВОРЕНИЕ

Бог у Николева начинает речь к Иову с изъяснения гнева в его адрес:

<4>

Воззрел, и так ему изрек:
«Исполня гласом мира слухи,
Колебнув глубь морей и рек,
Соделав трески громов глухи,
И клокот бездн и бурь всех рев,
Да познает неправда гнев,
И сколь Тот есть велик, обилен,
Кто сдвинуть океан был силен!

<5>

О Иов, ропщущ и скорбящ!
Прибегни к должному терпенью!

Познать судьбы Мои хотящ,
Уже готовится к паденью;
Но ропот попустя уму,
Ответствуй Богу своему,
Оружьем слова ополчась,
Колико можешь умудряся:

<6>

Имел ли Иов существо,
Как небо Я творил и землю,
Да зрится в лике естество,
Что на Себе как плоть подъямлю,
Как словом буди создал свет,
Растений царство, древо, цвет,
Явил Свои в светилах взоры,
Сребра и злата полны горы?

(I, 62–63)

Обращаясь к Иову по имени, Бог выражает понимание его положения и почти сочувствие («О Иов, ропщущ и скорбящ!»), но тут же объявляет терпение страданий «должным», т.е. предписанным человеку, являющимся его обязанностью перед Творцом, а желание «познать пути» Божии – греховным: «Познать судьбы Мои хотящ, / Уже готовится к паденью...»

В строфу о творении светил небесных Николев вводит догматическое положение о творении мира «из ничего» (словесно не выраженное у Ломоносова, что Николев, наверное, считал упущением):

<7>

Помысль – твоя могла ли мощь
Из ничего создать вселенну,
День с солнцем, а с луною ночь
В черту поставить непременно...

(I, 63)

Подчеркнуть, что мир был сотворен из ничего, для Николева было важно в порядке философской полемики, в укор тем, кто думает иначе, и он это делал неоднократно, в том числе в программ-

ном «Лирико-дидактическом послании», ставя в пример сочинителям духовных од боговдохновенных авторов Священного Писания: «Красу природы обозрев / (И буде силам то возможно) / К причинам действий ум прострев, / Не дерзостно и не безбожно, / Не чтя началом вещество, / Во песнях славят Божество / И сердца обнажают ревность: / Да жар в душе не будет скрыт, / Да воспевают, как Давыд / Воспел щедроты Божьи в древность» (III, 122; курсив мой – В.К.).

У Ломоносова стих с упоминанием ада (Иов 38:17: «Отверзаясь же ли тебе страхом врата смертная, вратницы же адовы видевшие тя убояшася ли?»¹) переложен в четырех стихах, занимающих половину строфы (6-й). У Николева это переложение занимает всю строфу:

<12>

Ты смел ли шаг хоть раз простерть
К жилищу мрачного дыханья,
И страшна ада дверь приперть
Без трепета и содроганья?
Возмог ли тартар сокрушить,
Геенну духом затушить,
А рай представить маньем взгляда,
Да верных усладит отрада?

(I, 65)

Николев использует сразу три синонима: ад, тартар, геенна. Последнее слово должно напомнить, что ад – это место мучения грешников, геенна огненная², от которой один Бог волен спасти человека. И тут же поэт указывает на рай (не упомянутый ни в оригинале, ни у Ломоносова), который Бог может даровать «верным». Тем самым Николев, с одной стороны, подчеркивает свое христианское правоверие, а с другой, продолжает преследовать основную в этой оде цель – склонить слушателя к отказу от своеволия и

¹ В рус. пер. нет слова «ад»: «Отворялись ли для тебя врата смерти, и видел ли ты врата тени смертной?» (Иов 38:7).

² В Священном Писании слово «геенна» встречается только в Евангелиях (Мф 5:29; 23:33; Мк 9:43, 9:45, 47; Лк 12:5).

к покорности Богу, рисуя перед ним перспективы вечного мучения или вечного блаженства.¹

Только Бог решает, кому погибнуть, а кому жить. И это касается не только воздаяния в будущей жизни: таково устройство этого мира в изображении Николева, где Бог откармливает жертвы для насыщения хищников. Такая картина представлена в строфе об орле:

<14>

Воззри в верхи на дивну тварь:
Твоими ль хитрыми делами
Вознесшийся пернатых царь
В поднебесе шумит крылами,
Паря в безоблачных странах,
Зрит быстро в поле, на водах,
Все жертвы сыто накормленны,
Творцем ему определенны?

(I, 65)

БЕГЕМОТ И ЛЕВИАФАН

В отличие от Ломоносова, Бог у Николева не убеждает Иова, не пытается вызвать у него восхищение великолепием мироздания, а устрашает его, внушая, что он слаб, беспомощен и в любую минуту может быть уничтожен. Соответственно, бегемот и левиафан изображаются как опасные и безжалостные враги человека:

<15>

Яви могущество твое
С Моею тварью бегемотом,

---

¹ В акцентировании Николевым темы ада и адских мучений, возможно, сказалось влияние од Сумарокова, в которых, в отличие от ломоносовских, изображение ада стало «почти навязчивым». См. об этом: Алексеева Н.Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. – СПб.: Наука, 2005. – С.251–261, здесь с.253 (речь идет о торжественных одах).

Кто в чрево жадное свое
Тебя одним пропустит глотом;
Моги сразиться с ним посметь!
В нем жильна связь, как вервий сеть;
В нем тверда кость, как слиток меден,
Стопе колючий терн безвреден.

<16>

Поймай на острый твой багор
Царя пучин левиафана,
Чей (как свеща горяща) взор
На безднах блещет океана,
Как скован зрится из серебра,
То как недвижима гора,
Когда главою вознесется,
То с шумом, как корабль, несется.

<17>

Коль с супротивным в брань вступил,
Пучина вся в пенистых клубах,
Все волны кровью обагрил,
В гортане огонь, пилы на зубах;
Дыханьем ярости палит,
Ударом плеска все валит,
Суда на щепи раздробляет –
Кто ж Тот, Кто тварь сию являет?

(I, 66; курсив мой – В.К.)

Курсивом выделены строки, не имеющие соответствия ни в Книге Иова, ни у Ломоносова. Николев ввел их ради прояснения губительности этих тварей для человека. Он показывает прожорливых и кровожадных чудовищ, наделяя обоих чертами крокодила (способность проглотить добычу целиком и «пилы на зубах»), но, в общем-то, не интересуется зоологией. Об оде Николева нельзя сказать, как о ломоносовской, что это «песнь души, знакомой с

устройством природы». ¹ Его левиафан обитает в «океане» (как у Ломоносова), ведет себя как крокодил («Все волны кровью обагрил...»), при этом «суда на щепи раздробляет», выглядит как скованный «из серебра» и умеет высоко «главою возноситься» (вроде ящера или «змия»). Из самой Книги Иова (славянского текста) Николев для описания левиафана взял только две пропущенные Ломоносовым детали: он назван «царь пучин» («...сам же царь всем сущим в водах» – Иов 41:25), а взор его – «как свеща горяща» («...очи же его видение денницы. Из уст его исходят аки свещи горящия» – Иов 41:9–10). Это те детали, которые помогают изобразить левиафана более устрашающим, но не дают прямых демонологических ассоциаций, которые Николеву тоже оказались не нужны (он мог бы, например, назвать его не «царь пучин», а последовать за известным ему по западным переводам еврейским вариантом чтения стиха Иов 41:26: «...он царь над всеми сынами гордости»). Бегемот и левиафан у Николева не демоны, а фантастические животные, правда, с демонической функцией в мироздании – быть губителями, устрашать и наказывать грешников.

СТРОФА О ЧЕЛОВЕКЕ

Вслед за Ломоносовым Николев завершил переложение речи Бога строфой о творении человека:

<18>

Когда возмнил явить миры
В образование вселенной,
Твои ли брал на то дары,
Твоей ли строил силой тленной?
Когда Я слову плоть нарек,
Как Мною творился человек,
Где Иов был с своим советом,
С судом ума, удельным светом?

(I, 67)

¹ Филарет (Гумилевский), архиеп. Обзор русской духовной литературы. Изд. 3-е, с поправками и доп. автора. – СПб.: Изд. книгопродавца И.Л. Тузова, 1884. – С.335.

Ломоносов в строфе о человеке опирался на стихи славянского перевода Книги Иова, читающиеся в нем иначе, чем в западных, и в соответствии с православной традицией их толкования подчеркивал достоинство человека, призванного стать праведным и совершенным (см. выше 1.6).

Николев цитацию славянского текста у Ломоносова либо не распознал, либо намеренно ею пренебрег. Ему важно было подчеркнуть не ограниченность возможностей человека наряду с его высоким достоинством в глазах Бога (как у Ломоносова), а его абсолютное ничтожество. Общая мысль строфы у Николева оказалась сведенной к тому, что человек не был участником творения, а значит в советах его Бог не нуждается и к мнениям его прислушиваться не будет. «Где Иов был с своим советом, / С судом ума, удельным светом?» – эти слова значат, что человек не просто ограничен в возможностях познания мира, а *ущербен* в этом отношении и несамостоятелен. Способности его «ума» – это только «удельный свет», уделенный ему Богом. Любое суждение человека («суд ума»), не санкционированное свыше, по Николеву, заведомо будет ложным (ср. в последней строфе: «оставь свое сужденье ложно»), а в отношении к Богу и его Промыслу еще и греховным, а в конечном счете самоубийственным:

Познать пути мои хотящ,
Уже готовится к паденью...

(I, 66; строфа 19)

***

Ломоносов опирался на славянский перевод Книги Иова и восточно-христианскую традицию ее толкования (Иоанн Златоуст, Олимпиодор). Николеву последняя была не очень известна, либо не была для него актуальна. Стиль его переложения более славянизированный, чем у Ломоносова, вернее – намеренно архаизированный. Однако выражения и стихи славянского перевода, не использованные Ломоносовым, практически не используются и у Николева (одно из немногих исключений – в строфе 16-й о левиафане, см. выше). Славянизмы в лексике и синтаксисе у него только стилистический прием. Книга Иова осмыслялась им не в славянском варианте, а в одном из западных переводов, сделанных с

еврейского оригинала. Руководством для ее понимания Николеву служили не греческие отцы Церкви, а западные авторы, в том числе, вероятно, поэма Э. Юнга «Парафараза части Книги Иова» (1719) (см. о ней выше – 1.1).

В целом для Николева первостепенное значение имела традиция европейской религиозной поэзии. Друзья называли его «Русским Мильтоном», и не только из-за слепоты: по свидетельству Н.М. Шатрова, среди оставшихся после смерти Николева ненапечатанными произведений была поэма «Изгнанная Простота», «в своем роде единственная и в отношении к человеку то же, что “Потерянный Рай” ...»¹

Стефан Маслов, друг и первый биограф Николева, среди прочего обронил такое замечание: «Слог его вообще довольно чист и ясен, если только не затмевается некоторыми мистическими понятиями, которые часто встречаются в его сочинениях и были приметны в его образе мыслей».² Из каких источников питался «мистицизм» Николева, сейчас говорить преждевременно, но по некоторым признакам можно предположить, что среди них было немало католических сочинений (вопреки именованию его «Русским Мильтоном»: тут конфессиональные моменты не имели значения). В оде Николева не находится никаких определенных следов православной традиции толкования Книги Иова, но нашла отражение специально католическая доктрина о «заслугах»: историю Иова он, видимо, понимал так, что тот согрешил перед Богом своим ропотом, а оправдан был ради своих прежних «заслуг» (поэтому ода и завершается словами: «Заслуги зрит, пред Ним все наго»). Стоит также отметить, среди духовных стихотворений Николева есть написанные по мотивам сочинений блаженного Августина: «Подражание святому Августину, созерцающему с одной стороны Христа распятого, а с другой младенцом, сосущем млеко из груди Девы», «Два присутствия Божия, единое в нас самих, по словам святого Августина, а другое по всей вселенной» (I, 287–295, 298–308).

---

¹ Шатров Н.М. Песнь дружбы на кончину Н.П. Николева // Сын отчества. – 1816. – Ч.28. – №12. – С.17 (сноска). Здесь же названа «лирическая поэма “Зораида”, белыми стихами». Обе поэмы так и не были напечатаны и местонахождение их неизвестно.

² Маслов С.А. Краткая биография Н.П. Николева. – С.212.

Вступая в состязание с Ломоносовым, Николев преследовал полемические цели, но главным своим оппонентом видел не его, а тех, кто отрицает бытие и всемогущество Божие, полагается всецело на разум человеческий и оспаривает установления христианской религии и морали. Речь Бога в переложении Ломоносова виделась ему недостаточно грозной для того, чтобы поколебать самонадеянность безбожников и рационалистов. В своем переложении он постарался восполнить этот «изъян» предшественника и, как мог, запутывал вольнодумцев и отвращал их от «развратных путей века», склоняя к признанию ничтожества человека и заслуженности его страданий. Соответственно, в оде Николева Бог оказывается не защитником и покровителем человека в лице *праведного страдальца* Иова, а суровым судьей развратного и малоумного раба, готовым обрушить на его голову заранее подготовленные ужасы. Их наглядным примером в оде являются бегемот и левияфан, описанные как прожорливые и кровожадные чудовища.

На спор Иова с друзьями и его вопросы к Богу Николев смотрел сквозь призму поднятой Вольтером дискуссии со сторонниками лейбницианской теодицеи. В оригинальной «Оде Богу, в противность мирского умствования» (I, 170–174), не будучи связанным ни рамками поэтического состязания, ни необходимостью как-то придерживаться текста Священного Писания, он более непосредственно высказался о мнениях автора поэмы «На разрушение Лиссабона» и о философах-материалистах:

Но, о Боже! – сколько в мире
Восстают против Творца!
Слышу в рубище, в порфире,
Слышу горда мудреца,
Вопиющих повсечасно:
«Создал Бог меня напрасно!»
Или: «Создал – как тиран,
Коль предвидел бедства века,
Сотворяя человека,
Сам привел его в обман!»

Или судят: «Нам не должно
Ни о чем Творца просить;

Твари Бог, колико можно,
Должен Сам благотворить».

<...>

А судя толико дерзко,
Чтоб и разум оправдать,
Жив безумно, злобно, мерзко,
Мнят Творца уничтожать.
«Нет Его – и Бог не нужен!
Мир собою обнаружен:
Был, и есть, и будет век.
Вещество без Бога сильно,
Хитро в действиях и обильно,
Бог оно и человек!

Все оно производит:
Память, разум, род и вид;
Хочет, мыслит, рассуждает,
Чувствует и говорит;
Человек лишь есть машина,
Действий всех его причина:
Мера, вес, число и строй:
Жизнь вещей – колес движение,
Повредились? – разрушение,
И расстался я с мечтой!»

О гнуснейшие развраты!
Мук своих достойна тварь!
Став виной своей утраты,
Рабствуй – сотворенный царь!
Рабствуй, коль забыл начало,
С коего в ничтожность пало
Все величие твое!
Будь машина – ум имея!
Будь машина – разумя
Все могущество свое!

Я презря твое упрямство,
Бога зрю и чту вовек!

Но хоть гнусно окаянство:
Все любезен человек,
Осудя его – жалею! –
Гибель ту я разумею,
Кою гордость строит нам.
Вижду муки здесь – и тамо,
Где создание упрямо
Мзду приимет по делам.

(I, 170–174)

В Книге Иова Николев, как ему казалось, «почерпнул» «мысли», пропущенные Ломоносовым, но полезные для опровержения современных «умствований». Выразителем их в библейской книге ему виделся сам праведный Иов, поэтому Бог у Николева является разгневанным и обличает его «неправду»: «Исполня гласом мира слухи, <...> Да познает неправда гнев...» (I, 62). В споре Иова с друзьями Николев оказывается на стороне последних, выступает его обвинителем и, в конечном счете, ту же роль предоставляет Богу в своем переложении. Думая «поправить» (или дополнить) Ломоносова, Николев обнаружил менее адекватное понимание библейской книги и интерпретировал ее образы безотносительно к древней христианской традиции ее толкования.

Ода Николева – полемическое высказывание, находящееся в контексте современной ему философической дискуссии о проблеме теодицеи. Сформулированный в последней строфе от автора (и, в общем-то, дисгармонирующий с предшествующим текстом) вывод – «Все правосудно есть и благо» – повторяет «аксиому» в подзаголовке написанной в ее опровержение поэмы Вольтера «На разрушение Лиссабона»: «*всё – благо*» ("*tout est bien*"). Николев (может быть, невольно) сформулировал не ту мысль, что Бог правосуден и благ, а что «*всё*» правосудно и благо, хотя адресат его оды – слабый «для блага» и мятежный «раб», заслуживший свои страдания и заслуживающий, если не образумиться, еще больших.

2.3.

«Песнь Сотворившему вся» С.А. Ширинского-Шихматова

Князь Сергей Александрович Ширинский-Шихматов (1783–1837), принявший в 1830 г. монашеский постриг с именем Аникита,¹ был одним ведущих поэтов Беседы любителей русского слова (1811–1816).² А.С. Шишков в особенности пропагандировал его поэзию как образцовую по тематике (героико-патриотической и духовной) и высокому славянизированному стилю. Стихотворения Шихматова изобилуют цитатами из богослужебных текстов и Славянской Библии. Переложения из Книги Иова – из тех же, что у Ломоносова и Николева, заключительных глав – находятся в составе его большого оригинального стихотворения «Песнь Сотворившему вся» (1817).³

---

¹ Основные биографические сведения о нем см.: <Ширинский-Шихматов П.А.> О жизни и трудах иеромонаха Аникиты, в мире князя Сергея Александровича Шихматова. Читано в Российской академии 29 октября 1838 года. – Изд. 2-е. – СПб.: Имп. Акад. наук., 1853. – 69 с.; Жмакин В.И., свящ. К истории русской богословской мысли тридцатых годов текущего столетия: Из переписки братьев князей Ширинских-Шихматовых // Христианское чтение. – 1889. – Ч.1. – С.638–673; Ч.2. – С.97–124, 603–630; 1890. – Ч.1. – С.76–113, 314–333, 596–625; Ч.2. – С.3–64; Путешествие иеромонаха Аникиты по святым местам Востока в 1834–1836 годах. – М.: Индрик, 2009. – 208 с.; Шафранова О.И. Озаренный светом Евангельской истины: жизнеописание афонского инок Аникиты. – М.: Паломник, 2010. – 254 с.

² О поэмах Шихматова «Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия» (1807), «Петр Великий» (1810) и «Ночь на гробах» (1812) в связи со спорами о языке в нач. XIX в. и историей Беседы любителей русского слова см.: Альтишуллер М.Г. Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. – Изд. 2-е, доп. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – С.115–140.

³ «Песнь Сотворившему вся» в 1817 г. была издана дважды – отдельно (Песнь Сотворившему вся. Стихотворение князя Сергея Шихматова, члена Императорской Российской академии. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1817. – 32 с.) и в «Известиях Российской академии» (1817. – Кн.4. – С.5–34) вместе с примечаниями А.С. Шишкова (с.35–45), вслед за которыми следовало его предложение наградить Шихматова золотой медалью Российской академии, на что «Академия охотно соглашается» (Предложение в Российскую Императорскую академию от президента и Члена оныя Вице-Адмирала Шишкова // Известия Российской ака-

По жанру это типичная духовная ода, похвальный гимн Творцу, разросшийся до 59-ти 12-стишных строф. В первой его половине прославляются творения Божии, в описание которых введены парафразы из речи Бога к Иову, располагаемые в порядке шестоднева. Увещательная речь Бога к человеку явилась источником похвальной речи человека к Богу. Слово поэта представляется как вдохновенное и восполненное словом Божиим:

С высот к земле склонися слухом
И персти слабый глас внуши;
<...>
Восполни тем мой скудный дар,
Да я, Твоим словесный словом,
Псалтирь настроя, воспою,
Священным страхом одержимый,
И разум Твой непостижимый,
И мощь вседетельну Твою.¹

Уже в третьей строфе возникают легко опознаваемые реминисценции из Ломоносова, однако не из «Оды, выбранной из Иова». Ср.:

Пушаю робкий взор на землю,
На сонмы вод, на твердь небес
И мыслями едва объемяю
Часть малую Твоих чудес;
В Твоей державе повсеместной

демии. – 1817. – Кн.4. – С.47–65). Стихотворение перепечатано в подготовленном нами сборнике (Молитвы русских поэтов / Сост., предисл., примеч. В.Л. Коровина. – М.: Издательство «Э», 2015. – 223–241). Единственное исследование, где «Песнь Сотворившему вся» анализируется (вместе с текстами других авторов) см.: *Петров А.В.* «Миф творения» в «метафизических» и «физико-теологических» стихотворениях русских поэтов конца XVIII – начала XIX века // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. – 2011. – №3. – С.108–129.

¹ *Ширинский-Шихматов С.А.* Песнь Сотворившему вся. Стихотворение князя Сергея Шихматова, члена Императорской Российской академии. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1817. – С.4. Далее ссылки на страницы этого изд. даются в тексте.

Теряюсь – и в Тебе самом,
Как в бездне, гибну я умом.

(С.5)

У Ломоносова: «Его – земля и небеса, / Закон и воля повсеместна...» («Ода <...> Императрице Елисавете Петровне <...> декабря 18 дня 1757 года»; VIII, 636), «Так я, в сей бездне углублен, / Теряюсь, мыслями утомлен!» («Вечернее размышление»; VIII, 121).

Тварный мир Шихматов представляет в виде «лестницы существ», стремясь согласовать заимствованные, в основном, из Священного Писания картины с характерной для новоевропейской литературы идеей¹:

Могущ по крепости и власти
Все вдруг свершить, что восхотел,
Ты подвиг разделил на части
Твоих Тебя достойных дел;
И, жизни извода по чину
Из смеси мертвенных веществ,
Устроил лестницу существ;
Ея превыспренню вершину,
Твоим сияюще лучем,
Приблизил к Своему Престолу,
А низ, спустив глубоко долу,
Поставил твердо на ничем.

(С.5)

Последнее выражение заимствовано из Книги Иова: «Простираяй север ни на чемже, повешаяй землю ни на чемже» (Иов 26:7). Раннее Шихматов уже использовал его в поэме «Петр Великий» (1810), где тоже содержатся пространные славословия Творцу мира: «Тебя дела Твои достойны! / Одним любви Своей лучем / Из тьмы извлек Ты солнцы стройны, / Повесил землю на ничем...»²

¹ См. о ней: Лавджой А. Великая цепь бытия: История идеи / Пер. с англ. В. Софронова-Антони. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. – 376 с.

² Ширинский-Шихматов С.А. Петр Великий. Лирическое песнопение в восьми песнях. Сочинил князь Сергей Шихматов, Императорской Российской Академии член. – СПб.: Тип. Шнора, 1810. – С.183.

В следующей (пятой) строфе показано, что картина творения мира в Библии не противоречит современному научному знанию: Бог у Шихматова творит землю, «огруглив <ее> во образ шара» (с.6).

Далее (с шестой строфы) начинаются парафразы из речи к Иову, причем весьма «распространенные» по объему текста. Четыре стиха славянского перевода об отделении моря от суши Иов 38:8–11 («Заградих же море враты, егда изливашеся из чрева матере своея исходящее: положих же ему облак во одеяние, мглою же пових е: и положих ему пределы, обложив затворы и врата: рех же ему: до сего дойдеси и не прейдеси, но в тебе сокрушатся волны твоя») Шихматов распространяет на две строфы (7-я и 8-я). Он берет за образец соответствующую строфу «Оды, выбранной из Иова» Ломоносова (4-ю, см. о ней выше – 1.4), но стремится превзойти ее, умножая количество подробностей:

Ты морю быть велел – и море
Из недр подземной глубины
При страшном всех стихий раздоре
Исторлось – и во все страны,
Вздымаясь, ринулось волнами,
Побегло, полно гроз и сил;
Ты в ложе бездн его вместил
И мглой повил, как пеленами,
И тучи дал ему в покров,
И стражами устроил бреги,
На сушу все его набег
Препял преградою песков.

В день бури возмущаясь гневом
Кипит оно – и, горы вод
До облак воздвизая с ревом,
Небес обуревают свод;
Грозит в стремлении суровом
Потоп разлить на земный круг,
Всю землю превратить – но вдруг,
Твоим обузданное словом,
Мятежный прерывает путь;
И в нем самом, свирепства полны,

Упав, его дробятся волны,
Не смея за предел плеснуть.

(С.6–7)

«Свирепство» волн в последних стихах – заимствование у Ломоносова (ср. «И ей свирепыми волнами / Стремиться дале не велел...»).

Три стиха славянского текста Иов 38:25–28 (о дожде и злаках) Шихматов распространил на целых пять (!) строф (9–12), введя сюда речь о цветах и деревьях (см. с.7–9).

Описание неодушевленных творений Шихматов завершает распространенной парафразой стихов, находящихся в начале речи Бога в библейской книге: «Где был еси, егда основах землю? Возвести ми, аще веси разум. Кто положи меры ея, аще веси? Или кто наведый вервь на ню? (Иов 38:4–5). Ср. строфу 13-ю:

На мир, как зодчий, вервь прямую
Ты навел во всех местах;
Числом Ты числил персть земную
И весил холмы на весах,
На мерилах Ты важил горы
И мерил горстию моря. –
Ты, вся премудростью творя,
Стихий согласие и споры
Управил к общей тишине.
Чудес Твоих устройство чудно!
Ничто ни лишнее, ни скудно
На высоте и в глубине.

(С.9)

Далее начинается речь о существах одушевленных:

Ты рек – и тварь одушевлена
Дыхания прияла дар...

(с.10)

В одиннадцати строфах Шихматов говорит о обитателях воды (строфы 14–17), воздуха (18–19) и земли (21–23), подводя итог в 24-й

строфе: «Земля от края и до края / Вся тварями его полна, / И в каждой мысль Его видна» (с.15). Вслед за Ломоносовым Шихматов описывает орла, бегемота и левиафана, названы также «елени», «серны» и лев, а одна строфа (23-я) посвящена коню:

Там конь, на подвиги рожденный,
Взметает прах из-под копыт;
По телу силой обложенный,
По персям дерзостью покрыт,
Высокой выей величавый,
Красивейший земных зверей,
Шумит дыханием ноздрей
И, пореваясь в бой кровавый,
При звуке труб речет: готов!
Бежит со ржаньем громогласным
Навстречу молниям ужасным,
На стену копий и щитов.

(С.11)

Все животные, упоминаемые Шихматовым, взяты из Книги Иовы. Не будучи связанным обязанностями ее перелagателя, Шихматов расположил их не в той последовательности, как в библейской книге (и у Ломоносова). Перестановки, продиктованные идеей «лестницы существ» (см. выше), особенно существенны в отношении бегемота и левиафана.

О левиафане Шихматов пишет раньше, чем о бегемоте, и фрагмент о нем помещает среди рассказа о морских обитателях, сотворенных в День пятый:

Ты рек – и тварь одушевленна
Дыхания прияла дар...
<...>
И жизнью Океан кипящий
Животных бездну породил,
Народы жителей подводных,
Великих, малых, разнородных,
Различных видов, свойств и сил.

<...>

Над ними царь левиафан. –
Над всеми преисполнен мощи,
Пучину, стонушу под ним,
Спирает, гонит пред собою;
Ругаясь с ним ея борьбою,
Волнует ошибом своим.

Владыка бурные стихии,
Гордится тьмами тем рабов;
И сила у него на выи,
И страх вокруг его зубов,
И сердце, жесткое как камень,
Стоит, как наковальня, в нем;
Дыхая дымом и огнем,
Из хляби уст рыгает пламень
И, ярко рдяностью лучей,
Дождит на море искры с треском,
И, чхая, блещет молний блеском
Из грозных заревом очей.

Бронею чешуи одаян,
Бронею медяных щитов,
Сын бездны, бурями взлелеян,
Как буря мчится меж валов;
В сердца морей нисходит чревом,
Подъемлясь к облакам главой;
Железо – слабою плевой,
Считает медь – гниющим деревом,
Из пращей град вменяет в прах,
Не чуёт копий, в нем вонзенных,
На ложе камней изошренных
Покой вкушает по трудах.

(С.10–11)

В этих строфах Шихматов, во-первых, последовательно придерживается славянского текста Книги Иова (достаточно указать на «ошиб»), а во-вторых, явно соперничает с Ломоносовым, вслед за которым использует само слово «левиафан».

Оба эти обстоятельства отметил Шишков в своих примечаниях: «Строфа сия почерпнута из Иова (гл.41), где описывается кит, или величайшее из обитающих в глубине морей животное, которое Ломоносов в стихах своих назвал Левиафаном. Самые выражения подлинника почти из слова в слово сохранены... <...> Скажем без нарушения истины в честь князю Шихматову, что успехи его в стихотворении весьма не малы, когда и после Ломоносова предложенное им тож самое место можно читать с удовольствием».¹

Однако у Шихматова был и третий источник (вернее, образец), о котором Шишков умолчал, – это VII книга «Потерянного рая» Милтона, в которой архангел Рафаил рассказывает Адаму о творении мира.² «Песнь Сотворившему вся» композиционно соответствует этому рассказу во многих деталях. В частности, именно вслед за Милтоном Шихматов помещает левиафана среди существ, сотворенных в День пятый, а бегемота изображает крупнейшим из зверей, произведенных из земли в День шестой:

Из мертвых глыб и безобразных
Живые, стройны существа
Видением красот их разных
Являют дело Божества...
<...>
Там движется гора по берегу,
Вскрай бездны ходит бегемот
И волн ругается набегу,
Надежный сам себе оплот:
Состав его – как дуб, как камень,
Хребет – железо, ребра – медь;
Пожрав с полей пространных снедь,
Когда во чреве жажды пламень
Он в знойный угащает день,
Лиются в зев его потоки;

---

¹ <Шишков А.С.> Примечания на «Песнь Сотворившему вся» // Известия Российской академии. – 1817. – Кн.4. – С.39–40.

² Шихматов был одним из немногих в свое время знатоков английской поэзии: его литературным дебютом был стихотворный перевод «Опыта о критике» А. Попа (СПб., 1806), а одна из главных поэм – «Ночь на гробах» (СПб., 1812) – имела подзаголовок «Подражание Юнгу».

Не могут чащи древ высоки
Ему довольную дать тень.

(С.14)

Шихматов и здесь следует за славянским переводом, но образы поднимающихся из земли существ и бегемота как «движущейся горы» восходят к Милтону.¹ Нечто подобное мы находим у другого русского автора, подражавшего тому же отрывку «Потерянного рая», – в стихотворении С.С. Боброва «Размышление о создании мира...» (1804): «Там шаткий холм идет, иль сей огромный слон, / Являет блеск ума, чтит утром солнце он».²

Милтон сразу вслед за бегемотом упоминает «гиппопотама» (river-horse) и «чешуйчатого крокодила» (scaly crocodile), исключая, таким образом, возможность идентифицировать с ними бегемота и левиафана. Последние у него изображены как загадочные библейские животные, напоминающие о сквозном персонаже его эпопеи – о Сатане.³ Сходным образом они описаны у Шихматова, который вкладывал в свое стихотворение определенный вероучительный смысл. Вся вторая половина «Песни Сотворившему вся» посвящена человеку, и в особенности речь идет о грехопадении человека, которого подтолкнул к тому «змий злобы и гордыни», «джи отец» (специально «милтоновская» тема), и об искупительной миссии Христа,

Строфы Шихматова о левиафане и бегемоте выглядят как точная поэтическая парафраза славянского текста, но некоторые выражения он все-таки добавляет «от себя». В отличие от Ломоносов и Николева, он делает это не для того, чтобы направить мысль

¹ «Scarce from his mould / Behemoth, biggest born of earth, upheaved / His vastness» (Paradise Lost, book VII, v.470-472). Ср. в переводе А. Штейнберга: «...бегемот, / Крупнейшая из тварей земнородных, / Из вязкой формы глиняной с трудом / Освобождает непомерный груз / Своих телес огромных» (Милтон Дж. Потерянный рай. Возвращенный рай. Другие поэтические произведения / Изд. подготовили А.Н. Горбунов, Т.Ю. Стамова. – М.: Наука, 2006. – С.206).

² Бобров С.С. Рассвет полночи. Херсониды: В 2 т. / Изд. подготовил В.Л. Корвин. – М.: Наука, 2008. – Т.1. – С.275 (см. здесь же наши примечания: с.607–609).

³ См.: Милтон Дж. Указ соч. – С.607–608 (коммент. А.Н. Горбунова).

читателей к известным или фантастическим животным, а для того чтобы подчеркнуть духовную сущность изображаемого: левиафан у него «владыка бурные стихии, гордится тьмами тем рабов», он «сын бездны, бурями взлелеян»; бегемот у него ходит «вскрай бездны» и «ругается» набегу волн, «надежный сам себе оплот». Шихматов ничего не досочиняет, а лишь акцентирует то, что имеется в подлиннике, давая возможность демонологической трактовки образов левиафана и бегемота. При этом возможность такой трактовки он не слишком подчеркивает и не запугивает читателей, подобно Николеву, а стремится, подобно Ломоносову, вызвать их восхищение величием творения и мощью Творца, постоянно пекущегося о своих созданиях:

Но щит от гибели плачевной
Для тварей – Творческий совет...

(С.21)

Бог у Шихматова, как и у Ломоносова, благой Промыслитель и неодолимый Заступник человека:

Вотще змий злобы и гордыни,
Имея адом полную грудь,
На образ Твоея святыни
Дерзнул, завистливый,дохнуть
И в нем дхновением тлетворным
Затмил Божественный Твой блеск;
Дерзнул, внимая славы плеск,
Кипящ свирепством богоборным,
Изрыгнуть на Тебя упрек.
Но лжи отец хвалился ложно;
Судьбам Твои запнуть не можно,
Ты благ к словесному вовек.

(С.28)

* * *

Перелагая отрывки из Книги Иова, Шихматов стремился сделать это максимально близко к подлиннику, и нельзя сказать, что ему это совсем не удалось. Так, левиафан и бегемот в его перело-

жении выглядят такими же загадочными существами, как в самой Книге Иова. Целью Шихматова была не только христианская проповедь, но и, как у Милтона, – популяризация Священного Писания (в случае Шихматова – именно Славянской Библии, ее поэтических красот). Шишков, критически оценивший ломоносовскую «Оду, выбранную из Иова» за отступления от подлинника, Шихматова в этом отношении считал почти безупречным автором и ставил в пример соотечественникам: «Мы немного на нашем языке имеем стихотворений, в которых бы вера и любомудрие с таким красноречием проповедавались, и едва ли на других языках покажем что-либо в сем роде превосходнейшее. Конечно, многие мысли и описания его почерпнуты из Священных книг, также в некоторых местах подражал он и чужестранным знаменитым писателям, но и заимствования и подражания его, когда сличатся с подлинниками, то подлинники не помрачат их блеска».¹

Шихматов, подобно Николеву, соревнуется с Ломоносовым. Однако, если Николев, подражая ему «по форме», полемизирует с ним в идейном отношении, то Шихматов – *эксплицирует* идеи, находящиеся в «Оде, выбранной из Иова» Ломоносова. Как и он, Шихматов убежден в отсутствии конфликта между верой и знанием и между Богом и человеком. В «Песни Сотворившему вся» вслед за описанием явлений физического мира и животных он, как и Ломоносов, переходит к человеку. Речь о данных ему обетованиях и высоком предназначении разворачивается на протяжении всей второй половины гимна. Из ломоносовского поучения, что «Зиждитель» «все на пользу нашу строит», выводится то, что Бог участвует в жизни человека и все делает для его блага – для достижения им (что имплицитно подразумевается) божественного совершенства. В гимне Шихматова это выражено эксплицитно – в развернутой на десяток строф поэтической речи о вочеловечении и искупительной миссии Христа, к Которому обращены заключительные строки гимна:

Да здесь, где чуждо совершенство,
Хвалы начало положив

---

¹ <Шишков А.С.> Примечания на «Песнь Сотворившему вся» // Известия Российской академии. СПб., 1817. – Кн.4. – С.62–63.

Свершу за гробом, жизнью жив.
Да там, любви Твоей блаженство
Познав чрез собственный искуc,
Прослаблю, славою светая,
Тебя, о Троица Святая!
Тебя, Господь мой Иисус!

(с.32)

Кроме Николева и Шихматова, вслед за Ломоносовым переложить речь Бога к Иову решился Евгений Лукич Милькеев (1815–1845?) – сибирский поэт, который был замечен и поддержан В.А. Жуковским и в 1839 г. поселился в Москве.¹ Переложение Милькеева («Из Иова») было напечатано дважды – в журнале «Современник» в 1841 г.² и в сборнике его стихотворений (1843) в разделе «Переложения из Библии»³, причем является заключительным и в этом разделе, и в сборнике в целом. Оно носит следы ученичества у Ломоносова, хотя написано другим стихотворным размером. Вместе с тем стихотворение Милькеева по-своему оригинально, а в контексте его творчества особенно интересно, поскольку ряд других стихотворений в «Переложениях из Библии» сделан тоже из Книги Иова (из других ее частей). В этом разделе 12 стихотворений: «Премудрость», «Оборона», «Наитие», «Сетование», «Свидетель», «Бог нас проводит чрез горнило...», «Псалом на Голиафа», «Псалом 9», «Из Соломона» («Печален, мал путь жизни нашей...»), «Из Соломона» («Причастный гроба узам черным...»), «Из Мойсея», «Из Иова». Семь из этих 12-ти стихотворений, т.е. больше половины, являются переложениями из Книги Иова. Кроме последнего, в заглавии которого прямо на нее указывается, их ошибочно принимали за переложения псалмов⁴ («Премудрость»,

¹ См. о нем: Горбенко Е.П. Милькеев Евгений Лукич // Русский писатели. 1800–1917. Биографический словарь. – Т.4: М–П. – М., 1999. – С.60–61; Горбенко Е.П. К биографии Е.А. Милькеева // Русская литература. – 1983. – №1. – С.197–208; Стрижев А.Н. Евгений Милькеев: Жизнь и судьба // Стрижев А.Н. Собр. соч.: В 5 т. – Т.4. – М.: Об-во сохранения лит. наследия, 2007. – С.77–104.

² <Милькеев Е.А.> Из Иова // Современник. – 1841. – Т.23. – С.156–160 (напечатано под криптонимом Эм–въ). Текст первой публикации идентичен находящемуся в сборнике 1843 г.

³ Милькеев Е.А. Стихотворения. – М.: Губернская типография, 1843. – С.179–219, здесь 213–219. См. также: Милькеев Е.А. Стихотворения. Поэмы. Письма / Сост., вступ. статья, примеч. и библиография: А.Н. Стрижев. – Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2010. – 263 с.

⁴ См.: Азадовский М.К. Незвестный поэт-сибиряк (Е. Милькеев) <1922> // Азадовский М.К. Статьи и письма: неизданное и забытое. – Новосибирск: Западно-Сибирское книжное изд-во, 1978. – С.15–42.

«Оборона», «Наитие», «Сетование», «Свидетель» и «Бог нас проводит чрез горнило...»).

Приводим первое из них – стихотворение «Премудрость», открывающее в сборнике 1843 г. раздел «Переложения из Библии»:

Краше перла, изумруда,
Чище солнечных лучей,
Где живет она, откуда
Вечный свой струит елей?

Бездна молвит средь кручины:
Нет премудрости во мне;
Откликаются пучины:
Нет ее на нашем дне.

Безгранично-величава,
Утаилась от земли.
– Нам ея гремела слава –
Смерть и пагуба рекли.

Только мира Вседержитель
След премудрости постиг,
Безначально к ней в обитель
Прежде вечности проник.

Сам Он, полный провиденья,
Поднебесную блюдет,
Знает чин всего творенья,
Вихрей вес и меру вод!¹

Это близкое к тексту переложение знаменитого фрагмента одной речи самого Иова: «Премудрость же откуда обретется? И кое место есть ведения? Не весть человек пути ея, ниже обретется в человецех. Бездна рече: несть во мне: и море рече: несть со мною. Не дастся сокровище за ню, и не извесится серебро на изменение ея,

---

¹ Милькеев Е.Л. Стихотворения. – М.: Губернская типография, 1843. – С.179–178 (далее номера страниц этого изд. указываются в тексте).

и не сравнится со золотом Софирским, со ониксом честным и сапфиром: не равно будет ей золото и кристалль, и изменение ея сосуди злати. Превысокая и бисерие не помянутся, и притяжи премудрость паче внутреннейших: не уравниется ей топазий Ефиопский, со золотом чистым не сравнится. Премудрость же откуда обретется? И кое место есть разуму? Утаися от всякаго человека, и от птиц небесных скрыся. Пагуба и смерть рекосте: слышахом ея славу. Бог благо позна ея путь: Сам бо весть место ея. Ибо Сам поднебесную всю надзирает, ведый, яже на земли, вся, яже сотвори. Ветров вес и воде меру егда сотворил...» (Иов 28:12–25).

Столь же определенно в Книге Иова (славянском переводе) устанавливаются источники других названных стихотворений: «Оборона» – Иов 5:17–23; «Наитие» – Иов 32:7–22; «Сетование» – Иов 3:1–23; «Свидетель» – Иов 16:18–20; «Бог нас проводит чрез горнило...» – Иов 34:10–15.

«Премудрость» у Милькеева начинает раздел «Переложения из Библии», стихотворение «Из Иова» – заканчивает. Между ними помещены стихи, изъясляющие жалобы на жизнь.¹ В том числе «Сетование» – переложение первой речи Иова:

Точат плоть мою болезни,
В сердце лютый скорпион...
Проклят будь навек, исчезни,
День, в который я рожден!

<И т.д.>

Надо признать, что композиция раздела «Переложения из Библии» довольно искусная (в начале помещены жалобы человека, в конце – ответ Господа).

Речь Иова о премудрости – наивысший взлет его духа в библейской книге, превзойти которую могла только речь Бога. И именно ее переложение Милькеев помещает в конце раздела «Переложения из Библии» («Из Иова») и всего своего сборника. В отличие от Ломоносова, он не обрамляет речь Бога строфами от автора и не добавляет строф собственного сочинения, а следует (хоть и тоже выборочно) за текстом библейской книги. Однако уже по первой

¹ Жизнь Милькеева действительно была трудна и трагически окончилась (вероятно, самоубийством).

строфе видно, что он оглядывается не только на Книгу Иова, но и на Ломоносова:

Сквозь туман, грозой кипящий,
Бог перунами сверкал
И глагол громозвучающий
Необъятно простирал:
Кто ты, муж земной юдоли,
Бога смеющий винить
И гордыню дум и воли
От Него хотящий скрыть?

Первая половины строфы варьирует первую строфу Ломоносова, вторая – переложение не раз уже цитировавшегося выше начального стиха речи Бога в славянском переводе (Иов 38:2). Милькеев и отталкивается от своего великого предшественника (начавшего переложение речи Бога не со стиха 38:2, а со следующего), и подражает ему – может быть, из особенно глубокого почтения (имя Ломоносова в стихах Милькеева встречается; одно стихотворение прямо ему посвящено – «Сон Ломоносова»).

Отталкивание от «Оды, выбранной из Иова» Ломоносова и притяжение к ней заметно везде в стихотворении Милькеева. Одну из строф о животных он посвящает коню:

Ты ль бесстрашием и рвением
И красой венчал коня,
Налил грудь его кипеньем,
Бурей силы и огня?
Посмотри: он, чужд печали,
Бьет копытом по земле,
Не уклонится от стали
И ругается стреле.

Далее Милькеев говорит об орле (т.е. идет за Ломоносовым, который сконтаминировал в соответствующей строфе черты трех названных в оригинале птиц):

И твоей ли волей твердой,
Полюбив надземный дол,
С торжеством, с отвагой гордой
В небе носится орел?
Беззаботливо-широко
Распростер он крылья там
И стремится навстречу око
Ослепительным лучам.

Интересно, как Милькеев поступил с бегемотом и левиафаном. Их не пропускали до него состязавшиеся с Ломоносовым поэты (и использовали именно эти слова). Бегемот у Милькеева отсутствует полностью, а вместо «левиафана» появляется... «кит», т.е. он изображает то же животное, что Ломоносов (думавший именно о ките), но отказывается от слова «левиафан». Вместо трех строф о левиафане у Ломоносова в стихотворении Милькеева, при отсутствии бегемота, находим целых пять строф о ките (следующих сразу за строфой об орле и завершающих все стихотворение). Сходство и различие с описанием Ломоносова (наряду с текстуальными заимствованиями) и точные парафразы некоторых стихов оригинала, у Ломоносова пропущенных, заметить в этих строфах нетрудно:

И зацепишь ли ты удой
И запрешь ли в тенета
Вод земных царя и чудо,
Неприступного кита?
И ему рукой надменной
Ты предпишешь ли закон;
И попросит ли смиренно
У тебя пощады он?

Полон славы, полон силы,
Узы станет ли терпеть?
Как канат в нем свиты жилы,
Ребра кованая медь.
Не услышит наводнения,
И потоп ему мечта;

Примет шумное стремленье
Целых рек в свои уста.

Он взыграет, и трепещут
Недра влажной глубины;
Как денница очи блещут,
Бурным светом зажжены.
Из ноздрей горящих клубом
Раскаленный пар бежит;
Под его свинцовым зубом
Череп скал не устоит.

Водворяется свирепо
На гранитных персях мочь;
Перед ним всегда и слепо
Ходит пагуба как дочь.
Дух его – растущий пламень,
Разрывающийся гром;
Сердце, твердое как камень,
Будто наковальня в нем.

Спит на остриях подводных,
И сокровища, как прах,
Без числа под ним в холодных
Раскидались глубинах.
И встает от ложа с пиром,
С вечным жаром великан:
Как сосуд, налитый миром,
Кипятит он океан.

Ф.Н. Глинке принадлежит первое в русской литературе полное переложение Книги Иова. Это поэма «Иов. Свободное подражание священной Книге Иова», написанная в 1829–1834 гг., а впервые опубликованная только в 1859 г.¹ и переизданная в 1872 г.² Отрывки из поэмы перепечатывались в сборниках стихотворений Глинки (1957, 1986).³

У поэмы была сложная цензурная история, достаточно полно описанная в монографии В.П. Зверева (2002)⁴. История эта не вполне понята, поэтому здесь выскажем одно соображение. Поэма в начале 1835 г. была представлена в светскую цензуру, к концу года поступила в духовную, а в середине 1836 г. была официально отвергнута, причем с убийственным для Глинки добавлением, что «...если бы прелат, исправив рукопись по сделанным замечаниям, вторично представил ее в цензурный комитет, то да будет известно ему, что по силе 76 параграфа Устава цензуры комитет не может пропустить оной к напечатанию без разрешения Святейшего Синода».⁵ Серьезных претензий при этом не было высказано. Замечания в составленном в 1836 г. священником И.Д. Колоколовым отзыве⁶ удивляют своей незначительностью: они вообще

¹ Глинка Ф.Н. Иов. Свободное подражание Священной книге Иова. – СПб.: Тип. Королева и К°, 1859. – 173 с.

² Глинка Ф.Н. Сочинения: [В 3 т.]. – Т.3: Иов. Свободное подражание Священной книге Иова. – М.: Тип. М.П. Погодина, 1872. – 185 с.

³ Глинка Ф.Н. Избранные произведения / Вступ. статья, подг. текста и примеч. В.Г. Базанова. – Л.: Советский писатель, 1957. – С.287–295 (главы III, VI, VII); Глинка Ф.Н. Сочинения / Составитель, автор послесл. и коммент. В.И. Карпец. – М.: Советская Россия, 1986. – С.191–222 (главы II, III, VI, VII, XXIV, XXVIII, XXXVIII–XLI и «Эпилог»).

⁴ См.: Зверев В.П. Федор Глинка – русский духовный писатель. – М.: Пашков дом, 2002. – С.382–435.

⁵ Зверев В.П. Указ. соч. – С.393.

⁶ См. этот отзыв: Зверев В.П. Указ. соч. – С.392–393. О священнике Иоанне Колоколове, который как цензор был «весьма категоричен и упрям» и поэтому, по истечении цензурского трехлетия, в 1838 г., был заменен другим человеком (хотя подавал прошение оставить его в этой должности), см.: Котович А.Н. Духовная цензура в России: (1799–1855 гг.). – СПб.: Тип. «Родник», 1909. – С.392–394.

не касаются самой поэмы, а только некоторых выражений в авторском предисловии, вроде «знаменитый ересью Ориген» и «Иов, терзаемый не менее языческого Прометея», и в общей сложности всех таких замечаний только девять. Кроме того, Глинке вменили в вину посвящение поэмы «жене своей» как не согласующееся «с важностью канонической книги Священного Писания». Все эти выражения (даже если признать претензии к ним серьезными) легко можно было исправить, и Глинка выражал на это полное согласие. Зачем же тогда Санктпетербургский комитет для цензуры духовных книг не только не разрешил поэму к печати, но и отказался это делать впредь, предоставив рассматривать дело прямо Священному Синоду? На наш взгляд, ключом к пониманию этой неадекватной или, по крайней мере, неаргументированной суровости цензоров может служить одно замечание в отзыве Колоколова, вообще к Глинке не относящееся: «Статья *Критический разбор книги Иова*, еще *рукописный*, не принадлежит прелагателю и, по его словам, сделано человеком умным и знающим – *вероятно*, для классических упражнений юношества, обучающегося в духовных училищах, что, следственно, не доказано и чего доказать нельзя, ибо ни в каких духовных училищах не видно такого руководства. Почему извлечение из сего разбора не может быть пропущено к напечатанию».

Автором этого рукописного «Критического разбора Книги Иова», который Глинка для ученой солидности приобщил к своей поэме и которого цензор предпочел даже не называть, был протоиерей Г.В. Павский,¹ в 1835 г. отставленный с должности законоучителя наследника престола за учебники для занятий с ним, в которых были усмотрены «признаки неправоверия». История эта получила широкую огласку. Цензоры, видимо, заподозрили, что Глинка как-то связан с Павским и является транслятором его идей, убоились оказаться причастными к разыгравшемуся на самых верхах конфликту и, сняв с себя ответственность, предоставили дело на усмотрение Синода. Этим и объясняется поверхностность и формализм замечаний цензора, которые в данном случае

---

¹ Глинка пользовался также его опубликованной статьей: <Павский Г.П., протоиерей>. Нечто о книге Иова // Христианское чтение. – 1833. – Ч.3. – С.271–284.

являлись предлогом, а не причиной остановки книги. Глинка рукопись поэмы вместе с приложениями сдал в цензуру (светскую) в начале 1835 г. (а подготовил к концу 1834 г.) и, скорее всего, еще не был осведомлен об этой истории. В 1836 г. он охотно соглашался не печатать статью Павского вместе с поэмой, но это уже не помогло: решить вопрос о ее публикации теперь мог только Синод, но ни его решения, ни даже рассмотрения «Иова» в Синоде поэт так и не дождался. Его поэма оказалась случайной жертвой истории с Павским. Для нас этот факт важен, поскольку его можно принять как свидетельство о знакомстве Глинки с русским переводом Книги Иова, сделанным Павским (не опубл.).

Вопреки авторскому подзаголовку, «Иов» Глинки – не «свободное подражание», а именно переложение всей библейской книги, правда, довольно «свободное». Ведущим приемом этого переложения можно назвать амплификацию, умножение подробностей. Так, в «Прологе», пересказывая, как «пришли сыны Божии предстать пред Господа» и «между ними пришел и сатана» (Иов 1:6), Глинка дает пространное – более 50-ти стихов – описание сатаны: «И, следом за сынами света, / Пришел как мраз – губитель лета, / Отродье ночи – сатана. / Страшилище, огромный станом... <и т.д.>» (Изд. 1859. С.1–2). Автор первой рецензии на поэму небезосновательно усмотрел в этом описании слабую сторону поэмы.¹

Однако эти амплификации в поэме Глинки не являются простыми поэтическими вольностями. Он руководствовался определенными принципами, которые изложил в примечаниях к другой своей религиозной эпопее – «Таинственная капля» (изд. 1861): «Все выражения свои автор подчинял условиям предмета, он писал под условиями: а) Библейского предания; б) исторического порядка; с) местностей описываемого края и нравов; д) эпох, имевших свой современный цвет (автор старался, чтоб на всем, по возможности,

¹ «Не говорим уже, что это изображение сатаны слишком образно и напоминает вымыслы народной фантазии, редко отличающиеся в подобных случаях изяществом, главное дело в том, что сатана, трепещущий имени Божия, не мог в таком грозном виде явиться на небе и у престола его с громким смехом обличать нечестивцев. <...> Все это, впрочем, недостатки частные» (*Архангельский М.Ф., свящ.* Глинка Ф.Н. Иов: Свободное подражание священной книге Иова. СПб., 1859 // Странник. – 1860. – Т.1. – №1. Отд. III. – С.24–30, здесь с.28.

отражался местный колорит), и более всего: под условием догмы и строгого воззрения Православной Церкви. <...> Словом, автор писал картину по заготовленным уже рамам и часто (вопреки требованиям воображения и творчества) не мог выступить ни на шаг из границ, ему указанных».¹

В поэме «Иов» Глинка тем более строго придерживался этих «границ», что имел дело со вполне определенной библейской книгой. К переложению Книги Иова Глинка подходил как ученый поэт, основывающийся на трудах современных библеистов: именно поэтому в начале 1835 г., подавая поэму в цензуру, он в качестве приложения хотел дать статью протоиерея Герасима Павского, а при повторном ее издании в 1872 г. перед стихотворным текстом, помимо общего предисловия, поместил собственную статью «Взгляд на Книгу Иова» и «Мысли о Книге Иова» И.Г. Гердера (с. XI–XXI).

В церковно-научных кругах второй половины XIX в. поэма Глинки высоко оценивалась: ее публикации в 1859 г. способствовал известный некоторыми трудами по Ветхому завету профессор М.В. Шавров, после чего написал о ней большую апологетическую статью,² цензурное разрешение выдал архим. Феодор (Бухарев), а архиеп. Филарет (Гумилевский) назвал «Иова» Глинки «подражанием, достойным подлинника».³

Поэма Глинки в связи с Книгой Иова должна стать предметом отдельного исследования. Здесь скажем лишь несколько слов о том, как он переложил фрагмент о бегемоте и левиафана. В поэме Глинки это главы XL–XLI, общий объем которых почти 200 стихов (Изд. 1859. С.163–168; Изд. 1872. С.175–180). Среди них есть точные цитаты из ломоносовской «Оды, выбранной из Иова» (ее стихами Глинка, в частности, начинает описание левиафана: «Ты можешь ли левиафана / Не уде вытянуть на брег?» (Изд. 1859. С.165), но в

¹ Глинка Ф.Н. Таинственная капля. Народное предание: [В 2 ч.]. – Берлин: Тип. Карла Шультце, 1861. – Ч.2. – С.434–436.

² Шавров М.В. Иов и друзья его: (По поводу произведения Ф.Н. Глинки: Иов, свободное подражание священной книге Иова. СПб. 1859 г.). – СПб.: Тип. Королева и К°, 1859. – 34 с. То же см.: Духовная беседа. – 1859. – №48. – С.333–364.

³ Филарет (Гумилевский), архиеп. Обзор русской духовной литературы. Изд. 3-е, с поправками и доп. автора. – СПб.: Изд. книгопродавца И.Л. Тузова, 1884. – С.490.

целом соответствующие главы поэмы нацелены на то, чтобы актуализировать демонологические ассоциации, связанные с этими библейскими животными. Собственно, Глинка и не оставляет читателям возможности увидеть в них что-то, кроме образов дьявола. Таковы уже первые строки в его описании бегемота:

Взгляни, мудрец, на бегемота!
Он создан Мною ж, как и ты, –
Сей тварей первенец громадный;
Но создан он не для тебя,
Не для твоей потехи детской...

(Изд. 1859. С.163)

Глинка исправляет «ошибку» Ломоносова (у которого сказано: «Мною сотворен с тобой») и, чтобы не оставалось сомнений о смысле образа бегемота, называет его «тварей первенцем», что указывает на дьявола, который по этой причине в Библии и называется «денницей» (Ис 14:12) (с тем же намеком герой поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон» в самом ее начале назван «счастливый первенец творенья»). Глинка наряду со славянским пользовался переводами Книги Иова с еврейского оригинала, но в данном случае подразумевал отличающийся от него по смыслу славянский текст: «Сиесть начало создания Господня: сотворен поруган быти Ангелы Его» (Иов 40:14; рус. пер.: «...это – верх путей Божиих; только Сотворивший его может приблизить к нему меч Свой»).

В описание левиафана Глинка с экзегетическими целями добавляет, что при его приближении сердцами людей овладевает страх и уныние:

Когда он выступит из бездн,
Поморье все засуетится:
Тоска, как весть о смерти, мчится
И ужас скачет перед ним! –
<...>
Когда он выплеснет из вод, –
Полморья с шумом взбрызнет к небу,
И вздрогнут неба высоты,
И духом упадут герои...

(Изд. 1859. С.167)

Среди человеческих орудий, над которыми смеется левиафан, у Глинки неожиданно – но вполне логично, если иметь в виду его цели как экзегета и моралиста, – появляется «злато»:

Ему железо ваше – тлен,
И медь – как утлый, ломкий хворост,
Он втопчет ваше злато – в грязь!

(Изд. 1859. С.168)

«Злато» есть в славянском переводе, но в другом контексте: «Ложе его остни острии, всяко же злато морское под ним, якоже брение безчисленно» (Иов 41:21; рус. пер.: «Под ним острые камни, и он на острых камнях лежит в грязи» – Иов 41:22¹). Глинка сконтаминировал два варианта чтения этого стиха: использовал и «злато», и «грязь» (еврейский вариант мог быть ему известен не только по западным переводам, но и по неопубликованному русскому переводу прот. Г.В. Павского, к которому восходит синодальный).

Следующие два стиха («Возжизает бездну, якоже пещь медяну: мнит же море яко мироварницу и тартар бездны якоже пленника: вменил бездну в прохождение» – Иов 41:22–23; ср. рус. пер.: «Он кипятит пучину, как котел, и море претворяет в кипящую мазь; оставляет за собою светящуюся стезю; бездна кажется сединою» – Иов 41:23–24) Глинка «распространил» также оригинально:

Когда ж в пучину устремится, –
То море, как котел, кипит
И поседелое дымится,
Как мироварница в печи!
Его следы – разливы света...
Моря спокойные пахоть
Он любит неудержным бегом...
В нем целая живая рать!

---

¹ В еврейском оригинале в 41-й главе Книги Иова 26 стихов (в греческом и славянском – 25), поскольку на месте Иов 41:21 греческого перевода два стиха – Иов 41:21–22: «Булава считается у него за соломину; свисту дротика он смеется. Под ним острые камни, и он на острых камнях лежит в грязи».

Здесь первые две строки – аллюзия на «Оду выбранную из Иова» Ломоносова (ср.: «Когда ко брани устремится, / То море, как котел, кипит...»), слово «мироварница» – из славянского перевода, но выражение «его следы – разливы света» не имеет в нем соответствия: Глинка употребил его, опираясь на еврейский вариант чтения библейского стиха («оставляет за собою светящуюся стезю») и явно подразумевая именование дьявола Люцифером («светоносцем» – как переводил это слово М.М. Херасков в поэме «Вселенная», 1797). Последнее же выражение – «в нем целая живая рать» – вообще не находит соответствия в Книге Иова, это аллюзия на евангельский эпизод с исцелением бесноватого в стране Гадаринской, где бес свидетельствует о себе, что имя ему «легион»: «Вопроси же его Иисус, глаголя: что ти есть имя? Он же рече: легеон: яко беси мнози внидоша в онь» (Лк 8:30); «И вопрошаше его: что ти есть имя? И отвеща глаголя: легеон имя мне, яко мнози есмы» (Мк 5:9).

Как видно, каждая деталь, прибавляемая Глинкой к описанию левиафана, актуализирует аллегорическое его толкование как образа дьявола.

И, наконец, заключительный стих описания левиафана в Книге Иова Глинка использует в еврейском варианте («на все высокое смотрит смело; он царь над всеми сынами гордости» (Иов 41:26; ср. слав. пер.: «все высокое зрит: сам же царь всем сущим в водах» – Иов 41:25) и передает словами, которые вряд ли безоговорочно могут быть отнесены к кому-то, кроме главного злого духа христианской демонологии:

Он и на высь глядит надменно,
Своим могуществом кичась,
Сей силы и гордыни князь!..

(Изд. 1859. С.168)

Вслед за этим Глинка (возможно, чтобы не быть заподозренным в дуалистических воззрениях) добавляет к речи Бога отсутствующие в оригинале стихи догматического содержания:

Еще ли ты не убедился,
Что Я – вселенной Властелин,

Что Я везде все строю, знаю,
Сужу, мирю, распоряжаю,
Держу и властвую – один?!

(Изд. 1859. С.168)

М.В. Шавров в упомянутой выше обширной статье о поэме Глинки не прокомментировал интересующие нас фрагменты, но дал общую (и весьма благосклонную оценку) его переложения увещательной речи Бога к Иову: «В переложении речей Господа наш поэт близок к подлиннику: величественный и в то же время милостиво-снисходительный тон их удержан; допущенные в них распространения в изображении некоторых отдельных предметов придали им большую определенность, но не лишили речи той живости, какую они отличаются в подлиннике».¹

---

¹ Шавров М.В. Указ. соч. – С.34.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Выше были рассмотрены переложения из Книга Иова, непосредственно на ней основанные. Сочинения, в которых она отразилась не столь явно и открыто, остались за рамками нашего исследования, хотя, конечно, Книга Иова волновала многих русских писателей. А.С. Пушкин в начале 1830-х гг. хотел переложить ее и даже начинал для этого изучать еврейский язык, а проблематика Книги Иова отразилась в «Медном всаднике».¹ М.Ю. Лермонтова сравнивали с самим праведным Иовом.² (О некоторых аллюзиях на Книгу Иова в «Демоне» Лермонтова и «Медном всаднике» Пушкина и нам приходилось писать в отдельных статьях.³)

Николев, Шихматов, Милькеев и Федор Глинка переложили речь Бога к Иову. Все они в той или иной степени (в наименьшей – Глинка) оказались в зависимости от «зодчего слова русского» (как назвал Ломоносова Николев). Их тексты являются откликами не только на Книгу Иова, но и на «Оду, выбранную из Иова» Ломоносова, осмыслявшуюся в свое время и с художественной, и с идейной стороны.

Позднейшие авторы, делавшие переложения из тех же глав библейской книги, старались обойти некоторые детали, ассоции-

---

¹ См.: *Тархов А.Е.* Повесть о петербургском Иове // Наука и религия. – 1977. – №2. – С.62–64; *Тархов А.Е.* Размышления по поводу одной иллюстрации к «Медному всаднику» // Альманах библиофила. – Вып.23: Венки Пушкину (1837–1987). – М.: Книга, 1987. – С.284–295; *Юрьева И.Ю.* Библейская книга Иова в творчестве Пушкина // Русская литература. – 1995. – №1. – С.184–187; и др.

² «Богоборчество Иова повторяется в том, что Вл. Соловьев справедливо называет у Лермонтова “тяжбою с Богом” <...> Никто никогда не говорил о Боге с такою личною обидою, как Лермонтов. <...> Вл. Соловьев осудил Лермонтова за богоборчество. Но кто знает, не скажет ли Бог судьям Лермонтова, как друзьям Иова: “Горит гнев Мой за то, что вы говорили о Мне не так верно, как раб мой Иов” – раб мой Лермонтов» (*Мережковский Д.С.* М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества <1909> // М.Ю. Лермонтов: pro et contra. – СПб.: РХГИС, 2002. – С.368–369).

³ См.: *Коровин В.Л.* О библейских мотивах в лермонтовском «Демоне» в связи с его творческой историей: (от Байрона – к Мильтону) // Литературоведческий журнал. – 2014. – №35. – С.18–33; *Коровин В.Л.* К вопросу о литературных источниках поэмы Пушкина «Медный всадник»: («Потоп» С. Геснера и Е.В. Херасковой) // Болдинские чтения 2016. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2016. – С.117–139.

рующиеся с Ломоносовым, – прежде всего бегемота и левиафана, введенных им в русскую поэзию и как бы отмеченных в ней печатью его имени.

Л.А. Мей в стихотворении «Из книги Иова»¹ в оригинальной метрической форме переложил первую часть речи Бога, в том числе почти все стихи о животных: у него названы львица и левята, ворон и его птенцы, «газель», «еленица» (серна), «зебр» (дикий осел), «носорог» (дикий буйвол), павлин, аист, строфоками (страус). Одна строфа посвящена коню, одна – орлу:

Ты ль страх в нем пробудишь, как страх в насекомом?
Его разъяренные ноздри страшны!..
Он роет копытами бранное поле и рвется навстречу
Покрытым броней и просится смело в кровавую сечу,
На меч, на копье и на стрелы врага.
Звонят над ним тулы и лук; он дрожит весь и ждет – не дождется
Призывной трубы, и едва раздается
Звук трубный, он радостно вымолвит: «Га!»

Так издали чует он битву и по полю скачет со ржаньем.
Ответствуй: твоею ли хитростью, или твоим ли познанием,
В поднебесье ястреб недвижно стоит
И смотрит на юг, а орел взлетает под самыя звезды,
И вьет на скалах неприступныя гнезда,
И зорко добычу на них сторожит?²

Вторую часть Божественного ответа Мей не стал перелагать (видимо, не желая состязаться с Ломоносовым). Однако его стихотворение – вполне законченное, заключающее в себе переложение всей первой речи Бога (хоть и выборочное). Оно завершено парфразой первого ответа Иова Богу (Иов 39:33–35):

И рек Господь Иову:
«Кто же теперь от суда уклоняется?

¹ См.: Мей Л.А. Сочинения и переводы. – [Т.1:] Былины и песни. – СПб.: Тип. Семена Сединкина, 1861. – С.4–8.

² Там же. – С.7–8.

Не должен ли смело ответствовать тот, кем Сам Бог обличается?»

И Иов ответил: «Моя слепота

Греховна; но, Боже! Твое милосердие ко мне безгранично...

Что раз говорил, не скажу я вторично,

И руку мою положу на уста...»¹

Единственный критический разбор стихотворения Мея принадлежит Акиму Волынскому (1887)², который сравнивал его с переложением Михаила Соломоновича Абрамовича (1859–1940) «Из книги “Иов”»³, в ряде случаев отдавая предпочтение последнему. Абрамович переложил обе части речи Бога, его стихотворение завершается описанием бегемота и «крокодила». Текст этот малоизвестен, поэтому приводим несколько отрывков:

Смотри: бегемот, как и ты, сотворенный

Рукою моею в созидания дни,

Как буйвол, несется по ниве зеленой!

Сильны его мышцы и члены, взгляни!

<...>

Изловишь ли ты на уду крокодила?

Как рыбу, его за язык привлечешь?

Ты в нос ему вденешь ли поросли Нила

Иль медным кольцом его щеки проймешь?

Придется ль ему умолять о пощаде?

Услышишь ли ты его жалобный рёв?

Его укротишь ли? Найдешь ли ты в гаде

Раба своим детям на веки веков?

Ты станешь ли им потешаться, как птицей,

Иль свяжешь его для девичьих забав?

Его продадут ли в рыбацкой станице

Купцам Ханаанским ловцы, не поймав?

Пронзишь ли его гарпуном или пикой?

Пусть длань на него занесет человек –

¹ Там же. – С.8.

² См.: Волынский А.Л. Библия в русской поэзии. Этюды первый // Восход. – 1887. – №7–8. – С.72–82.

³ Абрамович М.С. Стихотворения. – СПб.: Типо-литография А.Е. Ландау, 1889. – С.156–168.

Он бой не забудет: с отвагой великой
Опять не восстанет на зверя вовек.
Уж взгляд его – смерть; все расчеты напрасны:
Кто вызов чудовищу бросит ужасный?

Кто ж померится со мною?
Кто мне дал добро свое,
Чтоб я был ему обязан?
Все, под небом, все – мое!

<...>

На вые чудовища мощь почивает,
Пред ним смертный ужас несется, летит;
Член к члену вплотную на нем прилегает,
Незыблем он, точно из бронзы отлит.
Что камень, так сердце звериное твердо,
Как жернов, душа крокодила жестка;
Трепещут борцы, коль восстанет он гордо,
Он ступит – героев объемлет тоска;
Мечами ль ударит – мечи иступятся,
И латы, и копья и дрот сокрушатся.

Булат изощренный зароет он в иле,
Дочь лука – игра ему, дым – булава,
Железо – солома, медь – скопище гнили,
Свист копий – забава, ткань сети – плева.

Плывет он – пучина клокочет котлами,
Поток благовония мускуса полн,
Лучится стезя ему между струями,
Седеют гряды рассекаемых волн...
Кто равен ему? Он бесстрашен с врагами,
И мною он создан в цари над зверями...¹

---

¹ Там же. – С.164, 165–166. В процитированных стихах можно отметить, по крайней мере, одно заимствование из поэмы Глинки «Иов»: «Он ступит – героев объемлет тоска...» (ср. стихи Глинки, приведенные выше).

Поэты конца XIX в. перенесли свое внимание с Божественного увещания Иову на его жалобы и спор с женой и друзьями. Никаких следов речи Бога к Иову не находится в стихотворениях под титулом «Иов» Александра Ивановича Красницкого (1866–1917) (печатался также под псевдонимом Ал. Лавров) и Иеронима Иеронимовича Ясинского (1850–1930).¹ На жалобах Иова сосредоточился и Д.С. Мережковский в своей «библейской поэме» «Иов» (1895)², где Богу вообще не предоставлено слово. Вся Его речь свелась к одной авторской ремарке:

Смертному Бог отвечал несказанным глаголом из бури.

Далее следует текст, показывающий, что, несмотря на вернувшееся к нему благополучие, Иов не был и в принципе не мог быть утешен. Смысл поэмы резюмирован в двух заключительных стихах:

Тщетно за всех угнетенных алкала душа его правды, –
Правды Господь никому никогда на земле не откроет.³

В поэзии рубежа XIX–XX вв. стало обычным самоотождествление авторов со страдающим Иовом, как, например, в стихотворении К.М. Фофанова «Скорбь Иова» (1886)⁴, при этом жалобам на жизнь ничего утешительного не противопоставлялось.

Одним из немногих поэтов того времени, кто в стихотворении об Иове представил ситуацию иначе, в утешительном ключе (а значит, в чем-то сходно с Ломоносовым), был Вячеслав Иванов,

---

¹ См.: Библейские мотивы: [232] рисунка художника Густава Доре со стихотворениями к каждому рисунку русских поэтов / Изд. А.А. Каспари: [В 3 вып.]. – Вып.2: Ветхий Завет. От сотворения мира до царствования Давида. 82 рисунка.... – СПб.: Тип. «Родины» (А. Каспари), 1896. – С.66–70.

² Мережковский Д.С. Иов // Мережковский Д.С. Полн. собр. сочинений: [В 24 т.]. – Т.22. – М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1914. – С.135–140 (указанная дата – 1895 г. – находится здесь же под текстом).

³ Там же. – С.140.

⁴ Фофанов К.М. Тени и тайны. Стихотворения. – СПб.: Изд. книгопродавца М.В. Попова, 1892. – С.329–333.

завершивший свое короткое (из трех строф) стихотворение «Иов» (1912) такую строфой:

Но лишь кто долгий жизни срок
Глубоко жил и вечно ново,
Поймет – не безутешный рок,
Но утешение Иова:
Как дар, что Бог назад берет,
Упрямым сердцем не утрачен,
Как новой из благих щедрот
Возврат таинственный означен.¹

---

¹ *Иванов В.И. Стихотворения. Поэмы. Трагедия: В 2 кн. / Вступ. ст. А.Е. Барзаха; сост., подг. текста и примеч. Р.Е. Помирченко. – СПб.: Академический проект, 1995. – Кн.1 – С.434. – (Новая библиотека поэта). Стихотворение «Иов» впервые напечатано в сборнике «Нежная тайна» (1912).*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i>	5

Часть первая

«Ода, выбранная из Иова» в «Одах духовных» М.В. Ломоносова и Книга Иова

1.1. «Ода, выбранная из Иова»: датировка, источники; обзор литературы	8
1.2. «Оды духовные» в сочинениях Ломоносова и Книга Иова	29
1.3. Строфы «от автора» в «Оде, выбранной из Иова» (1 и 14)	61
1.4. Библейская экзегеза в переложении Ломоносова. – Строфы 2–8	84
1.5. Бегемот и Левиафан (строфы 9–12)	103
1.6. Строфа о творении человека (13). – Некоторые итоги	113
1.7. Ломоносов в полемике с поэмой Вольтера «На разрушение Лиссабона» в 1757 г. и И.Ф. Богданович как переводчик этой поэмы	124

Часть вторая

Речь Бога к Иову в стихотворных переложениях конца XVIII – первой половины XIX века

2.1. «Ода, выбранная из Иова» М.В. Ломоносова в откликах поэтов конца XVIII – начала XIX века	138
2.2. Н.П. Николев и его «Ода, выбранная из Иова, из тех же глав, из коих выбирал г. Ломоносов»	147
2.3. «Песнь Сотворившему вся» С.А. Ширина-Шихматова ..	173
2.4. «Переложения из Библии» Е.Л. Милькеева	185
2.5. Бегемот и левиафан в поэме Ф.Н. Глинки «Иов»	191
<i>Вместо заключения</i>	199

Коровин В. Л.

К89 Книга Иова в русской поэзии XVIII – первой половины XIX века. М.: Водолей, 2017. – 208 с.

ISBN 978–5–91763–373–2

Книга посвящена стихотворным переложениям XVIII – первой половины XIX в. из Книги Иова и их литературному, религиозному и идеологическому контексту. Первая часть – об «Оде, выбранной из Иова» М.В. Ломоносова; вторая – о стихотворениях Н.П. Николева, С.А. Ширинского-Шихматова, Е.Л. Милькеева и Ф.Н. Глинки.

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Korovin V. L.

The Book of Job in Russian poetry of the XVIII and the first half of the XIX centuries. Moscow: Vodolej, 2017. 208 p.

ISBN 978–5–91763–373–2

The book is dedicated to the versifications of The Book of Job in Russian poetry of the XVIII and the first half of the XIX centuries and their literary, religious and ideological context. The subject of first part is the «Ode selected from Job» by M.V. Lomonosov; the second part deals with the poems of N.P. Nikolev, S.A. Shirinsky-Shikhmatov, E.L. Milkeyev and F.N. Glinka.

Коровин Владимир Леонидович

Книга Иова в русской поэзии XVIII – первой половины XIX века

Технический редактор А. Ильина
Корректор Н. Федотова

Подписано в печать 20.05.17. Формат 60х90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Печ. л. 13

Издательство «Водолей»
127254, г. Москва, ул. Гончарова, 17-А, кор. 2, к. 23
Официальный сайт: <http://www.vodoleybooks.ru>
E-mail: info@vodoleybooks.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в АО «Т8 Издательские Технологии»
109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел.: 8 (499) 322–38–30

